

Ненависть
как пустота.
Бесконечная.
Холодная. Вечная.

#НЕНАВИСТЬ

КНИГА
ВТОРАЯ

ЛЮБОВЬ

Анна Джейн

trendbooks

Анна Джейн

#НенавистьЛюбовь. Книга вторая

«CLEVER»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Джейн А.

#НенавистьЛюбовь. Книга вторая / А. Джейн — «CLEVER»,
2019 — (trendbooks)

ISBN 978-5-00115-953-7

Моя любовь обернулась ненавистью. Даня предал меня. У него есть другая, у меня – другой. Наша вселенная для двоих разрушилась в один день. Я решила быть счастливой ему назло. Теперь где бы он ни появлялся, я делаю все, чтобы напомнить, как подло он поступил со мной. Но кажется, Даня не забывал. Почему-то он по-прежнему рядом, когда это так нужно.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00115-953-7

© Джейн А., 2019
© CLEVER, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	67
Глава 13	72
Глава 14	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анна Джейн

#НенавистьЛюбовь. Книга вторая

*Юлии Жданович, которая была с этой историей от самого начала
и до конца*

© Анна Джейн, 2019

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

Художественное оформление Audrey Shtecinjo

Изображение на обложке использовано с разрешения <https://www.stocksy.com/969732/explosion-of-flowers>

Пролог

В ночном клубе было многолюдно, шумно и весело. На подсвеченной неонов сцене извивались красивые девушки в откровенных нарядах. Разноцветные лучи били по телам танцующих, световые импульсы вспыхивали над их головами и растворялись, словно гаснущие звезды, а музыка звучала так громко, что басы заставляли вибрировать легкие. Стоящий за пультом известный диджей умело задавал ритм и заводил толпу.

Приглашение на эту вечеринку получили лишь избранные – по френд-листу или по клубной карте. Простым же смертным вход в это считавшееся элитарным место был запрещен. Топовая площадка со строжайшим фейсконтролем – не место для обычного человека. Здесь собирались «сливки общества»: золотая молодежь, известные актеры и музыканты, политики и бизнесмены, готовые оставить в заведении круглую сумму.

Сегодня в клубе праздновался день рождения одного из тех, кто всегда беспрепятственно мог в него попасть. Вечеринка восхищала масштабами и шоу-программой. «Премиум и драйв» – таким был девиз клуба. Однако тот, в честь кого был праздник, во всеобщем веселье не участвовал. С бокалом виски в руках он стоял в ВИП-ложе на втором уровне и смотрел оттуда вниз на беснующихся на танцполе. На его лице, которое в мягком холодном свете казалось бледнее обычного, не было даже улыбки. Он казался равнодушным, только во взгляде прочитывалась то ли обида, то ли разочарование, то ли усталость.

– Эй, Влад, ты все еще тут тусишь? – ворвался в ложу один из его друзей, тяжело дышащий после танцпола. Глаза у него были совершенно пьяные, хотя алкоголем от молодого человека не пахло. – Пойдем вниз, оторвемся!

– Не хочу, – ответил Влад и сделал глоток виски.

– Ты все еще ждешь ее? Хватит! – нахмурился его друг. – Иди и сними тут какую-нибудь девчонку. Ты же знаешь – любая будет твоей. Моментально.

– Не хочу.

– Чувак, что она с тобой сделала? Ты поехал крышей, да? Раньше ведь был нормальным. А стоило тебе встретить эту стерву, как...

Договорить парень не успел – его перебили.

– Ты не мог бы свалить? – положил ему на плечо руку Влад. – Иди, веселись, разводи девок, нюхай кокс. А меня оставь в покое.

Взгляд его был таким тяжелым, что друг просто махнул рукой и действительно ушел, слегка покачиваясь. А Влад сел на диван, обитый мягкой белой кожей, закурил и взял в руки телефон. На своем дне рождения он чувствовал себя абсолютно чужим.

На этот раз она все же ответила ему – не прошло и десяти длинных гудков.

– Привет, – услышал он ее голос, и сердце почему-то сжалось.

– Привет, – тихо сказал Влад. – Где ты?

– Я уехала вчера. Прости, что не отвечала: не слышала звонков.

– Ты не думала, что я волнуюсь? – отстраненным голосом поинтересовался Влад.

– Прости, – повторила девушка. – Но мы же с тобой договаривались, что не станем контролировать друг друга. Я – тебя. Ты – меня.

Теперь в ее голосе звучала мягкая укоризна.

– Верно. – Влад выдохнул дым. – Не обижайся, малыш, но я волнуюсь.

– Со мной все хорошо, и... – Девушка замолчала, словно не решаясь что-то сказать.

– И?..

– Давай расстанемся, – вдруг сказала она.

Влада словно толкнули в грудь – с такой силой, что у него перехватило дыхание. Он даже ответить не мог.

– Влад? – осторожно переспросила девушка после долгой томительной паузы. – Ты меня слышал?

– У меня сегодня день рождения, – невпопад сказал парень и залпом выпил стакан виски.

– Прости, прости, пожалуйста, – тихо проговорила девушка. – Я забыла... Боже, как неловко.

Он ухмыльнулся. Просто неловко, серьезно?

– Ты умеешь делать подарки, малыш, – с неожиданным весельем в голосе сказал Влад. Сердце в груди билось как сумасшедшее. Как будто бы он не сидел на диване, а танцевал вместе со всеми этими идиотами, которые сегодня сюда притащились.

– Правда, прости меня, – прошептала девушка. – Я совершенно забыла. Господи, я дура.

– Его день рождения ты не забываешь, малыш, – с горечью отметил Влад. – Ты ведь к нему поехала, да?

– Влад...

– Я знаю, что к нему.

– Прости... Не знаю, что еще сказать. Ты хороший человек и...

Он снова ее перебил:

– И ты бросаешь хорошего человека в день его рождения, – усмехнулся Влад. – Знаешь, получается, что «хороший человек» – это новое оскорбление.

– Вовсе нет! – воскликнула девушка.

– Забавно, что в итоге я не смог стать похожим на него и ты меня кинула. – Виски обжигало горло.

– Влад, не говори так. Я чувствую себя настоящей мразью. Пожалуйста, прости...

Дослушивать ее Влад не стал: на него накатила внезапная волна ярости. Он кинул телефон в стекло, отделяющее его от веселящегося танцпола. Стекло было противоударным и выдержало, а вот дорогой телефон разбился. Следующими – уже в стену – полетели бутылка виски и бокалы. Ненависть, обида и боль ослепили Влада. Он на несколько мгновений перестал себя контролировать. И в душе полыхало только одно желание – отомстить.

Заглянувший на шум охранник ничего предпринимать не стал: у молодого хозяина был скверный нрав, и время от времени случались подобные припадки бешенства.

Волна ярости откатила, и Влад моментально успокоился. Он опустился прямо на пол и прикрыл глаза, все еще надеясь, что разговор с той, которую он любил, – шутка. Сон. Иллюзия. Но чем больше времени проходило, тем сильнее он осознавал, что это горькая, как виски, реальность. Почти каждый день его рождения не задавался.

Он родился четвертого июня. В этот же день спустя несколько лет умерла его мать. Через год четвертого июня его забрали в семью отца. А там жизнь никогда не была сахарной, мачеха и братья заботились об этом. Когда показалось, что жизнь налаживается и у Влада появились друзья, четвертого июня ему объявили, что он отправится учиться в Лондон. Сделали подарок. Когда он вернулся – ирония судьбы, не иначе, – то через сутки после дня рождения обнаружилось, что от передоза едва не погиб его лучший друг. Неудивительно, что любимая девушка бросила его в день рождения.

Влад хрипло рассмеялся. В ложу вновь заглянул охранник:

– Извините за беспокойство, Влад Борисович. Ваш старший брат приехал. Хочет вас лично поздравить.

– Какого... – нахмурился Влад, поднимаясь на ноги. Старший брат, Алексей, всегда был к нему равнодушен. И если в детстве задира, то начиная с подросткового возраста просто перестал замечать.

Алексей появился в ВИП-ложе спустя десять минут. Проворные официантки за это время успели убрать все осколки и разлитый виски. Влад, натянув на лицо маску равнодушия,

хотя в груди у него все еще кипел холодный огонь, сидел на диване и встретил брата с зажженной сигаретой в руке.

Старший брат был копией отца: такой же высокий, с тяжелыми плечами и вечно нахмуренными бровями. Он подошел к Владу так стремительно, что тот и слова сказать не успел. Подхватил за ворот рубашки, поднял и ударил по лицу. Больно. Обидно. А у Алексея – холодная расчетливая ненависть в глазах.

– За что? – только и спросил Влад, чувствуя во рту железный привкус крови.

– Как ты это сделал, сопляк? – спросил Алексей. – Как. Ты. Это. Сделал? – И снова ударил младшего брата. Так, что тот отлетел на пол.

Влад никогда не сопротивлялся им. Не мог. Не имел права. Они вбили это в его голову с детства. *Он ни на что не имеет права.*

– Что? – сплевывая кровь, хрипло спросил опарашенный Влад. – Ты... о чем?

– О завещании отца, – присел на корточки Алексей и схватил Влада за волосы. – Хочешь сказать, не знал, что отец включил тебя в завещание? Что оставляет тебе половину всего, что у него есть? Отвечай, щенок.

– Я не знал, – замотал тот головой. – Не знал. Впервые слышу!

– Так я тебе и поверил, – прорычал Алексей. – Я сделаю все, чтобы тебя не было в завещании. Понял? Тебе ничего не достанется, щенок. Ты – никто. Влез в нашу семью вместе со своей мамашей. И хочешь получить наши деньги? Пошел ты.

Еще один удар и еще – и Влад, закашлявшись, согнулся на полу. Из-за разбитой губы вкус крови сделался невыносимым.

– Это первое и последнее предупреждение, – тихо сказал Алексей. – Ты ничего не получишь.

– Пошел ты... – отозвался Влад.

– Поздравляю с днем рождения, братишка.

Алексей в последний раз ударил Влада – ногой по ребрам. И ушел, громко хлопнув дверью.

А спустя несколько дней Влад едва не убил человека. Да и сам чувствовал себя мертвым.

Часть 1

Глава 1

Любовь как проклятие

Она всегда была рядом. И я всегда хотел, чтобы она была моей. Я помнил ее столько же, сколько и себя. Маленькая, кудрявая, смелая, истошно вопящая и с вечными синяками на коленках. С зелеными глазами и аккуратным носиком. Дарья Сергеева была моей главной проблемой с самого детства.

Все началось с того, что я решил на ней жениться, а она не хотела со мной даже играть – общество девчонок нравилось ей куда больше. Это здорово бесило. И чтобы привлечь ее внимание, я шел на многое. Воровал ее игрушки, кидался песком, ставил подножки, придумывал обидные прозвища. Даже задирали ей юбку – было дело. От отца, правда, потом влетело, и юбку пришлось оставить в покое. А когда один тип во дворе решил задрать юбки Дашке и ее подружке, я так отходил его песочной лопаткой, что от отца мне потом снова досталось.

Но сколько бы я ни пытался заставить ее обратить на меня внимание, ничего не получалось. Выходить за меня замуж Сергеева точно не собиралась. И видела во мне какого-то идиота. А это здорово обижало. Я ведь, черт побери, старался! Чем больше она отталкивала меня, тем больше я хотел быть с ней рядом. Была бы моя воля – велел бы ей общаться только со мной. И поселил бы ее в своей комнате, уступив кровать.

– Пусть Дашка переедет к нам, – попросил я однажды мать.

– Зачем? – задала она логичный вопрос.

– Чтобы всегда была рядом со мной. Как ты рядом с папой, – просто ответил я.

Мать тогда только смеялась и называла меня «маленьким собственником», а я не понимал, в чем дело, и злился.

Однажды во время сончаса в детском саду Дашка захотела, чтобы ее поцеловал какой-то пацан. Помню, я успел оттолкнуть его и подставил ногу – так, что Сергеева поцеловала пятку. Она так орала, что я едва не покатился по полу от смеха. Но в итоге она отомстила. Засунула за унитаз мою шапку. А я не смог промолчать.

Что бы я ни делал, она всегда давала отпор. И это мне тоже всегда нравилось в Дашке. Она не хныкала, не жаловалась и не ныла. Просто отвечала мне тем же. Могла обзывать, ударить, придумать пакость. А я радовался – теперь Сергеева не забывала обо мне. Я был уверен – такое общение ей нравится не меньше, чем мне.

Наше соперничество стало делом чести. Мы не оставляли друг друга в покое даже на день. Однако иногда все-таки заключали негласное перемирие – вместе играли, смотрели мультики, порой даже вместе засыпали на одной кровати, что умиляло взрослых. Мы стали заклятыми друзьями. И я здорово ревновал ее ко всем.

Когда у нас был выпускной в подготовительной группе, воспитательница предложила Дашке выбрать мальчика для парного танца: или меня, или другого пацана. «Матвеев тупой, с ним танцевать не буду!» – заявила она и стала улыбаться другому. Меня это так задело, что я в итоге поставил ей подножку. Неудачно. Весь выпускной Сергеева просидела на стульчике, глядя на меня с ненавистью. А что я? Я только язык ей в ответ показывал. Не надо было отказываться!

После детского сада мы попали в одну школу и в один класс. К моему восторгу нас даже посадили вместе. И я был так рад, что не мог оставить Дашку в покое. Сейчас я понимаю, что вел себя как последний кретин, но я действительно не мог перестать приставать к Сергеевой.

Это было не развлечением, как кто-то может подумать, а моим способом доказать ей свои чувства. Она должна была думать обо мне столько же, сколько думал о ней я. И потому не давал ей проходу.

Она должна была быть моей. Но почему-то очень плохо понимала это. А мне просто не хватало мозгов, чтобы нормально ей все объяснить. Да и какой смысл был объяснять?

Дашка называла меня Клоуном, а я ее – Пипеткой. Только мое прозвище не прижилось, а ее – вполне. Из-за этого она ужасно злилась, а я радовался. Радовался каждый раз, когда удавалось задеть ее и вызвать у нее эмоции. Я не хотел быть для нее пустым местом. Я хотел стать для нее самым важным человеком в мире. Даже писал для нее стихи. Корявые, без ритма и рифмы, но именно в них – и только в них – я мог выразить свои чувства.

Однажды из-за меня Дашка порезала руку. Кажется, мы не поделили конфеты. Наверное, нам было лет по тринадцать, мы подрались, как часто делали это прежде, и только тогда я впервые понял, что она все же девчонка. Слабая, нежная, относительно беззащитная – тонкие руки, тонкие ноги, ни намека на мускулы. Зато у нее большие зеленые глаза и губы бантиком, на которые я, как идиот, часто пялился.

На руке у нее появилась кровь, и я чертовски испугался, что обидел ее, сделал больно. Я сам чуть не заплакал. Наложил ей повязку, то и дело спрашивая, как она. И впервые почувствовал, как быстрее бьется сердце, когда мои пальцы касаются ее нежной кожи.

Потом это стало привычным делом. Сергеева и учащенный пульс – синонимы. Не могу реагировать на нее иначе. Ее присутствие рядом всегда сводит с ума, кружит голову. Заставляет думать только о ней. И эти мысли не всегда приличны. Вернее, почти всегда неприличны.

В тот раз она не выдала меня, и тогда-то я точно понял, что люблю ее.

Говорят, что любовь – прекрасное чувство. Когда она приходит, радостно поет стая крылатых младенцев, взрываются идиотские фейерверки и в нос бьет острый запах ванили. Но у меня было иначе. Закинув руки за голову, я лежал на кровати, смотрел в окно, и в голове сама собой появилась простая мысль: «Я ее люблю».

Я ее люблю. С этими мыслями долгое время я просыпался и засыпал. Я ее хотел. Это проклятое чувство не отпускало меня. Я никому о нем не говорил. Всё держал в себе.

Боялся, что засмеют, осудят, выставят идиотом. В первую очередь – она. На остальных мне было плевать, но мнение Дашки всегда было для меня важным. Подросткам стыдно любить – до определенного возраста. Стыдно признаваться в зависимости от кого-то. Того, кто терпеть тебя не может.

Я молчал и делал то же, что и всегда, – обращал на себя ее внимание. Единственным способом выразить свои чувства стали «валентинки», которые я тайно присылал Дашке на четырнадцатое февраля, меняя почерк. А потом ошивался рядом, подслушивая ее разговоры с подружками. Она не догадывалась, что «валентинки» – от меня. А я радовался.

Помню, как от ее подружки Ленки я узнал о том, что ей нравится пацан, играющий на скрипке. Имя уже забыл, но вот фамилия до сих пор сохранилась в голове – Альтман. Он был из тех, кого хвалят учителя, но сверстники не берут в команды по футболу или баскетболу на физре. Худой, слабый, трусливый, со скрипкой наперевес – я не понимал, что Сергеева в нем нашла! И разозлился так сильно, что дома сломал табуретку об стену – с самоконтролем у меня в этом возрасте было очень плохо. Я с трудом контролировал свою злость и ревность.

Затем я придумал план. Решил пообщаться с Дашкой от имени Альтмана – и для этого попросил взрослого двоюродного брата купить новую сим-карту.

«Ты нравишься мне так сильно, что я не могу себя контролировать», – написал я ей. И это было правдой. Я не мог себя контролировать из-за этой кудрявой девчонки. Видел ее в короткой юбке – не мог отвести взгляда от ножек. Смотрел на губы, и само собой выходило, что в голове появлялись картинки, в которых я целую ее. А когда мы ездили всем классом в бассейн, так и вовсе с ума сходил, глядя на нее в купальнике. Правда, когда кто-то из пацанов

заявил, что у Сергеевой «фигурка ничего так», я, не сдержавшись, дал ему в морду. Больше никто о ней такого не говорил. По крайней мере при мне.

Приближался очередной День святого Валентина. И от имени Альтмана я написал Дашке кучу «валентинок». Даже пригласил ее на свидание, и она пришла! Пришла, чем окончательно вывела меня из себя. Дашка ожидала увидеть своего Альтмана, а увидела не только не его, но и меня с друзьями, ржущих как кони в яблоках. Признаю, это был дурацкий поступок – заставить скрипача прийти вместе с нами и выставить все так, будто мы решили поиздеваться над Сергеевой. Но в средней школе я считал, что это хорошая месть за то, что Дашка выбрала не меня, а какого-то там Альтмана.

После этого случая Дашка впервые спалила меня на контрольной по химии, в результате чего я получил двойку. И не получил обещанный отцом новый крутой велик. А я в отместку закрыл ее в спортзале. Ушел домой, промаялся пару часов, думая, как эта идиотка там будет одна. И вернулся. Правда, опоздал – Дашку уже кто-то выпустил.

Я был так на нее зол, что даже стал сомневаться, любовь ли это. Однако совместный Новый год многое для меня прояснил. После того как я запустил в ее шкаф белую мышку, Дашка меня едва не прибила. Да еще и отец застукал за тем, как я надел себе на голову ее лифчик. Я уже думал, мне хана. Однако попустило. И глубоко ночью из квартиры Сергеевых мы сбежали в нашу квартиру. Сидели с ногами на моей кровати в полутемной комнате, слушали, как гремят салюты, и пили шампанское, которое я стащил.

Дашка была красива. Я любовался ею, отпуская то и дело на автомате глупые и колкие шуточки. А сам думал о том, что хочу дотронуться до соблазнительной ямки у нее между ключицами. Или убрать с тонкой девичьей шеи длинные кудрявые волосы. Или лучше вообще запустить в них пальцы.

Когда в комнату заглянули родители, мы притворились спящими. А потом действительно заснули – бок о бок. Как в глубоком детстве. Я чувствовал тепло ее тела и не мог унять бешеное сердцебиение. А когда понял, что она крепко спит, приподнялся и, не сдержавшись, поцеловал ее. Нет, поцеловал – громко сказано. Коснулся ее губ своими губами и замер. Во-первых, не знал, что делать дальше. А во-вторых, боялся, что Дашка проснется и убьет меня.

Я отстранился, разглядывая ее красивое лицо, и снова не сдержался – дотронулся все-таки до ямки между ключицами. Дашка зашевелилась, и я дико испугался, что она не спит. Однако она просто перевернулась на бок. Тогда я снова лег – к ней лицом. И сам не заметил, как заснул.

Я действительно очень ее любил. Вместе с осознанием любви пришло понимание того, что я должен защищать Сергееву. Она же девчонка. Шумная и вредная, но все же такая слабая. А я – парень. И с легкостью могу перекинуть ее через плечо. К тому же с подачи отца я пошел на бокс, а потом, став старше, стал заниматься смешанными боевыми искусствами.

Я пообещал себе, что никогда не оставлю ее в беде. Всегда буду защищать, даже если она не будет любить меня в ответ. И я держал свое слово до последнего. Придурки, которые пристали к ней зимним вечером после школы, урод на дискотеке, Серый... Я всегда ее защищал.

Дискотека. Ее я не ждал. Танцы меня никогда не впечатляли, да и двигаться под музыку я не умел. Куда лучше у меня получалось боксировать. Но Дашка хотела пойти, и я не мог оставить ее одну. Мало ли кто захочет к ней прицепиться?

В ночь перед этим дурацким событием Дашка мне снилась. Нет, снилась она мне часто, но впервые сон был эротическим и таким горячим – с острыми ощущениями. Почти реальными. Я шел босиком по горячему песку и увидел ее, лежащую на берегу. Волны накатывали на ее обнаженные ноги. Солнце играло в распущенных по плечам волосах. На Дашке была лишь рубашка – моя белая рубашка с длинными рукавами, застегнутая наполовину. Она едва прикрывала бедра. И на ярком свету казалась полупрозрачной.

Я замер, глядя на Дашку, не зная, что делать и говорить. Просто смотрел на нее, не понимая, что это сон. «Иди ко мне», – игриво сказала Дашка, откидывая волосы на одно плечо. И я послушно опустил на влажный песок рядом с ней. Несмело провел рукой по ее щеке, спустился к шее и отдернул руку. Она рассмеялась и потянулась ко мне сама, чтобы поцеловать.

Не помню, как Дашка оказалась подо мной. Помню только, как я шептал ее имя и как наши ноги ударялись теплые волны. Все, что происходило между нами, было вспышками. И я с трудом сдерживал вскрики, глядя в зеленые глаза. Я повторял ее имя до тех пор, пока не проснулся. За окном все еще стояла глубокая ночь. Грудная клетка высоко и часто вздымалась. А нижняя губа была прокушена до крови.

Когда я стоял в душе, думать мог только об этой заразе Сергеевой. Как только она умудрилась пробраться в мои сны? С тех пор Дашка постоянно мне снилась. И чаще всего в этой проклятой белой рубашке, которая едва прикрывала ее тело. Во сне я мог быть с ней – брать за руку, целовать в висок, зарываться носом в непослушные волосы. Но реальность была жестокой. Реальная Дашка не знала, что так нравится мне.

Во-первых, я не собирался ей ничего говорить. Знал, чем это обернется для меня. Моя любовь – моя слабость. А свои слабости я всегда предпочитал держать только при себе. Во-вторых, Сергееву вообще не интересовали парни. То ли после Альтмана интерес к отношениям у нее как отрезало, то ли она все еще оставалась маленькой девчонкой, которая тащилась от «Линейки» и скупала комиксы. В любом случае дружба с пацанами ее не слишком-то интересовала. А меня она воспринимала как бесполое нечто, которое всегда находится рядом с ней, задирая и веселя ее. Как же это злило!

Да меня едва не разорвало от злости, когда на следующий день после того сна я встретил Сергееву, а она беспокоилась только о том, как пройдет дискотека и пригласит ли ее кто-нибудь танцевать. Я лишь зубами скрипел, наблюдая, как они с Ленкой красятся и мучают волосы, собираясь на дискотеку. Во сне я целовал эту дуру и шептал как ненормальный ее имя. А в реале она сидит рядом и не обращает на меня внимания. Все, что ее заботит, – какой помадой намазать губки. Помню, тогда я чуть не сказал, что без помады ей лучше, но сдержался.

Все равно ее первый танец был моим. Я специально пошел с ними, мрачно думая, что придется разбить табло тому, кто пригласит Сергееву. Однако никто не спешил ее приглашать. Сначала я злорадствовал, но, заметив, какими печальными стали Дашкины глаза, не сдержался – пригласил ее. Для меня это был настоящий подвиг! Я искренне считал, что танцы – мероприятие для обделенных умственными способностями дегенератов. Да и танцевать не умел.

Но стоило мне положить руки на ее талию, как я забыл обо всем на свете. Нес какую-то чушь, пытался выглядеть крутым. Налетел на быка из десятого класса. Подрался с ним, чтобы не казаться в глазах Сергеевой, да и всех остальных, слабаком. Нас вовремя разняли, но врезал я ему пару раз знатно! Правда, через несколько дней десятиклассник подкараулил меня с друзьями, и все бы кончилось плохо, но меня выручили парни из взрослой дворовой компании.

А потом мы с Сергеевой танцевали под снегом. Если бы сейчас кто-нибудь предложил мне танцевать в пуховике в заснеженном парке, я бы послал его. Но тогда это казалось чем-то невероятным. Я, Дашка, снежинки на ее длинных ресницах. Она сказала, что поцелует меня. И эти слова застали меня врасплох. Я решил, что, если она поцелует меня сейчас, я скажу ей все. Прямо там, под снегом. Расскажу, что люблю ее. Что хочу встречаться с ней. Что она лучше любой другой девчонки.

Естественно, этого не случилось. Сергеева решила запихать мне в рот снег. И я думал, что прикончу эту засранку. В эту ночь Дашка снова мне снилась – сидела у меня на коленях, обнимала и шептала что-то. А что, я так и не разобрал.

Глава 2

Ангел и ведьма

Спустя месяц или два в моей жизни появилась Каролина. Я не сразу узнал в новой однокласснице с длинными светлыми волосами ту самую девчонку, которую решил защитить от патлатого нефора под кайфом. Не то чтобы я был благородным малым – вообще нет. Скорее уж эгоистичным и жестоким в подростковом возрасте. Но когда обижали девчонок или мелких, во мне что-то включалось. И я шел разбираться, забыв оценить преимущества противника.

Каролину я тоже решил защитить. Серьезно, меня всегда бесило, когда здоровый хрен с горы пытается наезжать на хрупкую девочку. Как говорил мой тренер: «Хочешь самоутвердиться – иди на бой с теми, кто сильнее, а не слабее». А патлач явно пытался самоутвердиться за счет Каролины. Это меня и взбесило. Я нехило врезал ему и дал деру вместе с девчонкой: понял, что патлач не один, а с друзьями. Я не боялся их, но умом понимал, что один целую компанию не одолею. К тому же если буду драться, то девчонку защитить не смогу. Поэтому мы убежали.

Каролину Серебрякову зачем-то посадили со мной за одну парту. Сначала я относился к ней настороженно: к нам в дыру попала богатая девочка из Москвы, должно быть, крутая и с амбициями. Но потом стал смотреть на нее как на сестренку. Милая, нежная, спокойная, утонченная... Она прикрывала рот ладошкой, когда смеялась, смущалась, если пацаны заговаривали с ней, и всегда оставалась улыбчивой и отзывчивой.

Она была полной противоположностью Дашки. Как ромашка – кактусу. Ангел – ведьме. Только о Каролине мне не снились сны, и на ее губы было смотреть совсем не в кайф. Чисто теоретически я мог бы с ней замутить и попробовать завести «типа серьезные отношения», но не видел в этом смысла. Нравилась-то мне Дашка. А Каролина никогда не была в моем вкусе, хотя я и считал ее хорошим другом. Обижать друга я не собирался. Даже когда она предложила мне встречаться, я отказался. Зачем портить отношения? Рассердился только, когда понял, что Сергеева подслушала наш разговор, и назло ей хотел сказать Каролине, что хочу быть с ней. Едва сдержался.

Каролина действительно была классным другом. Однажды я спросил у нее:

– Что делать, если нравится девчонка?

– Все просто, Дан. Дать ей это понять, – ответила она.

– Если я признаюсь Дашке, она решит, что я прикалываюсь, – вырвалось у меня. И она почему-то изменилась в лице.

– Что такое? – спросил я.

– Всё в порядке. Просто голова неожиданно заболела, бывает, – отмахнулась Каролина. – Ты ведь имеешь в виду Дашу Сергееву? Признайся ей.

Легко сказать – признайся! Я решился далеко не сразу – оттягивал и оттягивал. До последнего дня учебы. И только тогда отважился. Затащил эту глупышку в «Макдоналдс» и сказал, придерживаясь ранее придуманного плана, что она нравится одному моему другу. Сергеева удивилась и обрадовалась одновременно. Попыталась выпытать у меня, кому нравится, но я ничего ей не сказал.

– Намекни хоть, какой он? – спросила она с любопытством.

– Тупой, – ответил я тотчас, потому что действительно считал себя тупым. И поспешно добавил, что на нее упадет только такой.

Ее ответ меня уничтожил.

– Считай меня кем угодно. Но сейчас мне это неинтересно. Ленка рассказывала, как целовалась с одним типом из «Г» класса, и ее чуть не стошнило. И меня вместе с ней.

Потому что целоваться надо с любимыми, а не с кем попало. Так что передай своему Другу, что я не заинтересована в отношениях, – задумчиво сказала Сергеева, и я понял, что она говорит искренне.

Если бы я сказал, что она нравится мне, Дашка точно бы меня засмеяла. Я бы этого не вынес. Я не собирался быть в ее глазах неудачником и лохом – всегда боялся, что она будет думать, что я слабак. Всегда. До сих пор.

После этого разговора я пришел домой и просто упал лицом на кровать. С одной стороны, мне было дико стыдно. С другой – спорт научил меня не сдаваться так просто. Чтобы поставить хороший удар, мне пришлось долго тренироваться. И я считал, что любовь – как бокс. Чем больше бьешь в цель, тем точнее попадаешь.

Я промучился всю ночь, но решил повторить свой подвиг. И позвал Сергееву в парк, чтобы признаться в любви. Я. Хотел. Признаться. В. Любви. Но воспринимал это так, будто... Хотел. Признаться. В. Своем. Бессилии.

Каролина меня поддержала в моем решении. И я пришел в парк загодя, к своему удивлению встретив там пацанов, с которыми общался. Каролина хотела, чтобы друзья меня поддерживали, а потому написала им. Эти придурки и пришли. Я пытался их спровадить, потому что такая поддержка мне на фиг была не нужна, а они только сделали вид, что ушли. Спрятались за кустами, а я и не понял этого сразу, только потом дошло, когда они стали ржать. Но вот Дашка сразу что-то заподозрила – она всегда была умной девочкой. Решила, что я снова прикалываюсь. И жестко опрокинула меня. Заявила, что такие, как я, ей не нравятся. Лучше бы она тогда ударила меня, чем так говорит.

– Я лучше со Стоцким стала бы встречаться, чем с тобой, Матвеев! – выкрикнула она, сверкая глазами. И я моментально вышел из себя от злости и ревности. Мне захотелось уколоть ее в ответ. Почему больно должно быть только мне?

– Ты поняла, что я прикалываюсь. Или ты реально думала, что нравишься мне? И что я хочу с тобой дружить? – зло усмехнулся я, пытаюсь строить из себя взрослого и крутого. – Нет, детка. Вовсе нет. Ты тоже не в моем вкусе.

Деткой всех девчонок называл один крутой тип из соседнего подъезда. В татухах, с пирсой в губе, классными бицухами и кучей подружек. Я хотел быть похожим на него.

– Ну-ка, ну-ка, а кто в твоём вкусе? – сощурилась Дашка. – Серебрякова?

– Что ты ко мне с ней пристала?!

– Потому что она тебе нравится?

И я соврал. Назло ей соврал.

– Да! – заорал я. – Она мне нравится! Она красивая. Нежная. Женственная. Не то что ты!

А потом Дашка увидела пацанов и ушла: гордая, стремительная, недоступная. Парни окружили меня, но я растолкал всех и просто свалил в другую сторону, злой до изнеможения. В ушах все еще звенел ее голос. Ее слова о том, что Стоцкий лучше меня. И что она выбрала бы его.

Меня нашла Каролина, которой пацаны всё рассказали. Она извинялась, говорила, что просто хотела мне помочь и не знала, что так все обернется. Если бы мне так «помог» Петров, я бы ему вмазал по челюсти. Но это была Каролина Серебрякова, и я даже голос на нее особо повесить не мог, не то что ударить. Сначала я злился, но она почему-то заплакала. А женские слезы всегда были самым мощным оружием против меня. И я успокоился.

Мы гуляли недалеко от моего дома, когда встретили Дашку. И я понял, что она меня еще долго не сможет простить. Сказав пару гадостей в своем фирменном язвительном стиле, Сергеева ушла, а я залез на забор и закрыл лицо руками. Каролина стояла рядом и стала гладить меня по плечу. Это раздражало.

– Убери руку, – попросил я ее, а на ее глазах снова появились слезы.

– Ты теперь, наверное, меня ненавидишь, – прошептала она.

Мне стало стремно: обижать ее в мои планы не входило.

На следующий день меня позвала на вписку одноклассница. Никуда тащиться мне не хотелось, но я случайно узнал, что там будет и Дашка. Поэтому все-таки согласился. Надеялся поговорить с Сергеевой там, на нейтральной территории, и все объяснить.

Не помню, как так вышло, что на вписку я пришел одновременно с Каролиной, и все решили, что мы вместе. Народу было немало. Гремела музыка, на столе и на полу стояло много алкоголя, на который заранее скидывались парни. Было весело. Кто-то танцевал, кто-то дурачился, кто-то откровенно флиртовал друг с другом. Помню, я смотрел на старшеклассника и старшеклассницу, которые целовались на диване, и меня это ужасно завело – гормоны. Мне хотелось так же – с Сергеевой. И я с трудом отвел от парочки взгляд.

Каролина чувствовала себя не в свой тарелке, испуганно жалась ко мне, а когда какой-то чувак решил позаигрывать с ней, мне пришлось его отгонять. Почему-то это еще больше убедило остальных в том, что мы – пара.

Когда соизволили прийти Дашка с Ленкой, я уже выпил бутылку пива и чувствовал себя взрослым и свободным. Каролина не отходила от меня ни на шаг, но меня это уже не напрягало. Напрягало другое – то, что рядом с Сергеевой стал виться тот самый Стоцкий. Он слишком откровенно пялился на ее ноги. Я тоже на них пялился, не скрою, но хотя бы делал это украдкой. И возмущался про себя – зачем Пипетка напялила такой короткий сарафан? Еще короче не могла найти? Ее ноги всегда мне безумно нравились.

Скотский-Стоцкий тоже их оценил. От этого хотелось натянуть хотя бы один его глаз на задницу, чтобы не пялился на Дашку, но пришлось сдержаться. Устраивать драку в чужом доме не хотелось. И я молча глотал то, как Скотский лапал ее, прижимал к себе и нес какую-то чушь прямо ей на ухо.

Дашка же все время улыбалась, точно кукла. Наверное, он ей и правда нравился. Мне оставалось только сжимать кулаки. Между тем целующаяся парочка на диване не унималась. А вскоре они исчезли – я прекрасно понимал, для чего. И попытался думать не о том, как на моих коленях будет сидеть Сергеева и целовать меня, обвив руками шею, – иначе мне придется позорно ретироваться куда-нибудь в ванную. Я разговорился с Каролиной о совершенно посторонних вещах, выпил еще пива, и меня отпустило.

Кто-то предложил сыграть в «бутылочку». Я зачем-то согласился. Каролина – тоже. Из-за алкоголя было весело и кружилась голова, поэтому я лег прямо на пол, положив голову ей на колени. И думал, что было бы круто, если бы мне выпало взасос поцеловать Сергееву. Но эта идиотская «бутылочка» дала мне возможность только обнять Дашку. Она так пристально и нехорошо на меня смотрела, что я обнял ее и моментально отстранился, мысленно посылая куда подальше.

Когда выпало, что я должен по-взрослому поцеловать Каролину вместо какого-то пацана, я не стал отказываться. Был уже на пределе – не мог больше смотреть на то, как это делают другие. А еще хотел доказать Сергеевой, что мне на нее плевать, – пусть хоть облизывает своего Скотского с головы до ног.

Делать это на виду у всех было страшно. Все внимательно смотрели на нас с Каролиной, будто хотели увидеть шоу. И раз они хотели шоу, я решил, что они получают его. «Сейчас или никогда», – скомандовал я себе. После этих слов я, как правило, не отступал. И делал то, что делать боялся или не хотел. Под одобрительный гул пацанов я взял тонкое нежное лицо Каролины в свои ладони, склонился к нему и поцеловал, не зная, правильно делаю или нет. Я старался быть нежным, но напористость победила.

Каролина обняла меня – сначала несмело, а потом ее пальцы стали сжимать мои плечи все сильнее и сильнее. И я понял, что все хорошо. Ей нравится. Она отвечает мне. И никто не смеется за нашими спинами. Мы целовались долго – оба были неопытны, и обоим сердца

жгла страсть. Не знаю, почему в какой-то момент я решил, что целую Дашку. Наверное, во всем был виноват алкоголь.

Когда я отстранился от Каролины, чувствуя, как зашкаливает пульс, и обернулся, то увидел бледное лицо Сергеевой. И испугался на миг – как так? Почему она там? Я же только что целовал ее, а она меня.

И только потом до меня дошло – я целовал Каролину. При Дашке. И кажется, это ей не понравилось. Она обиделась. Но почему? Разве не она говорила, что даже Скотский лучше меня? Да он просто мешок с камнями, что она в нем нашла-то?!

Забавно, виноват был я. Но при этом злился на Дашку из-за ее нового друга. Я то и дело вспоминал, как день назад она говорила мне, что отношения ей не нужны. И, видя, как она позволяет ему обнимать себя, осознавал – Сергеева солгала. Опрокинула меня. И повелась на Скотского (Стоцким мне его называть упорно не хотелось).

Я был так на него зол, что мы с этим петухом снова стали задираться. Я реально готов был ему врезать, но нас развели парни. Однако я знал, что эта вписка закончится дракой. Чувствовал это. И не зря. Как это вышло, я плохо помню. Кажется, они столкнулись на кухне – Дашка пролила что-то на платье Каролины. А я наехал на нее, потому что был зол. «Даша! – хотелось крикнуть мне. – Какого фига ты мне соврала?!»

– Пошел к черту! – вполне логично послала меня Дашка.

– Сама иди! Как всегда, от тебя одни неприятности, – рявкнул я в ответ, стараясь не смотреть на ее ноги.

И тут пришел он – тот, кто, по мнению моей вроде бы любимой девушки, был лучше меня. Чем лучше? Тем, что ставил малолеток на счетчик в школе?

– Какого фига ты на мою девчонку голос повышаешь? – поинтересовался Скотский, и меня накрыло.

«Моя девчонка»? Это с каких таких пор она твоя? Я просто подошел к нему и молча врезал по морде. Он не ожидал и отлетел в сторону. Потом вскочил и набросился на меня. А я только этого и ждал. Скотский дрался лучше – чувствовался опыт. Да и в подлых приемчиках он был спец.

Но я – более техничный и быстрый. И очень тогда злой. Злость всегда придает силы.

Не знаю, чем бы все закончилось, но нас снова разняли. Думаю, я разнес бы ему поллица. Но, увы. Мне не позволили. После драки Дашка и Ленка куда-то убежали, заставив меня почувствовать себя виноватым, – наверное, они испугались наших разборок. Правда, долго я в себе не копался. Приехали вызванные соседями менты, и нас всех увезли в участок.

Забирал меня отец. Сначала он был зол и пригрозил мне домашним арестом на все лето. Однако потом приехала мать Каролины, и начались новые разборки. Эта тетка, на которую Каролина была абсолютно не похожа, стала орать на меня, решив, что я – парень ее драгоценной дочери. Не помню уже, что конкретно несла ее мать. Кажется, пыталась поставить меня на место. И популярно объясняла мне, кто я, а кто ее дочь. Кричала, что мы – из абсолютно разных миров, чтобы я не смел приближаться к Каролине ни на шаг. Иначе у меня будут большие неприятности.

Тут уже не выдержал отец. Вступился за меня.

– Прости, она всегда такая, – тихо сказала Каролина, пока ее мать орала на моего отца, а весь участок дружно делал фейспалм.

– Все в порядке. Ты что, – улыбнулся я ей с сочувствием.

– Иногда я ее ненавижу, – вдруг вырвалось у нее. – Вечно ведет себя как хабалка. Выставляет себя посмешищем. И меня заодно. Прости, Дан.

– Гражданка, вы не могли бы потише? – попросил в это время кто-то из ментов.

– Я сама буду решать, потише мне быть или погромче. А на вас и вовсе в суд подам. Притащили моего ребенка в такое место! Как преступницу!

– Следить нужно за своим ребенком, дамочка.

– Не поняла – вы это меня «дамочкой» назвали? – Она даже задохнулась от гнева. – Да вы знаете, что я...

– Мама, хватит! – вдруг громко и звонко сказала Каролина. – Прекрати, пожалуйста. Стыдно.

На этом ее мать успокоилась и утащила Каролину из участка. А меня увез домой отец. И еще час я слушал нудную лекцию о том, что не стоило пить и драться. Каролине действительно было стыдно. На следующий день она даже приехала ко мне домой – извиняться.

– Пожалуйста, прости, – повторяла она, пряча глаза. – Маму слишком заносит.

– Все в порядке, Каролина, – улыбнулся я ей. – Но ведь она права. Кто ты и кто я. Вы богатые. Мы обычные.

– Чушь, Дан! Это такие глупости! Ты мой самый лучший друг. Мне плевать, сколько у тебя денег. Понимаешь? Я дружу с тобой, потому что ты хороший человек. И только поэтому, – в отчаянии говорила Каролина. И я знал, что она говорит искренне.

Она успокоилась не сразу, но, слава богу, не плакала. И даже посоветовала все-таки еще раз поговорить с Дашкой, чтобы все решить.

– Если любишь – не отпускай, – сказала она мне. И я решился на третью попытку. Перед ее уходом послал Дашке сообщение, в котором написал, что она мне нравится. Но в итоге Сергеева уже в третий раз меня отшила.

Кого-нибудь отшивали блюющим смайлом? Меня – да. «Какой ты идиот. Бесишь. Иди к своей Каролиночке!» – ответила мне Дашка, поставив этот тупой смайл. И я не смог сдержаться. «Передай Скотскому, что ему не жить. Найду и выбью все дерьмо», – пообещал я, решив, что она окончательно выбрала его, а не меня. Дня два мы не виделись. А потом Сергеева притащилась ко мне в комнату, пока я был в душе, и стала рыться в моих вещах. Я ненавидел, когда кто-то трогал мои вещи – даже матери не разрешал убираться в своей комнате, делал это сам. А Дашка пришла и сразу же запустила свои острые коготки в то, что я прятал ото всех. В мои стихи.

Когда я вошел в комнату с полотенцем наперевес и с мокрыми после душа волосами, Сергеева озадаченно таращилась в мой черный лаковый блокнот на пружине. Читала мои стихи. Стихи, которые я ото всех прятал. Стихи о том, как я люблю ее. Очередное доказательство моей слабости.

Волна злости захлестнула меня с головой. Да как она только посмела?! Я вырвал из ее рук блокнот и выгнал ее. А после изорвал листы на мелкие кусочки. В очередной раз Сергеева ничего не поняла. И, забегая вперед, скажу, что она решила, будто эти стихи я посвящал Каролине.

Ночью после этого инцидента Дашка мне снова снилась – сидела у воды, распустив длинные-длинные волосы. На ней ничего не было – грудь и бедра прикрывали только эти волосы. Я сел рядом, потянулся за поцелуем, но она оттолкнула меня и ушла – уже одетая в джинсы и футболку. Я кинулся следом и долго за ней бежал. А когда поймал, крепко обнял, прижал к себе. «Я не хочу тебя отпускать, – твердил я. – Не хочу. Не буду. Поняла?»

Когда я проснулся, увидел, что обнимаю подушку.

Глава 3

Взрослый

Утром я узнал, что Дашка уехала к бабушке. И увиделись мы только в середине сентября. Я скучал, но не писал ей: гордость не позволяла. А когда уже решился написать, приехала ее мать и показала моей матери фотку, на которой Дашка была запечатлена с каким-то незнакомым пацаном нашего возраста, похожим на унылый сухарь. Наши матери шушукались на кухне, и я слышал, как тетя Ева сказала: «Ванюша. Очень положительный мальчик. Дашкин жених».

Положительный? Это значит, на него можно положить болт? И что значит – жених? Встречается с ним Сергеева, что ли? Это стало моей очередной маленькой трагедией. Опять не я! Она трижды послала меня и дважды выбрала другого. Лол. Я такой урод? Слабак? Тупица? Или я так ей противен?

То, что я все время о Дашке думаю, меня раздражало. Хотелось, чтобы Сергеева тоже думала обо мне. Но я знал, что ей не нужен. И тогда начинал желать, чтобы она мучилась так же, как и я. Несправедливо мучиться одному! Как же я психовал, когда размышлял обо всем этом! Когда представлял, как Сергеева целуется со своим Ванюшей. Когда перечитывал ее последнее сообщение. А потом вдруг подумал – что станет, если я больше не буду с ней рядом? Заметит ли она это? Что почувствует? Облегчение?

Однажды ночью я принял решение. Решение забить на чувства к ней. Жить для себя. Наслаждаться каждым днем. И не ждать Дашиной благосклонности. К тому времени я познакомился с парнями из десятых и одиннадцатых классов. Их компания считалась самой крутой в школе, и получилось так, что я без труда влился в нее. Выкурил с ними первую сигарету. Выпил кое-что крепче пива. Стал ходить на тусовки, посещать зал. Понял, что привлекаю девчонок, и пользовался этим: меня забавляло, как они соперничают из-за моего внимания.

Это было странное лето. Веселое, безбашенное, драйвовое. Глупый вспыльчивый Даня остался в прошлом. И появился Дан – так всегда меня называла Каролина. И так меня стали называть в новой компании. Я всегда хотел быть крутым. И я стал крутым.

Дашка и детская любовь к ней остались в прошлом – по крайней мере, я так думал. Или хотел так думать. У меня появилась официальная подружка. Ее звали Маргарита, она была старше на год и считалась хорошенькой. Я думал, что Маргарита милая и наивная, но внешность обманчива. Девчонка оказалась опытной, чего нельзя было сказать обо мне, и очень страстной. До сих пор помню, что мы делали, оказавшись впервые вместе в подъезде, когда я провожал ее поздно вечером. Тогда это казалось мне настоящим сумасшествием и срывало крышу. Заставляло думать, что я – взрослый и сам вправе распоряжаться своей жизнью. Вокруг говорили, что у меня испортился характер, но мне было плевать. Я делал что хотел и жил в свое удовольствие.

Без ума от Маргариты я не был, но именно с ней стал думать о Сергеевой меньше. Гораздо меньше. Реальный секс или платоническая любовь? Что было важнее для парня-подростка с бушующими гормонами? Ответ понятен.

В тот день, когда Дашка вернулась, я окончательно понял, что стал другим, а вот она не изменилась. Что мы – разные. И что наши дороги расходятся. Но ночью она мне снова приснилась – впервые за пару месяцев. Дашка сидела на кровати спиной ко мне. Разумеется, ее спина была обнажена, а волосы – перекинуты через плечо. Я сел рядом и поцеловал ее в шею, а она исчезла. Растворилась в моих руках, заставив меня закричать от страха и проснуться.

Чувства к этой девчонке возвращались. И это безумно бесило. Да какого черта я думаю о Сергеевой, если у меня есть классная подружка? Почему все мои фантазии связаны с ней, если в реальность эти фантазии воплощает другая? Какого черта, спрашивается, а?

Маргарита ревновала к Дашке. Почему – не знаю. Может быть, чувствовала что-то, может быть, я себя как-то выдавал. Поэтому каждый раз я говорил ей, что Сергеева мне как сестра. Не больше. Маргарита не верила и как-то вечером устроила мне сцену ревности при общих друзьях. Это меня взбесило, и я просто ее послал и ушел. Маргарита побежала следом, просила прощения, говорила, что очень любит меня и боится потерять. Почему-то мне тогда стало неловко.

Мы сидели на лавочке около моего дома и разговаривали.

– Ты никогда не говоришь, что любишь меня, Дан, – шептала Маргарита, уткнувшись мне в грудь, а я гладил ее по рыжим волосам. – Скажи, что любишь.

– Зачем? – только и спросил я.

– Скажи.

– И что изменят слова?

– Нет, Дан, скажи. Пожалуйста.

Я ее не любил. Я это точно знал. С ней было прикольно. Она реально была горячее. Но любви никакой не было. Тут краем глаза я увидел Сергееву, которая откуда-то возвращалась домой, на ходу жуя батончик и переписываясь с кем-то по телефону. Она была так занята общением, что не замечала нас, сидящих во дворе под фонарем. Почему-то я подумал, что люблю эту идиотку, которая все никак не вырастет, а не Маргариту, с которой мне бывает хорошо. И так разозлился, что выдал:

– Я тебя люблю. Довольна?

– Довольна, – замурлыкала Маргарита и обняла меня за шею.

Дашка скрылась в подъезде, на ходу улыбаясь. А на следующий день Сергеева прислала мне фотографии, на которых Маргарита целовалась с каким-то блондинистым типом в кафешке. Не знаю, что было хуже, – то, что Маргарита мне изменяла, или то, что об этом узнала Дашка. Я разозлился так, что глаза застила алая пелена, и помчался туда, хотя собирался пойти в тренажерку. Дашка смотрела на меня с таким сочувствием, что во мне что-то взорвалось. Мне не нужна была ее жалость. Я не хотел быть ничтожным в ее глазах. И ударил этого типа по морде.

Я бы ударил его и во второй раз, и в третий, но этому помешала Дашка. Встала между нами, не давая мне пройти к блондину, а потом и вовсе обняла меня. Крепко, так, как я мечтал. Ярость спадала, побежденная теплом ее тела и нежностью, которую я чувствовал каждый раз, когда Сергеева мне снилась. Я с трудом удерживал себя от того, чтобы не обнять ее в ответ.

Маргарита попыталась оскорбить Дашку, но я заставил ее извиниться. Сказал ей на ухо, что фотки с блондинчиком легко могут оказаться в общем чате, и тогда все поймут, какая она на самом деле. Подействовало. Маргарита моментально стала шелковой, пролепетала что-то, извиняясь перед Дашкой, и унеслась.

Я тоже ушел. Был слишком гордым. Не мог смотреть Дашке в глаза. Не хотел казаться неудачником, которому изменяет девушка. Все, что я мог, – заправить ей за ухо выбившуюся прядь, как в одном из снов. А затем отправился в зал, где выложился на все двести процентов. Физические нагрузки помогали справляться с эмоциями. И в этот раз тоже помогли. Штанга, тренажеры, снова штанга... Мышцы были на пределе, футболка промокла, но я продолжал сквозь боль и пот. А что, ведь становилось легче. Правда, когда делал прямые скручивания на наклонной скамье, ко мне подошел один из тренеров и почти силой уволок в раздевалку. Хороший был мужик. Помню, ругал меня, потом сел рядом и подробно объяснил, в чем моя ошибка. Не помню как, но он выпытал у меня, что случилось. И когда я ему все рассказал, стало легче. Эмоции отпустили. И я потащился в кинотеатр, на нон-стоп, потому что устал и никого не хотел видеть.

Маргарита писала, звонила, предлагала встретиться, хотела что-то объяснить, но я включил тотальный игнор, и больше мы с ней не общались. А когда пересекались где-то, я делал вид, что не замечаю ее.

Постепенно я пришел в норму. Взялся за учебу, на которую плюнул, отлично сдал экзамены – скорее не для себя, а ради матери. Очень уж она переживала. В компании я всё больше завоевывал авторитет – и уже тогда понял, что мне нравится быть лидером. Подружки у меня были, но все мимолетные – имен некоторых я и не вспомню. Я все пытался найти девушку, которая смогла бы вызвать во мне столько же чувств и эмоций, сколько и Сергеева. Не получалось. Пипетка отправляла в нокаут любую. Страдал ли я? Нет. Скорее злился – на себя и на нее. И пытался взять от жизни все, что мог. Но жизнь, как назло, постоянно сталкивала меня с Дашкой.

Однажды я случайно увидел, как она танцует в своей комнате – тонкая, изящная, соблазнительная. И впал в ступор – такой красивой и неожиданно взрослой показалась мне Дашка. Разумеется, в ту ночь она мне снилась – танцевала и сводила меня с ума каждым движением. А еще как-то я встретил ее вместе со Стоцким, который к этому времени учился в каком-то ПТУ. Сначала мне показалось, что они встречаются, – сам не пойму, почему так вышло. И я снова готов был ударить его. Но сдержался. Наверное, это была ревность. Я не хотел делиться ею ни с кем. Сам же при этом не хотел быть один. Эгоизм? Да. Но в том возрасте я не сильно задумывался об этом.

Дашка выросла. Я наблюдал за ней со стороны и видел, как она хорошеет и становится женственной. Сергеева всегда была хорошенькой, но в десятом классе и вовсе расцвела – так говорила мать. Говорила и двусмысленно на меня смотрела, а я делал вид, что ничего не понимаю.

И да, в одиннадцатом классе я дождался момента, когда она стала интересоваться парнями! Не то чтобы я этого ждал с нетерпением – просто думал, когда же это все-таки произойдет? Или она всю жизнь будет играть в куклы и читать комиксы? А когда понял, что ей нравится мой друг, обозлился. Первой реакцией было поговорить с Серым и объяснить ему, что Дашка – не для него. Однако я не всегда был твердолобым болваном. И в какой-то момент понял, что это будет мерзко и по отношению к другу, и по отношению к Сергеевой. Потому я отступил в тень. Просто наблюдал за обоими, сцепив зубы.

Они общались. Ездили вместе на какие-то курсы, переписывались, иногда разговаривали по телефону. Потом он пригласил ее на свидание. Она согласилась. Я познавал новые грани ревности. А потом узнал от парней, что Серый поспорил на Дашку – сможет ли он за месяц уложить ее в постель или нет. Причем узнал я об этом буквально за несколько часов до их встречи. Кто-то решит, что я агрессивная тестостероновая горилла, которая все решает с помощью кулаков, но тогда у меня просто сорвало крышу. Я нашел его и ударил. Он ответил. Началась драка, которая довольно быстро закончилась, – я оказался сильнее. Да и парни были на моей стороне. Они всегда были на моей стороне.

– Увижу рядом с ней – и тебе будет плохо, очень, – сказал я тогда, одной рукой держа соперника за горло, а другой прижимая его к стене дома.

– И что я должен сделать? – прохрипел Серый в ответ, и мне пришлось ослабить хватку. – Извиниться перед ней, что поспорил, разведу ее на секс или нет? Ок, Дан, я сделаю! Все сделаю! Отпусти!

– Не сделаешь, – ответил я сквозь зубы, зная, как будет унижена Дашка. Да и какой девчонке будет приятно знать, что она была просто предметом спора. – Если она узнает, что ты на нее спорил, тебе не жить, понял?

– Сергеева ни о чем не узнает! Обещаю! Ни о чем! – заверял меня Серый. И я отпустил его.

Серый оказался мутным типом, но очень понятливым. Нарываться не стал. И вообще ушел из школы, поняв, что отношение к нему поменялось, – а он любил быть если не в центре внимания, то где-то рядом с центром. Мнил себя темным кардиналом нашей компании.

Кстати, это была третья или четвертая школа, которую он сменил. Из-за скверного характера, разумеется. В одной школе, как я узнал потом, он подставил одноклассника, но обман был раскрыт, в другой что-то своровал у учительницы, в третьей издевался с такими же отмороженками над каким-то парнем из седьмого класса. Многие решили, что из школы Серого выгнал я. Да, такого, как я, всегда легко выставить виноватым. Меня это даже веселило. Всемогущий демон Данилка.

После разборок с Серым я пошел к Дашке. На свидание Сергеева пришла накрашенная и нарядная. На огромных каблуках. От нее пахло вкусными духами, и пришлось сдерживать себя, чтобы не закрыться носом в ее волосы, в которых путались снежинки. Едва увидев меня, она перестала быть милой и превратилась в старую добрую язвительную Пипетку, которую я знал с детства. Кажется, я ей по-прежнему не особо нравился. И мое появление ее расстроило.

Вообще, я хотел сказать Сергеевой, что Серый не придет и ей не надо его ждать, а после свалить в закат. Но вместо этого позвал ее в кафе, сам себя уверяя, что просто хотел согреться и заодно согреть эту глупую девицу, которая в дикий холод надела тоненькое пальто. Даже разрешил называть себя Сережей. А ее называл Пипеткой – как в детстве.

Это было худшее свидание в моей жизни. Свидание, на котором я уснул. Сначала мы говорили о прошлом. Это было весело, но потом я сделал для себя вывод, что так и остаюсь для Даши другом детства. И со мной ее связывают лишь далекие воспоминания. Она то ли не понимала, что я больше не тот мальчишка, который вечно бегал за ней хвостиком, то ли не хотела этого понимать. Сама мне так и сказала, что я не изменился. Я хотел ей возразить: «Детка, ты что-то путаешь. Я изменился. И очень сильно. А вот ты остаешься все такой же, хотя и стала красоткой». Но промолчал – мне еще хотелось жить.

Второй вывод, который я сделал: меня тянет к Дашке еще сильнее, чем раньше. Нет, серьезно. Сильнее. Я даже сел рядом с ней, чтобы иметь возможность касаться ее словно невзначай. К тому времени я был избалован вниманием девчонок, и меня сложно было чем-то удивить в мои восемнадцать. Но когда я сидел рядом с Сергеевой, простое прикосновение моей руки к ее руке сводило меня с ума. Представляю, что бы со мной было, если бы Дашка разрешила себя поцеловать в том кафе. Я бы не смог сдерживаться, и то, что вокруг люди, меня бы не остановило, – так сильно я хотел эту девчонку.

Но Дашка не собиралась меня целовать. Она наверняка думала о Сером, не зная, какой он урод. Даже заявила, что он нравится ей гораздо больше Стоцкого, чем просто взбесила. Выводить меня из себя было ее даром. Не помню, в какой момент я заснул, положив голову ей на плечо. Потом я, конечно, себя ругал, как мог. Но в тот момент просто не мог себя контролировать: не спал больше суток из-за одной подработки. Хотел накопить на новый мощный комп и старался изо всех сил. А рядом с Дашкой было уютно и привычно.

Когда я проснулся, мы, разумеется, поругались, и эта истеричка ушла. А я шел следом за ней – не хотел оставлять ее одну поздним вечером, хотя и был зол. Потом Дашка заболела – еще бы, в таком пальто любой бы свалился с простудой. А Серый сдержал свое слово – не общался с ней.

На подработке заплатили неплохо, больше, чем я рассчитывал. Кое-что подкинул отец. Кое-что у меня уже было – осталось еще с летней работы. Сумма выходила приличная. И как раз хватало на новый компьютер, который я давно хотел. И в тот момент, когда я выбирал комплектующие в интернет-магазине, предвкушая, какая мощная машина у меня будет, мать громко разговаривала с тетей Евой. Они обсуждали грядущий день рождения Даши, который она не будет отмечать, потому что болеет.

– Что вы ей подарите? – спросила мать.

– Отец хочет новый телефон, я – золотые серьги, – ответила мать Дашки.

– А она сама что хочет?

– Не поверишь, хочет куклу. Шарнирную, коллекционную. У нее штук пять таких есть – стоят на полочке, она с них пылинки сдувает. Не понимаю, зачем вообще они ей нужны? – посетовала тетя Ева, и я только хмыкнул. Но потом вдруг подумал, что хочу подарить Сергеевой что-нибудь на день рождения. Пусть радуется, мелкая. А то лежит в своей комнате и жизни не знает.

Какой черт меня дернул залезть на сайт с этими куклами, не понимаю. А уж когда я увидел цены на них, не знал, орать или биться лбом о стену. Какая-то идиотская куколка стояла почти как мой комп! Серьезно. Цены на коллекционных шарнирных кукол были космическими. И я недоумевал – какой дурак будет это покупать?

В итоге этим дураком оказался я. Два дня ходил вокруг да около, а потом понял, что все равно хочу купить Дашке куклу. Это было нелогично. Это была пустая трата денег. Но я хотел купить ей куклу. И точка. К делу я подошел осознанно – стал изучать кукольный рынок, нашел приличный сайт и отыскал куклу, чем-то похожую на саму Дашку: кудрявую, зеленоглазую, хрупкую. И заказал ее, несмотря на то, что в полной комплектации стоила она даже больше, чем комп, на который я копил.

Куклу доставили ровно за сутки до дня рождения Сергеевой. И я передал ее Дашке через тетю Еву. Потом отец меня спрашивал, почему я не заказываю компьютер, а я ответил ему, что меня пока устраивает и старая машина и я хочу накопить на «ВМХ». Он на меня странно посмотрел, будто что-то понял, но ничего не сказал. А когда мать стала спрашивать, зачем мне какой-то там дорогуший велосипед, отец заявил, что я взрослый и сам решаю, на что тратить свои деньги. За это я ему был благодарен.

Любовь к Сергеевой не проходила. И это был реальный фейл – назвать какую-то свою подружку – кажется, Юлю – ее именем, когда мы вдвоем оказались в кровати на вечеринке друзей. Хорошо, что громко играла музыка, и Юля просто не расслышала. А вот я понял, что сказал, встал с кровати и просто свалил домой. Вместо того чтобы все-таки наконец увидеть во мне нормального парня, Сергеева стала встречаться с каким-то непонятным типом старше нас лет на семь – и это как раз в тот момент, когда я расстался с Юлей. Специально расстался, чтобы все-таки попробовать начать общение с Дашкой.

Едва ли не на следующий день я шел с тренировки и встретил их, лебедями плывущих по дороге под руку. Парень со слащавой мордой что-то сладко ворковал, а Дашка улыбалась, как пьяная. Хотелось остановиться и хорошенько встряхнуть ее, чтобы пришла в себя, но я просто прошел мимо. А потом мне еще пришлось возвращаться и защищать их обоих от местных гопников. Правда, как оказалось, Дашка все-таки парня во мне разглядела и таким образом хотела привлечь внимание. Но об этом я узнал слишком поздно.

Не знаю, что происходило. Она не просто нравилась мне – я был от нее без ума. Но идти и признаваться в этом я не собирался: гордость мешала. Я не хотел быть посмешищем, как тогда, когда она трижды меня опрокинула. Я по-прежнему хотел быть крутым.

Ничего не рассталось. Мы с Юлей снова стали общаться. Может быть, я вернулся к ней назло Сергеевой, не знаю. Но чувствовал себя полным психом – все время думал о той, которой не слишком-то был и нужен. Чем больше я думал о ней, тем больше от нее отстранялся. Не хотел, чтобы она обо всем догадалась. Или чтобы об этом догадались другие. Правда, все же однажды не выдержал – снова увидел, как она танцует, и поплыл. Клянусь, я случайно увидел Сергееву в спортзале, когда она репетировала танец. Увидел и застыл на месте – она двигалась уверенно и грациозно, как настоящая танцовщица. И каждое ее движение было настолько притягательным, что я просто не мог оторвать от Дашки взгляда. Влюбленные такие тупые, честное слово.

Она снова меня заметила – быть застигнутым врасплох прямо-таки мое проклятие. Но в этот раз я не сбежал – я танцевал с Сергеевой. И даже решил поцеловать, но нам помешали, как в лучших мелодрамах. Или в комедиях? Однако я все равно поцеловал ее. На выпускном. Я мечтал об этом несколько лет. И сделал это.

Глава 4

Выпускной 2.0

Выпускной был скучным. Он не походил на те тусовки с друзьями, к которым я привык. За нами наблюдали учителя и родители. Да и после экзаменов все порядочно устали. Во время подготовки к ЕГЭ я забил почти на всё и на всех, и хотя это того стоило – я получил высокие баллы, – после объявления результатов хотелось только одного. Завалиться спать на целую вечность.

Однако сидеть с пустым взглядом и томно крутить в руках бокал с вином, как это делали девчонки, я не мог. Все-таки в нашей компании, которая самонадеянно называла себя топами, я был главным. А значит, должен был поднимать боевой дух и заставлять народ отрываться задницы от стульев и веселиться. Прощаться со школой в атмосфере уныния я не собирался. Правда, пока я поднимал народ, не раз и не два вспомнил прозвище, данное мне Сергеевой. Клоун. Мне оставалось надеяться, что я все-таки выгляжу как альфа-самец, а не как проклятый клоун.

Парни заранее припасли алкоголь – той ерунды, что поставили на стол родители, никому бы не хватило. И после того, как мы в туалете тайком распили ром (кому вообще пришло в голову притащить ром на выпускной?), стало веселее.

Я даже решил пригласить Сергееву на танец – наверное, ром в голову ударил, не иначе. Только вот опоздал – меня опередил какой-то тип из параллельного класса. И она, гордо вздернув свой маленький противный носик, ушла с ним. А я снова наблюдал за ними из темного угла, как маньяк. Смотрел, как она порхает в его деревянных скрипучих объятиях, и покрывал этого оперативного придурка не самыми добрыми словами.

А Сергеева... Сергеева была красивой. Я уже говорил, что она красивая, да? Так вот, на выпускном она была ошеломляюще красива в своем платье цвета морской волны. И была похожа на ту самую куколку, которую я ей подарил. Сексипильную куколку, разумеется. Мне казалось, что верх этого платья очень легко снять – у него не было даже бретелек. И я сам не замечал, что пялюсь на платье – до тех пор, пока меня не ткнул в бок Петров. «Ты Сергееву взглядом сожрать готов!» – радостно сообщил он мне, а я его послал. И старался больше не смотреть на Дашку так откровенно.

Мы танцевали, веселились, тайно распивали алкоголь. В какой-то момент в коридоре меня попыталась «соблазнить» девчонка из параллельного класса. Не помню, как ее звали, но помню, что она выпила явно больше своей нормы, увидела меня и стала обнимать – так и норовила поцеловать. А я смеялся, но не давался ей. Потом просто усадил ее на какой-то диванчик и ушел на свежий воздух – на балкон, ибо от однообразной музыки болела голова.

На балконе было хорошо и свежо. И никого больше – целых пять минут. Потом там появилась Сергеева. Откуда она взялась, я так и не понял – Дашка неслышно подкралась и стукнула у меня над ухом каблуками туфель, которые зачем-то сняла. Вздвогнув, я резко обернулся, на автомате замахнувшись, и едва не ударил эту дуру, которой никто, видимо, не говорил: к тем, кто занимается боевыми искусствами, лучше не подходить со спины и не пугать их. Я реально испугался, что мог ударить ее, но постарался сделать вид, что мне все равно. Я же крутой.

Мы разговорились – если взаимные подколы можно назвать разговором. Как и я, Дашка явно пила что-то нелегально попавшее на выпускной, а поэтому ей было весело. Весело и холодно. Она то и дело зябко поджимала ноги. Тогда я подхватил ее на руки и посадил на перила. Ее лицо стало странным – Дашка смотрела на меня так, словно впервые увидела. И я не мог ей не улыбнуться. Я даже пообещал держать ее, положив руку на спину, чуть выше талии. Кожа под тканью платья была горячая. И мне захотелось сорвать с нее все эту мешаю-

щую тряпку, но, естественно, я не мог этого сделать. Просто разговаривал с Сергеевой дальше, стараясь не смотреть на вырез ее платья и выступающие ключицы.

Тогда-то и выяснилось, что она не встречалась с тем смазливим типом, что меня безумно обрадовало. А я рассказал, что с Юлей у нас все слишком сложно для того, чтобы мы могли считаться нормальной парой. После того нашего короткого расставания и последующего воссоединения Юля просто выносила мне мозг. Просекла, что у меня что-то есть к Сергеевой – как, ума не приложу. Женская интуиция, не иначе. И все время ревновала, что раздражало. Постоянно ныла, что я ее не люблю, а люблю Дашку. Кажется, она даже умудрилась прислать сообщение об этом именно тогда, когда Сергеева залезла в мой телефон в машине отца. Я ее чуть не прибил, честное слово. Нереально испугался, что Дашка узнает, как я равнодушен к ее персоне, что она одновременно и бесит меня, и притягивает. Тогда она ничего не поняла. И я выдохнул.

Не помню, как так вышло, что мы решили сделать селфи. Дашка вытащила телефон и обняла меня – так, что наши щеки соприкоснулись, от чего по телу пробежал разряд тока. Мы дурачились перед камерой, как в детстве, я держал в руках телефон и делал фото, а потом Сергеева поцеловала меня в щеку. Она и не догадывалась, что делает, какого демона выпускает своим невинным поцелуем. Я с трудом сдержал этого демона, чтобы не уложить ее на лопатки прямо там, на перилах.

Вместо того чтобы оттолкнуть Дашку, я стал дразнить ее и спрашивать, почему она не целует меня в губы. И тогда она, мило смущаясь, призналась, что еще не целовалась. Никогда и ни с кем. Я самым эгоистичным образом решил, что ее первый настоящий поцелуй должен быть со мной. Он должен быть моим. И я сделаю все, чтобы его заполучить. Сорву с ее губ силой.

Честно говоря, в моем списке плотских ценностей поцелуи давно уже были где-то внизу Поцелуи? Ничего необычного. Глупость, можно обойтись и без них. Что я почти всегда и делал, когда был с Юлей. А она ужасно обижалась, но я ничего не мог с собой поделать – мне не нравилось ее целовать. Мне почти никого не нравилось целовать. Но с Дашкой все было иначе.

Я хотел поцеловать ее – так, чтобы она запомнила это навсегда. Хотел поцеловать так, как целовал в своих снах. Я в который раз сошел с ума. Наверное, все дело в любви, да? То, что в восемнадцать Сергеева никогда не целовалась, казалось мне чем-то чудесным. И это невероятно заводило. Делая очередное селфи – уже на свой телефон, я провел губами по ее скулам, чувствуя, как от этого простого прикосновения становится глубже дыхание. А она повернулась ко мне, и наши губы соприкоснулись.

Пытаясь понять, как Даша отреагирует, и все еще сдерживая себя, я поцеловал ее в щеку и слегка прикусил кожу. Она не оттолкнула меня и не убежала. Лишь взглянула с изумлением и непонятной нежностью. И тогда я понял, что она не будет против. Она тоже ждет этого поцелуя – с таким же нетерпением, как и я.

– Хочешь, – спросил я хрипло, взяв ее за подбородок, – я научу тебя?

Дашка несмело кивнула, и тогда я поцеловал ее. Так, как хотел. Неспешно и ласково, наслаждаясь каждым мгновением. И она стала отвечать мне – не сразу, неуверенно, но нежно. Слишком нежно. А я был так ошарашен, что не сразу убрал руку с камерой и случайно включил видеосъемку.

Сбившееся дыхание, слабый вкус алкоголя, тепло ее тонких рук на плечах – мне казалось, что это сон. Поцелуй с Дашкой опьянял сильнее, чем алкоголь. Я хотел ее прямо здесь и сейчас, но знал, что это мне не светит. Если бы Сергеева только знала, какую власть надо мной получила, она могла бы сделать меня своим рабом. Да, глупые мысли, но это действительно было так.

Я оказался загипнотизирован ею, ее губами, ее прикосновениями, ее запахом. А еще – пониманием, что я – единственный, кто когда-либо целовал ее. Только я. Больше никто. Только моя. Больше ничья. Я словно целовал само солнце, и оно грело меня.

– Тебе нравится? – спросил я, отстранившись от нее, чтобы взять короткую передышку и дать себе возможность немного успокоиться.

– А ты сомневаешься? – прошептала она и потерлась кончиком носа о мой нос.

– Я не хочу, чтобы ты жалела об этом, – ответила я, глядя ее по обнаженным плечам, не веря, что моя мечта осуществилась.

А потом склонился и коснулся губами ямки над выступающими ключицами, заставив ее вздрогнуть. И снова поцеловал, теряя голову. Дашка оказалась хорошей ученицей. Целовалась просто потрясающе. Когда ее ладонь скользнула по моей груди, я накрыл ее своей рукой и сильнее прижал к себе, надеясь, что она услышит, как отчаянно колотится мое сердце.

Я хотел, чтобы она знала, как сильно я люблю ее. И целовал ее почти с отчаянием, понимая, что еще чуть-чуть – и я не выдержу. Я был на пределе.

– Черт, ты знаешь, чего мне это стоит? – спросил я Дашку, глядя по волосам.

– О чем ты?.. – спросила она, касаясь пальцами моих щек.

– Сдерживаться, – признался я и снова прильнул к ее мягким податливым губам.

Мы не могли оторваться друг от друга, хотя где-то вдалеке небо озарилось отблесками рассвета.

– Почему мы раньше никогда не целовались? – спросила Дашка, хватая ртом воздух. Ее пальцы были в моих волосах, и я закусывал губу от приятных ощущений.

– Потому что мы не встречались? – вопросом на вопрос ответил я, изучая кончиками пальцев ее тонкую шею и обнаженные плечи, с трудом удерживая себя от того, чтобы не стянуть вниз платье. – Однажды я прислал тебе сообщение, что хочу встречаться. Один человек натолкнул меня на эту мысль. А ты...

Дашка выглядела пораженной и сказала, что ничего такого не помнит. А я, поддавшись своим желаниям, чуть приспустил край ее платья. Но все-таки убрал руку. Для этого было рано. Слишком рано. Сегодня она впервые поцеловалась. Потом нам помешали – на балкон завалилась целая куча народа, в том числе и мои друзья. Петров тотчас стал пялиться на Дашкины ножки, и мне пришлось напомнить ему, что она – моя.

Кто-то из парней позвал остальных на берег реки – встречать рассвет. И я тотчас решил, что Сергеева пойдет со мной. Не надо было отпускать ее от себя – с этого все и началось. Но я ее отпустил. Ведь Дашка сказала, что ей нужно решить проблему с обувью – в таких туфлях она не сможет пойти на берег. Еще бы – такими каблуками и череп проломить можно, если постараться.

Я отпустил ее, о чем потом долго жалел. Она уходила, и я смотрел ей вслед – тупой и влюбленный. Готовый в эту минуту ради нее на все безумства этого фигового мира. Дашка обещала быстро вернуться, но ее все не было и не было. И я, забеспокоившись, пошел ее искать. Нужно было уходить, пока не возникло проблем с родителями. Я спустился и увидел в коридоре Дашку и ее подругу Ленку. Хотел окликнуть ее, но замер – потому что услышал то, из-за чего мой мир стал рушиться.

– Что случилось? И почему ты все время губы трешь, Даш?

– Меня поцеловал один козлина. Обслюнявил. Как же мерзко.

– Что-о-о? Слушай, возьми-ка влажную салфетку.

– Боже, как мерзко, как мерзко. Слюни, алкоголь, фу!

– Еще бы, это твой первый поцелуй. Ужасно.

Дальше я слушать не стал – свалил, чувствуя, как меня распирает от ярости и обиды. Меня словно мешком с камнями оглушили. Я не ждал этого. Серьезно, я думал, что теперь у

нас все будет хорошо. Что однажды я признаюсь ей, что всегда ее любил. Что мы будем вместе. Я и она.

Злость пришла на смену нежности. Обида – страсти. Глухая ненависть – тайной любви. Сергеева притворялась, что ей нравится. Зачем? Использовала меня в качестве тренировочного полигона? Хотела поиздеваться? Зачем?! Зачем она дала мне надежду, а потом побежала к подруге и рассказала, каким отвратительным был ее первый поцелуй?!

Друзья сразу поняли, что со мной что-то не так. Но даже расспрашивать особо не стали – знали, что я ничего не скажу.

– Уходим, – только и сказал я, наплевав и на Дашку, и на выпускной.

И мы ушли. Без нее. В это же время мне позвонила Юля, которая праздновала выпускной в своей школе, и сказала, что друзья ее старшей сестры на тачках и смогут забрать всех нас с собой – мест много. Я согласился. И мы всей компанией двинулись на место встречи.

Встретились мы минут через пятнадцать, и Юля тотчас обняла меня, повиснув на шее. Была ли она красивой? Наверное, да, я не вглядывался в нее. Я чувствовал себя убитым, и мне пришлось приложить усилия, чтобы просто начать улыбаться. Портить своей страдающей рожей праздник остальным я не собирался, а потому мысленно послал Сергееву во все известные дали. Мы расселись по тачкам – пришлось потесниться, зато места хватило всем. Юля сидела у меня на коленях, крепко прижимаясь и обвив руками мою шею. Декольте у нее оказалось впечатляющим, но мне было все равно.

– Потом поедem ко мне, Дан, – пообещала она, щекоча дыханием ухо. – Родителей не будет.

– Посмотрим, – ответил я, ловя себя на мысли, что сегодня не смогу быть вместе с ней. Все мысли – о Сергеевой. О ее ключицах, будь они неладны.

Рука Юли словно невзначай потянулась к моему ремню, но я убрал ее.

– Дан, что с тобой? – спросила она жалобно.

– Мы здесь не одни, – ответил я хмуро, и она заулыбалась.

– Зато у меня дома будем одни.

Я промолчал. Сначала мы хотели поехать на берег в отдаленный район города – оттуда открывался отличный вид. Однако Юле кто-то позвонил, и она вдруг решила, что поехать надо на набережную нашего района, которая располагалась недалеко от нас. Именно туда, куда мы изначально и планировали пойти. «Иначе рассвет пропустим!» – объявила Юля, почему-то посмотрев на меня, и никто не стал возражать.

Машины повернули назад. На набережной, озаренной оранжевым рассветом, было красиво. Я вышел из тачки и стал смотреть на неподвижную реку, вспоминая, как еще совсем недавно целовал Дашку, считая ее своим сокровищем и не зная, что она так поступит со мной и с моими чувствами.

– Ты в порядке? – подошла ко мне сзади Юля и обняла, прижимаясь грудью к моей спине.

Наверное, это был порыв глупости, но я развернулся и жестко поцеловал ее. Я проверял, что буду чувствовать, целуя не Сергееву, а другую. Может быть, во всем виноват алкоголь? И с Юлей мне будет так же хорошо, как было с Сергеевой? Но нет. Чем дольше я целовал Юлю, тем отчетливее осознавал, что поцелуи с ней – такое же безнадежное дело, как и раньше. Я целовал ее и чувствовал отвращение. Не к ней. К себе.

Я отстранился, поняв для себя, что не пойду сегодня к ней домой. И вообще никогда. Нам точно надо расстаться. А Юля ничего не понимала. Обнимала меня, смеялась, визжала от радости – она давно мечтала окончить школу.

Рассвет, ради которого мы приехали, становился все ярче. Из оранжевого он сделался розовым. Засунув руки в карманы, я смотрел на небо и думал, что в этом рассвете – последнем детском рассвете – нет ничего волшебного. Еще один рассвет, который я встретил с друзьями на улице. А может, во мне просто не было сентиментальности. Мать часто в шутку говорила,

что я бесчувственный чурбан – весь в отца, разумеется. После этих слов мы с ним переглядывались и хмыкали.

– Народ, а давайте пообещаем друг другу, что встретимся здесь в этот же день на следующий год? – спросил кто-то более чувствительный к подобным вещам, чем я. Забегая вперед, скажу, что, разумеется, никто не встретился. Разве что мы с парнями после пересекались в баре или гуляли по вечерам. И для меня это было еще одним подтверждением того, что громким словам верить нельзя.

Поступки красят человека. А слова – украшают. Как-то так, верно? Кто-то предложил положить друг другу руки на плечи, и я стал нервно ржать: стоять с минорными рожами и пялиться на солнышко мне казалось глупостью, да и после неудачи с Дашкой я был порядком обозлен. Может быть, окажись Сергеева рядом, я бы иначе воспринимал то утро. Как знать.

Искусственная слащавая идиллия закончилась тогда, когда мне позвонила обеспокоенная Дашкина мать и спросила, не со мной ли ее дочь.

– Нет, не со мной, – удивленно ответил я. – А что случилось?

– Дашка куда-то пропала, – растерянно отозвалась тетя Ева. – Нигде нет. И телефон отключен... Не знаешь, где она может быть?

У меня сердце ушло в пятки. Я не знал. Понятия не имел. Я обещал ей, что поведу на берег, но... Она же убежала, просто убежала от меня.

– Может, она с Леной? – спросил я.

– Лена-то здесь, в ресторане.

– Ева, спроси этого негодника, где он шляется! – услышал я громкий голос матери.

– Я на берегу, встречаю рассвет, – тотчас отозвался я, хотя был уверен, что предки ничего мне не сделают за то, что я самовольно покинул самую скучную вечеринку этого года.

– Ева, передай ему, – не утихала мать, – что я его дома с ремнем встречу!

Дашкина мать этого передавать мне не стала, она просто еще раз спросила, где может быть Дашка. А я снова сказал, что не знаю.

– Я ее поищу, – пообещал я, и она отключилась.

Я чертыхнулся. Куда эта дура могла подеваться? Она могла вылезти только через окно в туалете, иначе бы ее заметили. Куда она пошла одна?

– Саш, мне машина нужна, срочно! – обратился я к одному из водителей.

– С Юлькой уединиться хочешь? – стали прикалываться друзья, но я просто послал их.

– Что случилось-то? – спросил Сашка.

– Подруга пропала. Помоги найти, – нервно попросил его я. И он согласился.

Я уехал, оставив Юлю, которая, разумеется, обиделась на меня. Но мне было плевать. Я переживал за ту, которую мне положено было ненавидеть. Мы искали Сергееву часа два, объездили все вокруг, заглянули в каждый двор, но ее нигде не было. Она не отвечала на звонки. Просто пропала.

Что я чувствовал в тот момент? Злость. Почему она испортила наш выпускной? Какого черта, Сергеева, а? Ну какого?.. Вину. Дикую обжигающую вину. Если бы я ее не бросил и забрал с собой, она бы не пропала. Неизвестно, пошла бы она со мной после отвратительного поцелуя, но ведь она обещала. А я просто ушел. Страх. Я боялся, что с Сергеевой что-то случилось. И страха было больше всего.

Я всегда ненавидел это чувство и всегда старался побороть его в себе, переступить себя, переломить, не быть трусом. Но в тот момент ничего не мог с собой поделать – безумно боялся за эту идиотку.

Глава 5

Привет от старого друга

Мы приехали в наш двор тогда, когда Дашка уже вернулась. Она была с родителями: мать кричала на нее, а отец стоял рядом с сигаретой в зубах. Чувство страха моментально схлынуло, и я почувствовал облегчение. Жива. Цела. В порядке. Но облегчение длилось пару секунд – потом свое взяла злость.

– Вот же она! – обрадованно воскликнул Петров, который ездил на поиски вместе со мной.

Я выругался сквозь зубы и открыл окно.

– Мама, извини, – донесся до меня усталый голос Сергеевой. – Я не подумала о последствиях.

– Ты ни о чем не думаешь! – злилась тетя Ева.

– Я просто хотела встретить рассвет. Первый взрослый рассвет, – отстраненно сказала Дашка и увидела меня в машине – мы как раз остановились рядом. Она смотрела на меня так, будто бы я был в чем-то виноват. Не она, а я!

А еще в ее взгляде хорошо читалось отвращение. Наверное, до сих пор Сергееву тошнит от поцелуя. Вот же стерва!

– И с кем ты его встречала? – спросила ее мать, не видя меня.

– С парнем, – ответила Сергеева с усмешкой.

– И с каким же?

– Его зовут Сергей. Ты его не знаешь.

У меня взорвалась голова. Вот, значит, как? Я искал ее по всему району, переживал, винил себя, а она пошла с этим выродком, чтобы рассвет вместе встретить! Кулаки непроизвольно сжались – был бы Серый рядом, я бы ему врезал, от души бы врезал. Я же велел ему держаться подальше от Дашки!

– Так познакомь, – сказал ее отец. – Я бы с ним пообщался. Неужто до дома проводить девочку не мог?

– Не надо вам знакомиться, – вздернула подбородок Сергеева. – Я хочу домой.

И она зашла в подъезд, кинув на меня последний, полный ненависти взгляд. Я даже обалдел – какого?! Хотелось выскочить, догнать эту стерву, схватить за руку и высказать ей в лицо все, что я о ней думаю. Но я сдержал себя. Не при ее же родителях.

– Поехали, – велел я.

– Куда?

– Куда угодно.

– Люблю твой приказной тон, – хмыкнул Сашка Петров и стал сдавать задом, чтобы развернуться.

Мы поехали к остальным – они собрались у Юли дома. Видимо, она решила, что пустая квартира не должна простаивать. Там было шумно и многолюдно. Алкоголь, дым, смех – все, как она любила. От обычных вечеринок эта отличалась тем, что парни были в костюмах и рубашках, а девочки – в красивых платьях. Да и на улице светило солнце, а не стояла ночь.

Я должен был извиниться перед ней – знал, что она обиделась. И терзался оттого, что должен сделать: сказать, что мы расстаемся, или уложить в кровать, чтобы забыться. Немного подумав, я решил действовать по обстоятельствам. Ее нигде не было.

– Где Юля? – спросил я у ее подружек, сидевших на полу вокруг кальяна, жестом отказавшись от бутылки пива.

– Она на тебя обиделась, – томно сообщила одна из них, сдувая со лба челку.

– Знаю, – отмахнулся я. – Она вообще дома?

Девчонки переглянулись, и я понял, что дело нечисто. Они явно что-то знали.

– Говорите, – потребовал я.

– Ты уверен, что хочешь знать, Данечка?

– Уверен.

– Она... на кухне, – ответила та, с длинной челкой. Женская дружба в действии. Сдали Юлю в одно мгновение.

– Ок, понял, спасибо, – ответил я и направился на кухню, дверь в которую оказалась прикрыта.

Но стоило мне ее распахнуть, как я увидел весьма забавную картину – Юлю и Серого. Она сидела на подоконнике. А он стоял рядом, запустив одну руку в ее растрепанные волосы, другой обхватив за задницу. Они целовались. И не замечали меня.

– Вау-вау-вау! Какая страсть! – весело сказал я, стоя в двери.

Серый и Юля тотчас оторвались друг от друга и отскочили в разные стороны. Юля быстро одернула платье, задранное по самое не хочу, и Серый уставился на меня, как на врага народа, наверное, решил, что я буду его бить.

– Дан, ты как здесь оказался?! – выдохнула Юля.

– Мимо проходил. Вообще-то я хотел извиниться за то, что уехал, – отозвался я. – Но видимо, не придется. Ты же понимаешь, что между нами все кончено? Ты сообразительная девочка, думаю, понимаешь.

– Дан, нет! – выкрикнула она и бросилась ко мне, хватая за руки. Я брезгливо ее оттолкнул – аккуратно, разумеется, чтобы не навредить.

– Дан, пожалуйста! Я тебя люблю! Давай поговорим!

Вот же дура, неужели решила, что после этого я с ней еще и разговаривать буду? Я, конечно, злился, что меня так опрокинули, но одновременно был рад: не придется искать повод для того, чтобы расстаться.

– Зачем нам говорить, Юль? – спросил я. – Наслаждайся своим новым другом. Только не слишком ему доверяй: Серый любит спорить на девочек. Да, Серый? – улыбнулся я бывшему другу.

– Пошел ты, – огрызнулся он и бросил испуганный взгляд на оторопевшую Юлю.

– Надеюсь, привычка спорить на то, уложишь ли ты кого-нибудь в кровать, исчезла, приятель. Я ведь тогда ее выбил, да? Вместе со всей дурью.

Я хотел хлопнуть его по плечу, но Серый дернулся, автоматически поставив блок, будто бы я хотел ударить его. Почему-то остальным это показалось смешным. Послышался сдавленный смех – у дверей уже столпился народ. Все-таки люди любят бесплатный цирк. Мне же не хотелось в очередной раз быть клоуном.

– Не бойся, Серый. Я сегодня добрый. Не трону.

Снова раздались смешки. А я все-таки хлопнул его по плечу и, засунув руки в карманы, пошел к двери.

– Кстати, твоя девка все видела, – вдруг кинул мне в спину Серый.

– Какая девка? – обернулся я.

– Дашенька, – отозвался Серый. Кажется, он был не совсем трезв, а потому вел себя смелее, чем обычно. – Ты знаешь, что, когда вы приехали, она уже была на набережной – сидела на лавке за кустами. Или ты не знаешь, Матвеев?

Упоминание о Сергеевой не на шутку разозлило. Я подошел к Серому.

– Что ты имеешь в виду? – тихо спросил я. Ярость душила, и дыхание стало тяжелым.

– Не надо, Сережа, – дернула его за рукав рубашки Юля, испуганно глядя на меня.

– Не переживай, Юль, – приобнял ее Серый, и я почему-то подумал, что Юля действительно ему нравится. Ему всегда нравились мои подружки. – Я сейчас все расскажу нашему другу. Пусть знает.

Он торжествующе на меня взглянул.

– Утром Дашенька искала тебя, потому что ты ее кинул. Пришла на набережную. Так ждала тебя, бедняжка, так ждала. А когда ты приехал, увидела тебя с другой. Ей было так больно, так тяжело. Она сидела и плакала. Но ничего, Данька, не парься. Я ее утешил. Был ее жилеточкой. А потом я ее...

Договорить он не успел – я все-таки ударил его и пригвоздил к стене, одной рукой удерживая, а другой замахиваясь.

– Что ты сказал? – прорычал я, чувствуя, что еще немного – и сорвусь.

Серый пьяно засмеялся, глядя мне в глаза. Он торжествовал, решив, что уделал меня.

– Думаешь, утром Юлька просто так решила повернуть и поехать встречать рассвет именно на ту набережную? Нет, Матвеев, это я ей позвонил и позвал. Случайно встретил Дашеньку и не мог удержаться. Подумал – будет весело, если она увидит тебя с другой. И это реально было весело, Матвеев! А еще и это видео...

– Какое видео? – спросил я глухо.

– Бедная Дашенька так расстроилась после всего этого. Но я ее утешил, чувак. Мне понравилось ее утешать, – прошептал он – так, чтобы его слышал только я.

Моим минусом было то, что я с легкостью велся на провокации, – тренер не раз говорил мне об этом. И говорил, что я должен уметь держать себя в руках и оставаться хладнокровным. В восемнадцать лет я этого не умел.

– Не надо, мальчишки! – истошно закричала Юля.

Я плохо слышал ее. Уши словно ватой заложило, глаза застила алая пелена, мышцы плеч свело от напряжения. Тестостерон зашкаливал. И под гул толпы я ударил Серого снова – врезал по челюсти, дал под дых, заставив его на несколько секунд согнуться пополам. Он попытался ответить мне, но у него ничего не получилось – еще бы! Это была моя вторая драка на чужой кухне. И снова из-за Сергеевой. Серый не сдавался – атаковал во второй раз. Я легко увернулся, и он врезался в мойку. Говорить у Серого всегда получалось лучше, чем драться. Конченный урод.

Я схватил его за загривок и отшвырнул к стене. Но больше ничего сделать не успел – меня скрутили парни, утащили в прихожую и удерживали до тех пор, пока я не пришел в себя.

– Дан! – Юля пришла, когда я более-менее успокоился. – Нам надо поговорить! Пожалуйста!

Глаза ее были красными от слез, а голос – невыносимо громким. Я вдруг почему-то вспомнил, что Дашка называла ее Громкоговорителем. Не зря.

– О чем разговаривать? – отозвался я. – Между нами все кончено. Можешь спокойно общаться с Серым. Но серьезно, он тот еще козел. Будь осторожна.

Юля театрально закрыла лицо руками и тотчас была окружена подружками, которые принялись ее успокаивать. Те самые девчонки, которые легко ее сдали. Они успокаивающе гладили мою бывшую по плечам и волосам, при этом поглядывая на меня. Та, с челкой, пыталась мне даже глазки строить. Смотреть на этот балаган я не стал. Решил уйти.

– Ты еще пожалеешь, Матвеев, – прошипел Серый мне в спину, когда мы с друзьями вышли на лестничную площадку.

– Отважный мститель, – ухмыльнулся я. – Дерзай, малышка, может быть, научишься драться.

На меня накатил новый прилив ярости. Хотелось развернуться и размазать его мерзкую рожу по стене – до кровавых соплей.

– Дан, не начинай опять, – предостерегающе сказал Петров. – Давай больше без драк сегодня, ок?

Я только кивнул и первым пошел по лестнице вниз. На улице на нас то и дело оглядывались, понимая, что мы – выпускники. Кто-то даже поздравил. А когда мы приземлились в какой-то забегаловке, нам дали в подарок к бургерам колу.

Пока все болтали, вспоминая приколы с выпускного, я думал о Дашке. Нет, серьезно? Она потопала искать меня, потому что решила, что я ее не дождался? Зачем, если я был ей так неприятен? Она реально искала меня? Ждала, когда я приеду? А потом плакала, увидев, что я с другой? Ей было так больно? Сергеева же никогда не плачет. Или Серый выдумал это?

Я обхватил голову руками. Что за фигня? Быть этого не может. А Серый? Он ясно дал понять, что... успокоил Дашку. Да она и сама сказала родителям, что была с парнем Сережей. Или специально сказала? Как же с ней сложно! И что я должен делать? Прощения просить, что ли?

Не осознавая своих действий, я грохнул кулаком по столу. Друзья тотчас замолчали.

– Ты чего, Дан? – спросил Петров осторожно.

– Да так... Не могу понять, про какое видео говорил Серый, – соврал я. И увидел, как парни переглянулись. Это мне не понравилось.

– Эй, что такое? – забеспокоился я.

– Понимаешь, друг, такое дело, – заюлил Петров.

– Какое – такое? – нахмурился я. В ответ мне поведали занимательную историю, в которой Петров взял мой телефон, случайно нашел то видео, которое я снимал на балконе – ну, где мы с Сергеевой целовались. И скинул в общую беседу.

Зачем? Не знаю! Сложно понять, что происходит в голове идиота. Он сказал, что хотел рассказать всем, что у меня новая подружка.

– Да пьяный я был! – оправдывался он. – Фиг знает, зачем выложил! Дан, серьезно, я просто поржать хотел! Чувак, ну реально! Ты только руку опусти! А то нас всех потом за драку загребут – ты же знаешь, менты вчера-сегодня за выпускными классами наблюдают! Им только дай повод! Ты мне один раз по морде дай и успокойся, лады, Матвеев?

Я хотел пристукнуть этого идиота, но послушался его совета – врезал от души за углом и пошел домой. Дома меня ждал выговор от матери и неожиданная защита со стороны отца.

– Данька Дашку искал все утро, не ругай пацана, Таня, – сказал он и велел мне: – А ты иди выспись. Потом с тобой поговорим.

Я послушно завалился на кровать, закрыл глаза – и моментально провалился в сон. Что мне снилось? Нетрудно догадаться. Сергеева. Только в этот раз она не была рядом – бежала вдоль почерневшего моря, оставляя на сером влажном песке следы. А я бежал за ней, звал по имени и кричал, чтобы она остановилась. Потом ее накрыло огромной волной, и я проснулся с быстро бьющимся от страха сердцем.

За окном уже стоял вечер. Я сел в кровати и посмотрел в стену – туда, где за ней находилась кровать Сергеевой. Наверное, Дашка сейчас дома. В своей комнате. Безумно близко от меня и так же безумно далеко. Может быть, извиниться? Прийти к ней и поговорить? Сказать, что мне жаль. Что я не хотел всего этого. Что я обижен на нее из-за ее слов о нашем поцелуе. Что она мне нравится. Я не хотел, чтобы она отдалилась от меня так же, как и во сне. Там Дашка была слишком далека от меня, и я не смог ее спасти. Не хочу, чтобы в реальности было то же самое.

Холодный душ помог успокоиться. Только некстати вспомнилось платье Сергеевой и то, как оно соблазнительно задиралось, когда мы целовались на балконе. Я прислонился спиной к стеклу душевой кабины и запрокинул голову, подставляя лицо под струи воды и невольно представляя, что она снова целует меня – так же жарко и нежно. Мысли об этой девчонке не покидали меня. И я ненавидел ее почти так же сильно, как и любил.

Глава 6

Несломленная гордость

Решение извиниться далось мне нелегко. Для этого пришлось не просто переступить через себя, как я делал раньше, когда боролся со своими страхами. А переломить, как ветку, свою гордость. И это я делал впервые.

«Ты все еще агришься? Не агрись, чувак. Надеюсь, тебя успокоит тот факт, что у меня до сих пор болит челюсть. И щелкает», – написал Петров. «Надеюсь, она у тебя отвалится. Эй, пес, как ты извинялся перед Оксаной?» – спросил я, помня, что не так давно он поссорился со своей девушкой, а потом просил прощения. У меня подобного не случалось. Это у меня просили прощения. Не я. Даже если я был виноват. «Купил цветы, конфеты, вино и встал на колени». – «Чего-чего?» – «Ну ладно, на колени не вставал. Но от цветов она растаяла. А тебе зачем?» – «Чтобы ты спросил».

Может, мне тоже цветы купить? И конфеты? Вино – оно лишнее. У меня до сих пор голова болит. У нее, наверное, тоже. Я оделся и вылетел на улицу. Около остановки забежал в цветочный павильон и попросил самый красивый букет.

– Вам для кого, молодой человек? – весело осведомилась продавщица.

Меня бесило, когда старшие обращались ко мне так – «молодой человек». И когда задавали глупые вопросы – тоже. Для собаки, для кого еще я могу покупать цветы.

– Девушке подарить хочу, – отозвался я сквозь зубы. Почему-то было неловко. Как будто я в первый раз покупал презервативы в аптеке, а не цветы для Сергеевой.

– Сейчас подберем букетик! Какой повод? День рождения, свидание, какая-то совместная дата? – не отставала тетка.

– Извиниться хочу, – буркнул я.

– Понятненько... А какая у вас девушка?

– Послушайте, это важно? – нервно спросил я.

– Естественно! – закивала она. – Цветы все разные, как и люди! И то, что можно подарить одной девушке, нельзя подарить другой!

Честно, я бы уже свалил, но нигде поблизости цветы больше не продавались. А бежать куда-то еще я не хотел: боялся, что мой запал пойти и извиниться перед Сергеевой пропадет.

– Это же просто цветы.

– Не просто, молодой человек, совсем не просто. Так какая у вас девушка?

– Если я скажу, что самая лучшая, это не засчитается, да? – вздохнул я.

Продавец захихикала и потребовала:

– Опишите ее.

Я тяжело вздохнул. Женщины вообще чокнулись? Даже просто цветы купить у них нельзя.

– Нежная, добрая, смелая, – выдал я и добавил зачем-то: – Потрясающе целуется.

– Я думала, вы скажете, что красивая.

– И красивая тоже, – рассердился я. – Вы цветы продавать мне будете или нет?

– Разумеется! Как вам ромашки? – спросила продавец задумчиво.

– Так себе. Дайте роз каких-нибудь, что ли.

Однако она показала мне огромный букет из этих самых ромашек в серебристой обертке, и я понял, что они действительно подходят Дашке. Такие же нежные, трогательные и задорные. Да и стоил этот букет прилично – это стало последним аргументом в их пользу.

Я поставил цветы в вазу и отнес в гостиную – боялся, что завянут. Родителей дома не было, но оно и к лучшему – не будут задавать лишних вопросов. Мне оставалось только собраться с мыслями и идти к Сергеевой. Я уже готов был сделать это, как зазвонил телефон.

– Привет, Дан! – с удивлением услышал я голос Каролины. – Поздравляю с окончанием школы!

– И я тебя, – отозвался я.

Мы с ней общались с восьмого класса – по переписке. И я однажды встретился с ней в Питере. Мы считали друг друга хорошими друзьями, переписывались, разговаривали по скайпу, хотя парни любили поприкалываться над нашей дружбой. Но они просто ничего не понимали.

– Я приехала, Дан, – вдруг объявила Каролина.

– Куда? – не понял я.

– К тебе...

– Зачем?

– Хотела лично поздравить... Стою около твоего дома...

– Что за глупости? – рявкнул я. – Ты совсем, что ли?

– Прости, – прошептала Каролина. Радость из ее голоса моментально испарилась. – Просто я подумала... Тебе будет приятно и... Прости, – повторила она убито.

Я понял, что обидел друга.

– Каролина, извини. Около дома, говоришь? Заходи. Я один.

– Хорошо, – прошелестела она. И спустя пару минут я уже впускал ее в квартиру.

– Прости, – сказала Каролина похоронным тоном. – Я, наверное, не вовремя.

– Все в порядке, рад тебя видеть, – отозвался я, осторожно обнимая ее. Не мог же я отбить ей пять, как пацанам?

Ее ладони легли на мои плечи, и я почувствовал горьковатый аромат ее духов – такие духи никогда мне не нравились. Ее щека соприкоснулась с моей щекой, но я тотчас отстранился от Каролины. Не хватало, чтобы она подумала обо мне что-то не то.

– Спасибо, что приехала. Но не стоило, Каролин. У тебя самой выпускной был.

– Он был скучным, – отозвалась она с улыбкой.

– У меня тоже. Проходи в гостиную, – ответил я, думая, как поступить. Выгнать Серебрякову я не мог: мы давно не виделись. И решил, что посижу с ней час, а потом пойду к Дашке. Час ведь ничего не меняет, верно?

– Какие хорошенькие, – склонилась к цветам Каролина, придерживая длинные светлые волосы у плеча. – Пахнут здорово. Тебе подарили?

– Ага, – не стал я ничего ей объяснять. Потом расскажу – Каролина была в курсе моих чувств к Сергеевой. И всегда поддерживала меня. – Будешь чай?

– Нет, спасибо... Если только воду – на улице жарко.

– Холодный сок? – предложил я.

Каролина кивнула. Я притащил апельсиновый сок – и себе, и ей. Когда я заходил в гостиную, то увидел, что она стоит у стены, рассматривая семейные фото, но не успел ничего сказать. Каролина сделала шаг назад, не замечая меня, и врезалась в мое плечо. Сок тотчас пролился. Но, к счастью, я в последний момент как-то увернулся, и сок попал не на ее замечательное белоснежное платье, а на мои домашние майку и штаны.

Я громко и нецензурно выругался. А Каролина вздрогнула.

– Прости! – воскликнула она. – Боже, как неловко!

– Все в порядке, – отмахнулся я.

– Я идиотка, какая я идиотка, – шептала Каролина. Она всегда ужасно смущалась, когда делала что-то не так.

– Не на тебя пролилось, и ладно. Чего убиваться? Это же просто домашняя одежда, – ободряюще улыбнулся я гостье. – Сейчас переоденусь и вернусь.

Я ушел в свою комнату, но только успел натянуть джинсы, как кто-то позвонил в квартиру. Плюнув на поиски чистой футболки, я пошел открывать, надеясь, что это не родители, забывшие ключи.

О да, это были не они. И даже не Петров. Это была Дашка. Она стояла и таращилась на меня большими глазами. Заплаканными. И все равно самыми красивыми на свете. Мне хотелось прижать эту дуру к себе и не отпускать. Но я боялся сделать что-то не так.

– Что? – не сразу додумался спросить я.

– Хочу поговорить. Можно?

– О чем? – затупил я, потому что не знал, как собрать силу воли в кулак и обо всем ей сказать.

Дашка перевела взгляд вниз и увидела босоножки Каролины. Только тогда я понял, как не вовремя она пришла.

– У тебя кто-то в гостях? – спросила Дашка.

Я не успел ничего ответить – в прихожей появилась Каролина. И мило улыбнулась Сергеевой.

– Привет, – поздоровалась она.

– Привет. – Во взгляде Дашки было раздражение, а в голосе – ни намека на дружелюбие. – Извините, что помешала. Нам надо поговорить.

– Это может подождать? – спросил я, потому что говорить при Каролине не хотел. Слишком личное.

– Нет.

Пришлось вести Дашку в свою комнату. А там все пошло не так, как я хотел. Мы в очередной раз поругались. И все мои благие намерения растворились под шквалом ее тупых обвинений. Она заявила, что я разочаровал ее, и всячески дала понять, какой я козел. Я молча слушал ее, по привычке сильно сжимая пальцы, но, как только Сергеева заметила это, тотчас расслабил их. Не хотел, чтобы она знала, как мне фигово из-за ее слов. В конце концов она обозвала меня трусом. Так и сказала, сидя на диване с такой прямой спиной, будто ей сзади доску привязали:

– Ты трус, Матвеев. Лживый и лицемерный. У тебя есть девушка, а ты целовался со мной. Нет, я не лучше тебя в этом плане – повелась на всю эту псевдоромантику выпускного. Поверила тебе. Но знаешь, Матвеев, я хотя бы была искренней, а ты со мной забавлялся, скинул видео как доказательство друзьям – я всё видела, потом кинул меня и поехал праздновать со своей подругой.

У меня внутри все перевернулось. Она видела. Видела нас с Юлей. Плакала – если верить Серому. Я ненавидел, когда женщины плачут. А когда плакала Дашка – в детстве, мне самому физически становилось плохо. Я безумно боялся сделать ей больно – и в итоге сделал. Но так и не объяснил ей ничего. Закусил удила. Гордость умеет бить по больному. А Дашка, с отвращением глядя на меня, продолжала:

– А на следующий день начал изменять ей с другой. Каролина ведь у тебя для души, да? Я прекрасно понимаю, чем вы занимались до моего прихода. Не переживай, мистер трус, я закончу, и продолжите, а...

Ее слова кололи словно мечи. Били по лицу. Оставляли следы на теле. Вот оно, значит, как? Вот кем ты меня считаешь, любимая? Вот что думаешь про меня? Не сдержавшись, я ударил кулаком по стене.

– Что ты несешь? – прорычал я и, зачем-то склонившись к Дашке, наехал в ответ. Сказал, чтобы сняла белое пальто. И чтобы посмотрела на свои поступки.

Защитная реакция? Нет, это была ненависть. Я ненавидел Сергееву всей душой. За ее злые слова. За пронзающий взгляд. За то, что она такая красивая. Я оказался безумно близко к ней – так, что мой лоб коснулся ее лба. И мне тотчас захотелось поцеловать ее – как на выпуск-

ном. Прижать к дивану, чтобы не могла вырваться, и не отпускать. Доказать, что я сильнее. Доказать, что со мной ей хорошо.

Я снова себя сдержал. Ненависть, любовь... Не знаю, что это было. Наверное, одержимость. Злость и нежность в одном флаконе. Дикое желание сделать ее своей – и плевать, что за стеной Каролина. Эмоции заводили не меньше, чем близость Сергеевой. Я отчетливо чувствовал тонкий свежий аромат клубники, идущий от ее волос. И губы у нее были красные. Как клубника.

– Раньше я думал, что ты просто маленькая, – прошипел я, наклоняясь еще чуть ниже. – Неопытная. Ничего не понимаешь. Но я ошибся. Ты все понимала. Тебе просто нравилось унижать меня.

Наши губы оказались запретно близко друг от друга. Наверное, еще бы мгновение, и я бы впился в ее губы поцелуем. Но Сергеева вдруг отпрянула, будто испугавшись. Потому я и отстранился.

– Как же ты меня бесишь, – прошептал я, пытаюсь унять учащенный пульс.

– Нет, малыш. Это ты меня бесишь. Всё в тебе бесит. Твоя наглость, самовлюбленность, эгоизм. Может быть, ты красивый и сильный – устраиваешь девочкам марафоны, да? Но только этого мало, чтобы быть в глазах других настоящим человеком. И я пришла сказать, что презираю тебя за твои поступки. Ты – мусор.

Она в очередной раз попыталась меня сломать.

– Мусор. – Я рассмеялся. – Выходит, я – мусор, а ты – принцесса? Так? Знаешь, если бы ты была парнем, я бы знал, как с тобой разобраться.

– Кулаками? Ударить, что ли? – Дашка провоцировала меня. Честно.

– Я не бью женщин, хотя и выгляжу в твоих глазах мусором. Но выслушивать все это не собираюсь. Уходи, – велел я.

– Я узнала про спор, – решила она меня добить.

– Про какой спор?

– Про спор на меня. Ночь со мной, все дела.

– Что? Откуда? – Я занервничал. Каким бы мусором я ни был, рассказывать про Серого не хотел.

– Не важно. Просто скажи, спор действительно был?

– А если и был?

– Ты мразь, – заявила Дашка. – Я не ошиблась.

Этот удар от Сергеевой был самым болезненным. Отработанный апперкот. Меткий, сильный. Я едва удержался на ногах. Да она профи.

– Я?! Что ты несешь? Хотя... – Я вдруг решил, что не буду оправдываться. Если человек думает, что я способен на нечто подобное, значит, совершенно не знает меня. И не собирается узнавать.

Если надо объяснять, то не надо объяснять. Пусть считает так. Пусть считает меня свиньей. Не буду спорить.

– Думай, как знаешь. Уходи. Просто уходи. Нечего тебе с мусором общаться, – сказал я. И она, тотчас поднявшись с дивана, первой вылетела из комнаты. А я пошел следом, уставший до невозможности.

– Удачи с Каролиной, – сказала она в прихожей, отправив меня в нокаут.

– А тебе удачи с тем, с кем ты провела ночь, пока тебя все искали. И даже мусор, – не смог удержаться я.

Она вышла из квартиры, а я непонимающе смотрел в ее спину, на трогательно торчащие лопатки. Со спины Дашка казалась беззащитной.

– Стой, Сергеева. – Не знаю, что на меня нашло.

– Что? – обернулась она.

И я сошел с ума. Не понимая, что делаю и зачем, подошел к ней и положил ладони на щеки, всматриваясь в ее лицо. Щеки у нее были горячими.

– Я не этого хотел.

Прости, Даша. Правда, не хотел.

– Мне теперь на все плевать. Отпусти меня, – не стала слушать меня Сергеева и убежала к себе.

А я вернулся домой. И застыл в прихожей, не понимая, что на меня нашло.

– Что случилось? – выглянула из гостиной Каролина.

– Ничего, – сквозь зубы процедил я.

– Я же вижу, что-то случилось. Вы поругались?

Я молчал. И тогда она обняла меня – легко и невесомо. Словно укрыла тонким одеялом.

– Дан, – прошептала Каролина, прижимаясь щекой к моему плечу. – Все будет хорошо. Веришь?

И поцеловала в щеку.

– Верю, – ответил я и отстранил ее от себя.

Ромашки я отдал Каролине. А когда она ушла, сидел в своей комнате на подоконнике и пересматривал видео, на котором мы с Сергеевой целовались. Пересмотрел раз пять или шесть, а потом удалил.

Началась гроза, а я подошел к боксерской груше и методично бил ее до изнеможения. Джеб. Хук. Кросс. Джеб, хук, кросс... Я бы проломил эту чертову стену между квартирами. Но от стены, которая разделяла теперь нас с Дашкой, я избавиться не мог. Я выдохнул и продолжил. Джеб. Хук. Кросс.

Больше ее не было в моей жизни. Целых три года.

Глава 7

Вкус предательства

Мне казалось, что я летела сквозь пространство и время по сияющей мягкой тьме, где всюду горели звезды. Иные из них складывались в созвездия, а иные – в буквы и слова. «Я люблю тебя». «Пожалуйста, не уходи». «Как я без тебя?..» Вот что я видела, пока мчалась по Вселенной, раскинув руки, как крылья.

А потом звезды начали мигать и гаснуть, как фонари на ночной аллее. Одна за другой, по цепочке. И осталась только темнота – всеобъемлющая и подавляющая. Кажется, я сама превращалась в эту тьму. И чтобы полностью не стать ею, попыталась увидеть свет.

С трудом я распахнула глаза и тут же прикрыла их: белоснежный потолок ослеплял, а громкий стук дождя по оконному стеклу казался барабанной дробью, болезненно отзывающейся в ушах. Лицо и тело горели от жара. Я не понимала, что со мной. Однако все тревоги и страхи тут же исчезли. За руку меня держал Даня – я чувствовала его теплые пальцы в своих.

– Даня... – едва слышно проговорила я, сильнее сжала его пальцы и снова провалилась во тьму, а последнее, что почувствовала, – его ладонь на моих волосах.

Теперь тьма была другая – без звезд. Мне ничего не снилось. Я просто спала, погружившись в забытие. Во второй раз я пришла в себя тогда, когда дождь закончился. Я открыла глаза, снова увидела ослепительно-белый потолок, с трудом приподнялась и осмотрелась. Я находилась в крохотной комнате с окном, в которой кроме кровати, тумбочки и раковины ничего не было. И никого. Дани – тоже. Сердце тотчас тревожно забилося. Неужели мне померещилось, что он держал меня за руку? И вообще, где я нахожусь, что со мной?

Разом вдруг нахлынули воспоминания, и повторное осознание того, что Даня бросил меня, болезненно отозвалось в кружащейся голове. Нет. Только не это. Не может быть. Моя Вселенная разрушена. Я разрушена.

В это время открылась дверь, и в комнату вошла пожилая, но энергичная женщина в белом халате.

– Пришла в себя? – спросила она весело. – Дарья Сергеева, кто же в таком состоянии на учебу-то приходит?

– Что? – только и спросила я.

– Заболела ты, девочка. Температура высокая, давление низкое, горло красное. ОРВИ у тебя начинается, – пояснила женщина.

– Где я?..

– В медпункте. Упала, говорят, прямо на улице, хорошо, что парень твой тебя увидел и принес. Температуру сбили. Езжай-ка ты домой и лечись. Справку получишь. Парень тебя на машине обещал отвезти, ждет.

– Он здесь? – только и спросила я, села, не обращая внимания на слабость и головокружение, нащарила кеды, сунула в них ноги и встала.

Надежда всколыхнула мое сердце.

– Так, Дарья Сергеева! – повысила голос медработник. – Давай-ка аккуратнее, без резких движений.

Я только нетерпеливо кивнула и вышла за дверь, думая, что сейчас увижу Даню и он скажет, что все это – шутка, сейчас мы вместе поедем домой, и его рука всегда будет держать мою руку.

– Ты где... – Я проглотила свои слова. В кабинете на стуле, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, сидел другой человек. Светлая рубашка с мокрыми разводами от дождя, черные джинсы, откинута к стене голова с небрежно уложенными волосами.

Вместо знакомого тонкого аромата хвои и горьких трав – холодный цитрус. Вместо серых глаз – карие. Вместо надежды – отчаяние. Меня ждал Влад. Это он увидел меня на улице и принес в медпункт. Он, не Дания.

Увидев меня, Влад поднялся.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он с тревогой.

– Хорошо, – ответила я и улыбнулась – как-то жалко. Меня вдруг пошатнуло, и я вынуждена была схватиться за стену. Влад тут же помог мне сесть на стул.

– Так, сейчас я лечение распишу, и вези-ка ты ее домой, – сказала врач. – Довезешь ведь? – внимательно посмотрела она на Влада. Тот только кивнул.

– Замечательно. И пока не вылечишься – носа на учебе не показывай, милая.

Она говорила мне про лекарства, писала что-то, но я плохо слышала ее: в ушах все еще стоял Данин голос. А Влад сидел напротив и с кем-то переписывался, изредка поглядывая на меня и ободряюще улыбаясь. Из медкабинета я вышла с его помощью – Влад по-джентльменски придерживал меня за локоть. Меня не тревожила собственная болезнь – все мысли были о Дани. О том, что он бросил меня.

Надежда на то, что все это было сном, таяла с каждой секундой.

– Может быть, поедem в частную клинику? – спросил Влад. – Не доверяю подобным заведениям.

– Нет, спасибо, – отказалась я, начиная чувствовать боль в горле. – И спасибо, что принес сюда. Из-за меня ты промок. Извини, ужасно неловко, – прошептала я.

– Все в порядке. Я не мог оставить тебя на улице, – ответил Влад и приобнял меня за талию – чтобы помочь идти.

– Я сама. – Мои попытки оттолкнуть его не увенчались успехом.

– Сама ты опять где-нибудь упадешь, – хмыкнул Влад. – И эта тетка из медпункта разорвет меня на части. Идем, Дарья. Тихо и осторожно.

Мы добрались до пустого холла, пересекли его и оказались на улице. Гроза, по-видимому, только-только закончилась: упоительно пахло дождем, выглянувшее солнце золотило мокрый асфальт, с крыш падали капли, и из-за них появлялись круги в лужах. Людей почти не было. Зато на небе растянулась двойная радуга. Мы медленно шли к стоянке, и я не отрывала глаз от этой радуги. А в ушах стояли слова Дани о том, что нам надо расстаться.

Влад довел меня до своей белой машины, заботливо открыл передо мной дверь, посадил, но когда хотел застегнуть на мне ремень безопасности, я не позволила ему сделать это – застегнула сама. Влад тихо хмыкнул и сел рядом.

– Отвезу тебя домой. По дороге заедem за лекарствами, – решил он. – Скажешь мне, где аптека, хорошо, Дарья?

– Влад, не стоит так беспокоиться, – сказала я тихо. – Я и без того чувствую себя неловко.

– Почему? – любопытствовал Савицкий, выезжая со стоянки.

– Мы почти перестали общаться, – вздохнула я.

«Я выбрала другого, не тебя», – мысленно добавила я, кусая губы. И этот другой только что меня бросил. А ты – рядом. Парадокс.

– И что с того? Я не могу оставить тебя в такой ситуации, – ответил Влад.

Всю дорогу мы ехали молча. Влад рулил, глядя на мокрую дорогу. А я разглядывала свои руки, бессильно лежащие на коленях, и не понимала, что происходит. Я пыталась набрать Данин номер – он не отвечал на звонки, и в сети его не было – мои сообщения уходили в пустоту.

Тогда я просто опустила руку с зажатым телефоном и, отвернувшись, стала смотреть в окно. На глаза наворачивались слезы, а я не хотела, чтобы Влад увидел их. Только этих слез становилось все больше, они все сильнее застилали глаза, и Савицкий заметил. Не мог не заметить.

– Это того не стоит, – только и сказал он, а после протянул мне салфетки.

– Спасибо... Но откуда тебе знать – стоит или нет? – прошептала я.

– Такие, как он, слез недостойны. – В голосе Влада был металл.

И я поняла, что он все знает. Знает, что Матвеев меня бросил.

– Откуда?... – только и спросила я.

– Банальная логика, – отозвался Влад. – Когда ты была без сознания, произнесла его имя.

Теперь пытаешься связаться с ним, не выпускаешь телефон из рук. И плачешь. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять: он тебя бросил.

– Верно, – усмехнулась я и зачем-то спросила: – Это ведь ты держал меня за руку?

– Я, – односложно ответил Влад.

И последняя – несущая – стена моего личного воздушного замка рухнула. Хотелось рыдать – громко, как в детстве, однако я запретила себе плакать. И повторяла, что буду сильной, смогу сдерживать себя, перестану думать о нем. Слезы действительно схлынули, однако саднящая боль в душе осталась. В горле – тоже. Кажется, я и в самом деле стремительно заболела.

Мы заехали в аптеку, и Влад хотел купить мне лекарства, однако я не позволила ему сделать это.

– Я сама, – сказала я, нахмурившись, и он отошел.

– Мне было не по себе, – уже в машине сказал Савицкий. – Я привык платить за девушек.

– И покупать им дорогие подарки, знаю, – отозвалась я, вспомнив разговор девушек в туалете ресторана.

– Логика? – любопытствовал он, не став отрицать мои слова.

– Нет, слышала кое-что о тебе, – призналась я, сжимая дрожащими руками пакетик из аптеки.

– Плохое?

Мы остановились на светофоре, и Савицкий внимательно посмотрел на меня. В его кофейных глазах было любопытство. Что ему ответить, я не знала. Устало пожала плечами, чувствуя, что голова заболела сильнее.

– Просто многим интересно, зачем парень из такой семьи, как у тебя, приехал к нам в город и переехал в наш вуз. Вокруг твоего образа витают домыслы.

– Вот как. Я действительно люблю дарить подарки. Мне нравится наблюдать за эмоциями. В том числе за твоими.

– И какие они, мои эмоции? – спросила я, хотя, честно говоря, мне было все равно.

– Разные. Радость, грусть, интерес, смущение, удивление, восхищение. Сейчас – отчаяние, – сказал вдруг Влад. – Но при мне ты никогда не раскрываешься. Я не могу почувствовать тебя полностью, Дарья. Ты мне не доверяешь?

Его вопрос удивил меня.

– Влад, я знаю тебя недостаточно хорошо. Как я могу доверять тебе или не доверять?

– Ты права. Верно.

На этом наш разговор закончился. Влад довез меня до дома, и первое, что я поняла, – машина Дани припаркована рядом с подъездом. Он вернулся. И я смогу с ним поговорить. Он должен объяснить свой поступок. Я имею право знать, что случилось. Уже на улице я искренне поблагодарила Влада за помощь.

– Извини, что пришлось возиться со мной, – сказала я и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. – Мне неловко.

– Все в порядке. Я провожу тебя до квартиры, – ответил он.

– Я сама, спасибо. Ты и так много для меня сделал, – отказалась я, чувствуя себя должницей.

– Я эгоист, Дарья. Мне будет спокойнее, если я буду точно знать, что ты – дома. Идем, – не отступался Савицкий.

Я глянула на окна квартиры Матвеевых – мне почудилось, что кто-то смотрит на меня из-за шторы, но оказалось, что это очередная иллюзия. Возможно, мне просто хотелось, чтобы на меня кто-то смотрел. Возможно, мне хотелось, чтобы это был Даня.

Мы пошли к подъезду. Минута – и я стояла напротив своей двери. Во мне теплилась надежда, что Даня выйдет на площадку и увидит меня, но этого не произошло. Он не появлялся.

– Напрашиваться в гости не стану. Лечись, Дарья, – сказал Влад.

– Постараюсь, – отозвалась я.

– Дома кто-нибудь есть?

– Нет. Не переживай, я справлюсь.

– А твой парень? Он же живет по соседству. Может быть, он побудет с тобой и... – Влад осекся, поняв, что сказал глупость.

– Мы расстались, – сухо ответила я.

– Да, точно, прости. Просто помни, что такие девушки, как ты, легко могут найти себе кого-то более достойного. Поняла, Дарья?

– Поняла.

Я еще раз поблагодарила его за помощь, попрощалась и переступила порог своей квартиры. Сил не было никаких, горло и голова болели все сильнее, но все, чего я хотела сейчас, – поговорить с Даней. И выяснить, что случилось.

Вообще-то я собиралась быть сильной, но стоило мне присесть на диван с водой и лекарством в руках, как в глазах снова собрались слезы. Слезы бессилия, обиды, злости, непонимания, ревности. Даня сказал, что не удержался. Значит, у него что-то было с Каролиной? Его чувства вспыхнули снова? Он не забывал ее? А мне соврал, что никогда ничего не чувствовал к ней? Но зачем? Для чего? Он ведь не такой. В его глазах всегда было много света. Или это еще одна моя иллюзия?

Сильной быть не получалось – я снова разревелась. С большим трудом вытерла слезы, залпом выпила какие-то таблетки, развела в горячей воде порошок с ароматом химического лимона, выпила, обжигая губы. Умыла горящее лицо холодной водой. Измерила температуру – она была высокой. И попыталась успокоиться. С Даней надо говорить без истерик и слез. Спокойно, с достоинством. Не для того чтобы показать ему, какая я сильная и независимая, а для того, чтобы доказать себе, что я не слабая. Что не стану умолять его вернуться. Что не буду кричать, проклинать и упрашивать. Не буду из кожи вон лезть, чтобы заполучить его вновь. Он сделал выбор, и его выбор откликается на имя Каролина.

Я просто попрошу Даню рассказать, в чем дело. Все рассказать. Так не уходят – внезапно и не оглядываясь. Так не бросают – всего лишь парой слов. Так не поступают с теми, кого хотя бы просто уважают. Набросив на плечи теплую вязаную кофту, я вышла на лестничную площадку и остановилась перед дверью квартиры Матвеевых. Чтобы позвонить, мне потребовались силы. Секунд десять я медлила, однако все же нажала на звонок и долго не отпускала палец.

Если его машина здесь, значит, и сам Даня дома. Я уверена.

– Открой, пожалуйста, дверь. Я знаю, что ты дома, – сказала я хрипло.

Но мне никто не открывал – сколько раз я ни нажимала на звонок. Один, второй, третий – безрезультатно. А потом распахнулись створки лифта, и я услышала за спиной голос Дани:

– Даша?..

Я обернулась и увидела его – все в том же бомбере, со встрепанными каштановыми волосами и пустым взглядом.

– Ты что тут делаешь? – нахмурился Даня. – Ты же...

Он замолчал и почти сразу продолжил:

– Ты же должна быть в универе.

– Какая разница, где я должна быть? – хрипло спросила я, глядя на него не отрываясь. – Давай поговорим.

– Я уже все сказал, Даша, – ответил он, глядя мимо меня в стену.

– Нет, не все. Ты просто поставил меня перед фактом – мы расстаемся. Ничего не объяснил. Бросил. Ушел, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. – Нет, не просто ушел – трусливо сбежал.

– Зачем что-то объяснять? – спросил он устало.

– Что значит – зачем?! – воскликнула я потрясенно. Уровень ненависти к этому человеку в моей душе рос. – По-твоему, это нормально?

– У тебя вид больной, – невпопад сказал Даня. Его рука дернулась, будто он хотел дотронуться до меня, но тотчас опустилась.

– Матвеев. Объясни, что происходит, – сквозь зубы процедила я.

– Иди домой, Даш. – Его рука все-таки коснулась моего лба, и прикосновение это было словно солнечный ожог. Я дернулась.

– Не трогай меня. И скажи уже, что случилось! – Я задыхалась от собственной ненависти, как задыхаются от газа.

– У тебя температура. Лоб горячий. Тебе надо отдохнуть, – ответил Даня словно не понимал, что я ему говорю.

– Ты меня слышишь? – не выдержала я. – Ты слышишь мой вопрос, чертов придурок?

Матвеев вспыхнул. В серых глазах появились искры горящего в сердце серебряного костра.

– Я не хочу об этом говорить. Не хочу вспоминать, как это произошло. Не хочу говорить о том, какой я урод, понимаешь? – с каким-то неожиданным отчаянием закричал он. – Тебе что, легче будет, если я в красках распишу, как спал с другой?

– Не легче. – Даня был прав. – Но это честнее. Честнее рассказать все.

– Давай начистоту, Даша. – На какое-то мгновение Даня прикрыл глаза. – Мы встречаемся... встречались меньше месяца. У нас ничего не было. По сути, мы друг другу никто. Не супруги, не жених с невестой. Между нами не было таких обязательств, из-за которых я должен рассказать тебе каждую деталь своей измены, – зло усмехнулся он. – Даша, повторю еще раз – я тебя уважаю. Поэтому сразу все рассказал. Не скрывал, не утаивал. Решил, что так будет честно. Да, я хотел, чтобы что-то получилось. Но не вышло.

Я никогда не думала, что у ненависти может быть столько оттенков. Теперь моя ненависть была с привкусом отчаяния.

– Я тебя не узнаю, – с трудом выговорила я.

– Я тоже. Тоже себя не узнаю, – ответил Даня вдруг.

– Значит, это все? – тихо спросила я.

– Все, – ответил он и сжал мою руку. Знакомая дрожь пробежала у меня по телу.

– И там, под звездами, под Млечным Путем, все было неправдой? – Мой голос перешел на жалкий хриплый шепот.

– Неправдой, – эхом откликнулся Даня. Пустота в его глазах взрывалась болью. – Прости. Если сможешь.

И он убрал руку с моей руки.

– Не смогу, – сказала я, развернулась и пошла к своей квартире. Никогда не смогу. Ни за что.

Мне показалось, что я услышала его тихое: «Знаю». Едва я коснулась дверной ручки, как створки лифта снова распахнулись. Я оглянулась, почему-то решив вдруг, что это Каролина, –

сама не знаю почему. Однако я снова оказалась права. Это был Дима. Встрепанный, в расстегнутой спортивной кофте, с перекошенным от бессильной злости лицом.

– Ты! Это ты виноват! – почти прорычал он и схватил Даню за ворот бомбера. – Козлина!

Я не узнавала его. Смотрела и не понимала, что произошло с добродушным и веселым Димкой.

– Успокойся, – велел ему Матвеев и хорошенько встряхнул. – Успокойся, я сказал!

Дима и правда несколько пришел в себя. Опустил руки, сжимая их в кулаки, и склонил голову.

– Она ведь еще и ребенка ждала... Понимаешь? – тихо спросил он. – Понимаешь?..

Даня тяжело вздохнул. Глянул на меня, замершую у своей двери, и сказал:

– Идем ко мне, брат.

Дима вдруг глянул на меня – так, словно только что заметил. И покачал головой. Но, ничего не сказав, зашел в квартиру Матвеева.

– Отдохни, Даш, – сказал Даня напоследок. – Тебе нужно вылечиться. – И он закрыл дверь, последний раз взглянув на меня.

Я хотела сказать ему: «Пожалуйста, не оставляй меня. Ты же знаешь, как без тебя больно. Останься со мной». Но не смогла. Он этого не достоин. Все. На этом все закончилось. Вселенная схлопнулась. Теория «Большого сжатия» в действии. По лицу снова потекли слезы. Я уселась с ногами на диван, обняв подушку, и положила на нее тяжелую голову. Сашка была права. Расставание в первый период любви – в период, когда химия зашкаливает, – слишком болезненно. Все произошло слишком внезапно. Счастье отобрали так быстро, так резко, что я до сих пор с трудом верю в это.

Я незаметно уснула, а когда спустя несколько часов встала, оказалось, что листок с сердцем, которое я рисовала утром, отлепился от стекла и упал. Символично.

Глава 8

Любовь, ставшая ненавистью

Моя большая и прекрасная любовь закончилась. По крайней мере я убеждала себя в этом. Однако это самообман – от чувств нельзя так легко и просто избавиться, даже если они перестали быть взаимными. Нельзя достать их из сердца, а взамен положить туда что-то другое. Нельзя уничтожить. Несчастливая любовь тоже может быть истинной.

Даня был со мной всюду – в мыслях, снах, воспоминаниях. В каждом шаге, что я слышала из комнаты. В каждом сообщении, что я получала. В каждом огне ночного города, что заглядывал ко мне по вечерам в окно.

Первое время, особенно когда температура была высокой, я забывалась, и мне казалось, что между нами ничего плохого не произошло и все остается по-прежнему: он и я вместе. Что сейчас я встану и спущусь вниз к его машине, в которой он меня ждет. Даня обнимет меня, как прежде, прижмет к себе и прошепчет что-нибудь теплое. Однако почти сразу же приходила в себя и в бессильной ярости сжимала зубы, зная, что этого никогда не произойдет.

Чем больше времени проходило, тем сильнее я хотела ненавидеть этого человека, а не любить. И я внушала это себе раз за разом. Я его ненавижу. Ненавижу. Не-на-ви-жу! Если я не могу выкинуть из сердца чувства к нему, я просто поменяю их – с плюса на минус. Особенно ярко моя ненависть к Матвееву вспыхнула в тот день, когда я зашла к нему в инстаграм, переислив себя, и увидела фотографию с Серебряковой.

В этой фотографии не было ничего особенного – обычное селфи парня и девушки. Я не могла понять, обнимаются они или нет, но щека Каролины была прижата к щеке Дани. И если у Матвеева взгляд был все такой же пустой, хотя на лице играла полуулыбка, то взгляд Каролины искрился от восторга. Наверное, мамочка все же разрешила ей общаться с обычным парнем. Иначе не понимаю, зачем она вообще приехала в наш город.

Я несколько мгновений рассматривала их лица на фотографии, которую Даня даже не подписал. И вышла из инстаграма. Пусть делает что хочет. Это его жизнь. Его выбор. Его любовь. И его Вселенная. Но сколько бы я ни повторяла себе это, ревность грызла сердце. Даниил Матвеев казался самым отвратительным человеком на свете. Облачный ангел, которого я видела на небе, действительно нес весть о расставании.

Ангела видят те, кого предадут любимые люди.

День за днем я внушала себе ненависть к нему, твердила, что не буду страдать из-за того, кто предал меня, обещала себе быть сильной. Однако когда он мне снился, я пыталась его поймать, а он неизменно убегал, исчезал, растворялся. И я просыпалась в слезах. Я чувствовала себя бесконечно пустой. Ненависть не наполняла меня, как любовь. Она иссушала.

На больничном я провела больше недели, врач оказалась права насчет вирусного заболевания. Пришлось пить кучу таблеток и витаминов, чтобы поправиться. Хотя, надо сказать, болела не я одна – вирус сразил многих. За все это время Матвеева я не видела ни разу. Ну, не считая того случая, когда поздно вечером я сидела на подоконнике, поставив на репит грустную песню, чтобы забыться, и случайно увидела, как он приехал на своей машине. Даня вышел и, глядя на окна нашего дома, закурил. Меня он не видел – в комнате был выключен свет, а на улице давно стемнело.

То, что он курит, стало для меня неожиданной новостью – при мне он никогда этого не делал. И я ни разу не чувствовала от него запаха дыма и вкуса никотина на губах. «Могу закурить, когда на пределе из-за нервов», – раздался в голове его голос. Мне вспомнилось, что однажды, когда мы болтали, гуляя по центру города, он сказал эту фразу Я тогда не придавала ей значения. Он на пределе? Что-то случилось с прекрасной Каролиной? Проблемы в учебе? На

работе? Или ему стыдно передо мной? Хотелось верить в последнее, но дальше жить в розовых воздушных замках было уже невозможно. Наверное, он просто смотрит на свои окна.

Докурив сигарету, Даня выбросил в урну бычок и устало потер лицо ладонями. А потом скрылся в подъезде. Зачем-то я пошла в темную прихожую – родители уже спали – и прильнула к глазку. Даня вышел из лифта через минуту, и я не могла понять: то ли его лицо искажает стекло глазка, то ли оно действительно понурое и такое усталое, что кажется, будто на нем никогда не бывает улыбки.

Он подошел к двери в свою квартиру, держа в руке ключи, а потом вдруг развернулся и оказался рядом с моей дверью. Он стоял напротив, не зная, что я смотрю на него – нас разделяла какая-то жалкая дверь. Теперь я отлично видела его лицо. Сердце тут же часто забилося, и кровь прильнула к щекам.

Матвеев положил руку на мою дверь и на мгновение склонил голову. А потом вдруг резко развернулся и ушел в свою квартиру. Зачем он сделал это, я не понимала. Но писать ему и спрашивать не стала. Не буду навязываться.

– Что-то Данька у нас не появляется больше, – осторожно сказала как-то вечером мама, сидя в гостиной и вышивая картину. – Поссорились, что ли?

Я равнодушно пожала плечами:

– Просто больше не общаемся.

Игла в руках у мамы замерла от неожиданности.

– Как это – не общаетесь? – удивленно спросила она.

– Обычно, мам, – усмехнулась я. – У него – своя жизнь, у меня – своя. Всё просто.

– И что же между вами произошло? – нахмурилась она.

– Просто он козел, – жалобно сказала я. – Нет, кобель.

Мама стала расспрашивать меня о том, что случилось, и я, вроде бы как начинающая путь сильной и независимой женщины, опять расплакалась. Знаете, как это часто бывает: пока хранишь в себе – держишься, но стоит кому-то начать сопереживать вам – так слезы градом и голос тоньше. Мама отложила вышивку, встала, подошла ко мне и обняла.

– Эх, Дашка-Дашка, девочка моя, – вздохнула она и гладила меня по спине. – Знаю, больно, – но кто из девчонок не переживал из-за любви? Все пройдет, поверь. Найдешь хорошего парня, достойного. Через десять лет еще и смеяться будешь над тем, какой глупой была и как из-за всего этого переживала.

Мне безумно хотелось, чтобы мама оказалась права. На следующий день – в день выхода на учебу, словно по заказу, приехал Влад. Мы с ним изредка переписывались, и он знал, что мой больничный заканчивается.

Честно говоря, я не ожидала его приезда, однако за двадцать минут до того, как я должна была выйти из дома, он позвонил и сказал, что ждет.

– В смысле – ждешь? – не поняла я.

– В прямом, – отозвался он. – Около твоего подъезда. Довезу до универа.

– Что? Влад, зачем, не надо, – пыталась отказать я, но мои слова на него не действовали.

– Надо. Ты после болезни. А мне несложно заехать.

Чем Савицкий был похож на Матвеева, так это упрямством. Переубедить его я не могла, а потому согласилась.

– Выйду через пять минут, – напоследок сказала я.

Мама услышала наш разговор и спросила удивленно:

– Это кто? Или вы с Даней помирились?

– Это Влад, – отозвалась я. – Приехал за мной.

– Что еще за Влад? – появился на кухне папа с бутербродом в руках.

– Дашкин кавалер, – улыбнулась мама. – Ждет ее на машине у подъезда.

И она подмигнула мне. Я только вздохнула – стало как-то неловко.

– Ну-ка, посмотрим, что там за кавалер, – сказал весело папа и подошел к окну. – И на каком гробу на колесиках приехал.

– Ой, папа, какая тебе разница?! – возмутилась я.

– Как какая? Большая! А вдруг у него тачка разбитая вся? И водит как попало?

Секунд десять папа вглядывался в окно. А потом изумленно спросил:

– Не понял... У тебя кавалер на «лексусе» разъезжает? Одна из последних моделей. Чтобы я так жил, а! Влад, что, – сын олигарха?

– Почти, – хмыкнула я, скрывая смущение.

Родители переглянулись.

– И что вас связывает? – почему-то нахмурился папа.

– Учимся в одном универе. Да он нормальный, не переживайте. Мы просто иногда общаемся. И между нами ничего нет, – зачем-то добавила я. – Это он меня в медпункт принес, когда я сознание потеряла.

Папа только головой покачал и пошел обратно на кухню. А мама негромко сказала:

– Даш, ты с такими парнями будь осторожнее. Я ни на что не намекаю, но вы, возможно, слишком разные.

– Мам, серьезно – мы просто приятели, – ответила я, и тут же мне вспомнилось, как мы целовались около подъезда.

– Напиши, когда доедешь! – крикнула мне вслед мама, когда я уже обувалась в прихожей.

– И между делом намекни, что у тебя отец – мастер спорта по боксу! – добавил из кухни папа.

– Ты же биатлоном занимался! – не выдержала мама. Я улыбнулась. Звание мастера спорта папа действительно имел – всю юность пробегал на лыжах, пока не получил травму.

– Или по боевому самбо! – не унимался папа.

– Скажу! – крикнула я в ответ и открыла дверь.

Я вышла на пятнадцать минут раньше, чем планировала, – из-за Влада. И наверное, по этой причине встретила с Матвеевым. Он стоял на площадке и ждал лифт. Увидев меня, он чуть нахмурился. Да и у меня с лица сползла улыбка. Сбежать никуда было нельзя, да мне и не хотелось. Хотелось показать, как мне плевать на него, как я к нему равнодушна, как могу быть счастлива и без него.

Даня сложил руки на груди. И, глядя в сторону, сказал:

– Привет.

– Привет, – отозвалась я, думая, что мой голос будет звонок и весел, но на деле он оказался тусклым и хриплым.

– Выздоровела?

– Да.

– Хорошо.

На этом наш «интересный» диалог закончился. Подошел лифт, и мы вошли в него – сначала я, потом он. Даня стоял прямо передо мной, и я смотрела на его широкую спину с презрением и одновременно с отвратительным желанием обнять его и прижаться – как и прежде. В какой-то момент я вдруг почти дотронулась до его плеча, но отдернула руку, проклиная этого чертова придурка. В это время лифт остановился, и Даня первым покинул его. Я немного помедлила, и, когда выходила, получилось так, что моя сумка оказалась между закрывающимися створками – они прищемили ее. Однако ничего страшного не произошло – Матвеев тотчас разжал створки и высвободил сумку.

– Даша, осторожнее, – тихо произнес он.

– Спасибо, – прошептала я.

– У тебя зубная паста осталась. – Даня вдруг дотронулся до моей щеки и потер ее. Его лицо осветила улыбка, от которой у меня подкосились ноги. Но ничего сказать ему в ответ я не успела – Даня пошел вниз.

Я сцепила зубы, чтобы не крикнуть ему вслед: «Остановись!» Вытащила карманное зеркальце и посмотрелась в него – на щеке оставался слабый след от пасты. И я все еще чувствовала на коже Данины пальцы. Но его прикосновения снова стали запретными. Он сам стал для меня под запретом. Хотя я все еще скучала по нему.

Я быстро избавилась от зубной пасты, уверила себя в том, что смогу выдержать это все, и выбежала из подъезда. Влад стоял, прислонившись к своей машине – не к той, белой, на которой я ездила, а к другой, черной, на вид такой же дорогой. Как назло, он припарковался рядом с автомобилем Матвеева. Но меня поразило не это. Меня поразило то, что Даня, поигрывая ключами, разговаривал с Владом. Спокойно, негромко, без агрессии. В прошлую их встречу они пытались уколоть друг друга, показать, кто лучше. А сейчас просто вели беседу. Лица Дани я не видела, зато видела лицо Влада – оно было спокойным и сосредоточенным. Он выслушал Даню, медленно кивнул, а потом увидел меня и помахал. Матвеев обернулся – и я вздрогнула: столько пустоты в его серых глазах. А ведь раньше в них был свет – так много света, что хватало на двоих.

Все хорошо. Он мне больше никто. Он мне больше не нужен. С этими мыслями я подошла к парням, нацепив на лицо улыбку.

– Доброе утро, Влад, – сказала я милым тоном. И когда Савицкий вдруг решил обнять меня, не стала сопротивляться, хотя, честно говоря, ощущать его руки у себя на плечах мне не нравилось. В его объятиях не было даже доли того волшебства, которое дарили мне прикосновения Матвеева.

– Доброе, Дарья, – сказал Савицкий. – Едем?

– Едем, – отозвалась я.

– Бывай. – В знак прощания Влад лениво поднял ладонь и, не глядя больше на Матвеева, открыл передо мной дверь. Мне не оставалось ничего другого, как сесть на переднее пассажирское кресло. Влад сел за руль, и мы поехали прочь со двора, оставляя Даню позади, – он так и стоял у своей машины.

Мы всё отдалялись, а он смотрел нам вслед. И мне казалось, будто не он предал меня, а я – его. Глупое ощущение. В корне неправильное. Но ужасно болезненное.

До университета мы доехали быстро, но по дороге большей частью молчали. Я не знала, что говорить, а Влад то ли тоже не знал, то ли понимал, что сейчас мне не до разговоров.

– Спасибо, что подвез, – сказала я, когда мы приехали в университет. – Даже если будешь спорить, я снова скажу, что ты – хороший человек.

– Глупости, Дарья, – отозвался Влад. – Ты просто нравишься мне. Поэтому с тобой я добр. Вот и все.

Нравлюсь... Даня тоже говорил, что я ему небезразлична. И что в итоге? Ничего. Разбитые звезды и обломки неба в моей голове.

– Да, я не хочу торопить события, – вдруг сказал Савицкий, внимательно на меня глядя. – Понимаю, что ты только что рассталась со своим парнем. Но ты просто знай – рядом есть человек, которому ты небезразлична. И нет – я не влюблен по уши, не собираюсь вешать лапшу на уши о том, как мне без тебя плохо, и не стану тебе надоедать. Просто хочу, чтобы ты помнила обо мне, – повторил твердо он.

Я кивнула.

– Ты говоришь странные вещи, – призналась я.

– Я стараюсь быть честным, – ответил он.

– Со мной?

– С самим собой.

– Спасибо за это. Что ж, мне пора – перед занятиями надо забежать в деканат и отдать справку, – улыбнулась я Владу.

– Я отвезу тебя домой, – тут же решил он.

– Нет, спасибо, – твердо отказалась я. – Я в порядке. Хватит и того, что ты заехал за мной.

– Как скажешь, Дарья. Хорошего дня.

– И тебе!

С этими словами я быстрым шагом направилась к своему корпусу. Девчонки ждали меня в холле и, увидев, тут же бросились навстречу. Мы не виделись все это время и успели друг по другу соскучиться, хотя, конечно, переписывались каждый день. Они были в курсе того, что со мной происходило. И, если честно, я была благодарна им за поддержку.

Я по очереди обняла их. Сашка изменила оттенок волос: раньше они были насыщенно-синие, а теперь стали цвета морской волны. Полина немного похудела: решила сесть на какую-то очередную диету и записалась на фитнес. А Самира светилась странной полуулыбкой, которую я на ее лице раньше не замечала.

– Ты как, детка? – спросила меня Сашка, не убирая руки с моего плеча.

– Всё нормально, – отозвалась я.

– Точно? У тебя лицо осунулось, – заметила Полина.

– Бедная моя Дашка! – Самира погладила меня по волосам.

– Жаль, Матвеев не мой кот, – фыркнула Сашка. – Иначе быстро бы лишился самого драгоценного.

– Эта Серебрякова мне не нравится, – вмешалась Полина. Она видела ее страничку в соцсети, где, правда, фотографий было лишь несколько. – Наша Сергеева куда красивее.

– И пластичнее, – добавила Саша. Я лишь рассмеялась. Помощь воинствующих подруг – бесценна.

– Ничего, Дашка, ты сильная. Переживешь! – воскликнула Самира.

– Конечно переживу! Девчонки, правда, все нормально. И не надо на меня так смотреть, – весело отозвалась я, не собираясь никому портить настроение своей неудавшейся личной жизнью. – Все расстанутся с парнями – и я не исключение. Ничего, все со мной хорошо будет. А о Матвееве прошу не говорить. Не хочу ничего о нем слышать.

Девчонки лишь кивнули.

– А что это Амирова у нас такая улыбчивая? – с подозрением спросила я.

– Ой, ты еще не знаешь. Она встречается с художником, – приложив к моему уху ладонь, сказала смешливо Сашка.

– Мы просто вместе прогулялись по набережной! – воскликнула Самира возмущенно.

– Да-да, а потом ты угощала его в «Макдоналдсе», – хмыкнула Полина.

– Это был «KFC»! И он сам все оплатил! – еще больше возмутилась Самира.

– Надо же, уровень его обеспеченности чуть выше, чем мы думали, – засмеялись девчонки.

– Мы просто вчера вместе прогулялись! – У Самиры почему-то заалели щеки.

– Может быть, наша Амирова разузнала, что у художника папа – миллиардер? И теперь окучивает его? – предположила Полина. Им с Сашкой нравилось дразнить Самиру.

– Скорее художник покусился на квадратные метры Самирки, – ехидно ответила Сашка. – Ты смотри не прописывай его в квартире!

– Вот дуры, а! – поджала губы подруга. – Мы просто разговаривали об искусстве.

– Почти четыре часа! – воскликнула Саша.

– Об искусстве можно говорить днями! – топнула ногой Самира.

– Как его зовут? – вклинилась я.

– Антон, но все зовут его Лео – из-за фамилии Леонов, – ответила Самира.

– Смотрите-ка, она уже все про него знает! – обрадовалась Сашка.

– Что?! – возмутилась Самаира.

На этом дискуссия окончилась: прозвенел звонок, и нам пришлось бежать на лекцию. В октябре расписание у всех курсов уже устоялось, преподаватели стали строже, а учебная нагрузка возросла. Поэтому все четыре пары я была так сильно погружена в учебу, что почти не думала о Матвееве. А на последней паре, на которую пришелся японский язык, и вовсе «поплыла» от обилия информации, которую требовалось в короткие сроки усвоить.

Университет я покинула с гудящей головой, успокаивая себя тем, что пара дней – и я адаптируюсь. Я снова была одна: у девчонок немного другое расписание. А потому встретилась с Таней, которая тоже прознала о нашем с Даней расставании.

Сестра ждала меня в небольшой и демократичной, но уютной кофейне неподалеку от университета.

– Ну что, подобрала сопли, утерла слюни? – осведомилась она, когда я села напротив нее за столик. Особой чуткостью Таня никогда не отличалась. Ведьма – что с нее взять?

Я закатила глаза:

– И тебе привет.

– Рассказывай, что да как, – велела сестра. Пришлось рассказывать. И чем дальше я рассказывала, тем чаще она вздыхала.

– Вот змей подколотный, – только и сказала Танька, когда я закончила. – Значит, на другую полянку прилег? Ясно-понятно. Не думала, что он такой. Слушай, а давай скажем Олегу, он Матвеева загнобит. – У Таньки сверкнули глаза. – Он его столько раз на пересдачу вызовет, что эта скотина ошалееет.

– Пусть живет, – устало махнула я рукой.

– Доброта людей не красит, Кудряха, – покачала головой сестра. – Пока будешь добренькой, тебе сто раз под коленки ударят, чтобы упала, а потом еще и в спину харкнут.

– Что за сентенции? – покосилась на нее я.

– Это житейская мудрость. Можно сказать, выстраданная. Мстить этой скотине будем? – деловито осведомилась Танька. Под скотиной она явно имела в виду Матвеева.

– Я же сказала – плевать мне на него, – дернула я плечом. – Не хочу о нем слышать. Не хочу о нем думать.

– Плохо дело, – вздохнула Танька. – Раз мстить не хочешь – значит, действительно тебе фигово. Ладно, сестренка. Не грусти, прорвемся. Кстати, хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю?

– С кем? – ядовито спросила я. – С Кайратом?

Кайрат никак не стирался из моей памяти.

– Кайрат уже женился, – поцокала языком Танька. – Ох, так страдал, бедняга! Так страдал. Все предлагал мне тайно сбежать. Дурачок.

– Seriously? – изумилась я. Представить Кайрата в роли чьего-то мужа было сложно.

– Seriously. Его родители жениться заставили. Он не хотел, бегал от них, скрывался, но потом отец его нашел, напощал ему как следует, и все, пропал Кайратик. Супружеская жизнь поглотила его с головой. Аделинка – жена его – огонь-баба.

– А как отец его нашел? – спросила я. – Или он прятался плохо?

– Хорошо прятался. Я подсказала, где искать, – невозмутимо ответила Танька. – А что? Он достал меня конкретно. Зато теперь меня его родители любят. В гости зовут. Так знакомить тебя с кем-нибудь или нет? – спохватилась сестра.

– Не надо, Тань, – улыбнулась я. – Спасибо, но не надо. Я пока ничего не хочу.

– Ну ладно. Смотри у меня, – погрозила пальцем сестра. – Кандидатов у меня полно. Кстати, а помнишь Гошу? Представляешь, у него в инстаграме почти лям подписчиков! И он теперь – на самых лучших подиумах Европы!

Рассказывая о том, как сложилась жизнь Гоши, который когда-то играл роль моего парня, сестра потащила меня на улицу – прогуляться, пока было тепло и светило солнышко. Болтая, мы незаметно подошли к университету и на его территории встретили Влада, который возвращался с занятий. Он был не один, а в компании Алана и еще двух парней и девушек. Алан громко что-то рассказывал, пытаясь привлечь внимание Влада, но тот на середине его рассказа отделился от компании и подошел к нам.

– И снова привет, – улыбнулся он мне.

– Привет, – отозвалась я.

– Мое предложение все еще в силе, – напомнил Влад. – Довезу до дома.

– Нет, спасибо, поезжай домой, – сказала я. – Я с сестрой гуляю.

– Тогда не буду мешать, девушки.

Влад направился к стоянке, обогнав свою компанию. Алан тотчас поспешил следом за ним – кажется, он снова хотел, чтобы Савицкий пришел на какую-то его вечеринку. Боже, а учатся-то они когда?

– Эт-то еще кто? – нараспев спросила Ведьма, внимательно изучая спину Савицкого.

– Влад.

– Дурацкое имя, – тут же с ходу решила Танька. – Сколько Владов ни знаю – все непробиваемые идиоты. Он тебе нравится?

– Мне? Нет, – честно ответила. – Мы как-то целовались, но меня вообще не впечатлило. Зато я ему нравлюсь. Даже не знаю почему.

– Интересненько, – протянула сестра. – А что он делает в компании Алана и его мразотных дружков?

– Смотрю, ты их любишь, – ухмыльнулась я.

– Родители Алану отгрохали особняк в нашем поселке, – сообщила Танька. – Он там живет один. И такие тусы устраивает – не знаешь, куда бежать и во что орать. Алкоголь, наркота, девочки по вызову – все есть. Потому что бабок немерено. А контроля нет. Там не домик, а клуб мразей и любителей грязи, поверь, Кудряха. Я бы несколько раз подумала, стоит ли связываться с тем, кто общается с Аланом.

– Да Влад вроде нормальный, – растерялась я. – И Алан сам напрашивается. Видела, как заискивает перед ним?

Танька задумалась.

– Надо же. Странно. Может, и правда нормальный? Как его фамилия? Савицкий? Надо о нем разузнать побольше. У меня в Москве знакомая хорошая есть.

С Витой – этой самой хорошей знакомой – у Таньки получилось связаться через пару дней – она оказалась дочкой какого-то богатого папы из столичной мэрии, которая училась в МГИМО, как и Влад раньше. Лично с ним Вита знакома не была, да и училась на другом факультете. Однако много чего про него слышала – по крайней мере по ее словам.

Влад действительно был младшим сыном очень богатого и влиятельного человека. Но его мать была любовницей, а не законной женой Савицкого-старшего, хотя отец в детстве забрал его к себе. Влад славился тем, что мог запросто потратить огромную сумму денег и устраивал пафосные вечеринки в лучших закрытых клубах. Кроме того, он занимался стритрейсингом – и гонки не всегда были легальными, – много путешествовал. Однако пару лет назад Влад влюбился и как-то остепенился. Правда, с девушкой он этим летом расстался – поговаривают, что она его бросила. Влад изменился и пропал с радаров.

На вопрос: «Почему Влад уехал из Москвы?» – Вита ничего внятного ответить не смогла. Сказала лишь, что ходят слухи, будто он поссорился со своим старшим братом, который должен был продолжить бизнес отца. И тот отправил его куда подальше. Вроде как в ссылку.

Закончила свой рассказ Вита вздохами о том, какой Влад Савицкий классный и перспективный. Не парень, а сокровище.

– Бери это сокровище и хорошенько спрячь, – велела мне после разговора с Витой Танька, когда мы с ней встретились у меня дома. И почему-то похлопала по груди, будто предлагала спрятать Савицкого именно там. – Доставай только полюбоваться. Чтобы никто другой не упер нашу драгоценность.

– Да ну тебя, – только и махнула я рукой.

Сестра нахмурилась.

– Говорю тебе – хватит чахнуть над своим несчастьем, как Кощей над золотом. Найди другого парня, Кудряха. Тебе даже искать никого не надо – месье Савицкий готов к употреблению, осталось только разогреть как следует. Царственно махни ему рукой и пусть зайкой скачет вокруг тебя. А ты только морковкой помахивай.

– Какой еще морковкой?! – обалдела я.

– Это образное выражение, – рассмеялась весело Танька. – Завлеки его своими женскими чарами и... Ладно-ладно, молчу, перестань закатывать глаза! Будешь так делать, тебя кто-нибудь напугает, и ты такой навсегда останешься.

В этот момент, словно назло, мне написал Влад и предложил прогуляться.

– Соглашайся, – ткнула мне в бок локтем сестра.

– Поздно, я написала, что занята.

– Знаешь, сестренка, мне сложно переносить чужую тупость и относиться к ней снисходительно. Но ты неплохо тренируешь мою выдержку, – заявила она.

– Потому что я классная? – расхохоталась я.

Танька отрицательно помотала головой, и мне по-сестрински пришлось ее проучить – защекотать. Щекотки она боялась с детства. Разговор о парнях в общем и Владе в частности мы все же закончили и просто болтали о пустяках, а количество испеченного мною печенья в вазочке стремительно уменьшалось: мы обе были сладкоежками.

Глава 9

Открытие новой Вселенной

Ближе к вечеру я пошла провожать сестру на улицу. Однако на лестничной площадке мы неожиданно столкнулись с Каролиной – она вышла из лифта. Красивая. Ухоженная. С идеальными бровями – такими, какие советуют делать бьюти-блогеры. С модными выступающими скулами и безупречным легким макияжем. Светлые волосы нежной волной ложились на одно плечо поверх модного пальто-кейпа изумрудного цвета.

– Здравствуй, – улыбнулась мне Каролина.

– Привет, – хрипло ответила я.

Я знала, что рано или поздно это произойдет. Знала, что они продолжают общаться с Матвеевым, – видела еще одно их совместное фото в инстаграме. Знала, что однажды я увижу их вместе, – неважно, в подъезде или в университете. Знала, снова настраивала себя быть сильной, но не смогла сохранить душевное равновесие. Да и о каком равновесии можно говорить, если лицом к лицу встречаешься с той, которую выбрал твой любимый человек? Выбрал вместо тебя.

Едва я увидела Серебрякову, меня окутал вихрь ревности – жгучий, болезненный, скользящий по венам обжигающим огнем. Этот огонь опалил мое и без того ноющее сердце и взметнулся вверх, заставляя пылать мои мысли. Мы смотрели друг на друга без особой симпатии.

– Я и забыла, что ты здесь живешь.

– Снова хочешь забежать в гости?

– Увы, меня ждет Дан, – отозвалась Каролина.

В это же время дверь квартиры Матвеевых широко распахнулась. На пороге стоял Клоун в домашних джинсах и простой футболке. Волосы у него были растрепаны – кажется, он спал.

– Привет, – улыбнулась ему Серебрякова. И ревность тотчас ударила мне в виски тяжелым огненным набатом.

– Откуда запахло навозом? – громко спросила Танька, театрально схватила двумя пальцами за нос и стала махать ладонью в воздухе, словно пытаясь отогнать от себя неприятный запах.

Клоун нахмурился, услышав ее голос. Но сделал вид, что ему все равно.

– Заходи, – велел Каролине Даня и, кинув на меня тяжелый взгляд, захлопнул дверь. А я затащила Таньку в лифт.

– Что за пародия на человека? – сердито спросила она. – Неужели нельзя встречаться с других местах? Эй, Кудряха, с тобой все в порядке? А то у тебя лицо позеленело.

– Это от злости, – выдавила я и вдруг достала телефон.

«Если ты еще хочешь, давай погуляем», – написала я Владу. Зачем? Наверное, назло Матвееву, к которому притащилась Каролина. Его родителей нет дома – чем же эти двое будут заниматься? Сухари сушить? Пить чай с сушками? Или отправятся на пати в «Линейке»? Черт, как же они меня раздражают!

– Это ты правильно, – сразу разгадала мой замысел Танька. – Пообщайся с Владом. Не чихни, а то усохнешь.

«Я свободен. Могу заехать за тобой через полчаса», – быстро ответил Влад. Я согласилась. Нет уж, мои милые Каролина и Клоун, вы не растопчете меня своим счастьем. Я буду счастливее вас. И ни за что не упаду духом.

Танька уехала, наказав мне держать хвост пистолетом, а нос в тепле. А я сбегала домой, переделалась в новые джинсы и симпатичную водолазку и накинула новенькое кофейного цвета пальто в стиле оверсайз. Оно было легким, тонким – почти невесомым и очень стильным, хотя совершенно не грело. Но, надо сказать, на дворе стояла сухая и теплая погода.

Духи с яблочно-мятным шлейфом, стильные ботильоны на квадратном каблуке, подаренное родителями колечко на пальце – мне нравилось свое отражение в зеркале. И в кои-то веки нравились рассыпавшиеся по плечам кудряшки.

– Ты не будешь страдать из-за него, ясно? Откроешь новую Вселенную, – сказала я самой себе и наконец покинула квартиру.

Влада я ждала около подъезда, глядя в голубое небо, чуть подернутое мерцающей дымкой на юге и мутно алеющее на западе. Перед глазами стояло осунувшееся лицо Матвеева. И выгнать его образ из своих мыслей я не могла.

Влад приехал через двадцать восемь минут. И, словно по заказу, за пять минут до его приезда из подъезда вышли Каролина и Даня, который держал руку на ее плече. Они прошли мимо меня, сели в его машину и уехали, оставив меня пылать от злости и ревности.

– Куда поедем? – донесся до меня голос Серебряковой.

– А куда ты хочешь? – спросил Даня.

– Я хочу суши. Поехали в суши-бар? – предложила она.

– Ок, – ответил он. Я фыркнула, зная, что суши Матвеев не любит. На какие гастрономические жертвы он идет ради своей феи! Кто бы мог подумать.

Эй, Клоун, надеюсь, ты ими не подавишься. И не захлебнешься слюной, глядя на стройные ножки Каролины. Сама мысль о том, что Даня может касаться ее ног, может целовать ее, может знакомым мне жестом убирать локоны с ее лица, ужасно, до умопомрачения бесила.

Когда приехал Влад, я так распалила саму себя, что он даже уточнил, всё ли со мной в порядке.

– Всё, – решительно сообщила я. – Спасибо, что приехал.

– Как ты хочешь провести время, Дарья? – спросил он.

– Хочу суши, – выдала я.

– Почему бы и нет? У тебя есть какое-то любимое место? – поинтересовался Влад.

Я покачала головой.

– Хорошо, тогда я отвезу тебя туда, где нравится мне.

Место, которое нравилось Владу, называлось «Океан-бар» и считалось довольно неплохим заведением, которое специализировалось на японской кухне, – они даже шеф-повара выписали из Японии. Правда, и цены там были довольно высокие, однако Влад не был бы самим собой, если бы выбрал обычный ресторан.

Нас встретила приветливая хостес со смутно знакомым лицом, которое я никак не могла вспомнить. Она проводила нас к одному из свободных столиков и пожелала отличного вечера. Почти тут же к нам подскочил улыбчивый официант и положил перед нами меню, пообещав вскоре вернуться.

– Что ты будешь? – спросил меня Влад.

Я еще не открыла меню, но уже знала, что сейчас произойдет. Я начну изучать не блюда, а цены, которые выше цен в обычных суши-барах в несколько раз, потому что не захочу, чтобы Влад платил за меня, – это раздражает. Потом закажу себе «Калифорнию» – это мои любимые роллы – и мысленно скажу пару нехороших слов, когда принесут счет.

– Пока не знаю... А ты? – спросила я.

– Сашими. Это единственное место в вашем городе, где делают нормальный сашими, – отозвался Влад. – Предлагаю взять ассорти – здесь действительно неплохая кухня, и ты сможешь попробовать все. И да, Дарья. Зная твою любовь отстаивать свое право платить за себя, заранее предупреждаю – нет. Ты со мной, и плачу я.

Я было открыла рот, чтобы возмутиться, но он поднес к моим губам указательный палец и, не касаясь их, покачал головой:

– Не спорь.

Я возмущенно сощурилась. Но Влад опередил меня:

– Не ставь меня в неловкое положение.

Пришлось соглашаться на его условия. К нам снова подошел официант, Влад сделал заказ, и наш разговор перетек на обсуждение Японии, которую Савицкий пару раз посещал.

Во время нашего разговора я расслабилась и с интересом стала разглядывать ресторан. Дизайн «Океан-бара» казался аутентичным: светлое дерево, легкие конструкции из бамбука, ширмы, панели, простая мебель, традиционная японская каллиграфия на стенах. Этакое сочетание минимализма, лаконичности и естественных красок природы. Льющаяся сверху традиционная инструментальная музыка, исполняемая на кото, придавала атмосферности. Если добавить немного воображения, можно подумать, что мы сидим в каком-нибудь местечке в сердце Киото, а не в родном городе.

Людей здесь было довольно много, однако ощущение пустоты неведомым образом сохранялось благодаря интерьеру. Но стоило оглядеться, как пустота возникла и у меня внутри. В другом конце зала я увидела Каролину и Даню. Они сидели за точно таким же столиком на диванчике прямо напротив нас. Сначала я не замечала их из-за большой компании, которая закрывала обзор, однако компания ушла, а Матвеев и его фея остались. Точно, они же тоже поехали есть суши.

Черт, неужели это действительно единственный приличный японский ресторан на весь наш город? Почему я опять их встретила? От злости я сжала на коленях пальцы в кулаки.

– Что с тобой? – спросил Влад. – Ты в лице изменилась.

Он проследил за моим взглядом и увидел Даню с новой подружкой.

– А, понял. Уйдем отсюда?

– Нет, – сквозь зубы сказала я. – Пусть он проваливается. А мы никуда не уйдем.

Много чести. Пусть сам уходит. Матвеев тоже нас видел. И даже в знак приветствия поднял свой бокал. Мое ответное приветствие в виде среднего пальца, которым я поправила невидимые очки на своем носу, ему явно не понравилось, и он нехорошо усмехнулся. Каролина что-то сказала ему, и он повернулся к ней.

– Все еще больно? – спросил Влад.

– Нет, – солгала я. – Пошел он к черту.

– Больно, – вдруг сделал свой вывод Савицкий. – Потерпи, Дарья. Все пройдет. Время лечит.

– Жаль, что время не мстит, – вырвалось у меня.

– Мстить могут люди, – вдруг улыбнулся он.

И я мысленно согласилась с ним, решив, что не буду показывать предателю Матвееву свои боль и грусть. Пусть он видит меня счастливой. Это лучшая месть.

Нам принесли заказ. Честно говоря, ассорти включало в себя столько всего, что глаза разбегались, – просто какой-то японский пир.

– Давай я тебя покормлю, – проворковала я, взяла в руки палочки, подцепила идеальный ломтик сашими, обмакнула его в соевый соус и поднесла к губам Влада. – Ну же, открывай рот, – улыбнулась я ему, зная, что Матвеев прекрасно все это видит.

Савицкий коротко рассмеялся, однако согласился на то, чтобы я покормила его с рук. Он подхватил мою игру и тоже поднес к моим губам суши.

– Твоя очередь, Дарья. Как тебе?

– Вкусно, – прожевав, сообщила я.

Некоторое время мы забавлялись игрой «Накорми друг друга», и, думаю, со стороны это смотрелось романтично. Однако я делала все это только в качестве мести. Ради того, чтобы показать Матвееву, что мне хорошо с Владом.

Я постоянно чувствовала на себе взгляд Клоуна. Это меня веселило и раздражало одновременно. Эй, придурок, что ты пялишься на меня? У тебя же есть твоя бескрылая фея. Удели внимание ей! «Запихни ей в глотку всю ее порцию креветок», – добавил внутренний голос.

– Нравится кухня? – спросил Влад.

– Отличная!

– По тебе не скажешь, – задумчиво произнес он. – Ты ведешь себя неестественно.

– Прости, – вздохнула я, цепляя палочками ролл с угрем и сыром. – Я не думала, что они окажутся здесь.

Ты был прав – мне действительно еще больно. Но от этой боли я избавлюсь, – вдруг зло пообещала я и глянула на Матвеева, который внимательно слушал Каролину.

Все-таки она и правда красивая. И красота ее не вульгарная и дорогая, а утонченная и естественная. Воздушная.

– Это его новая девушка? – спросил Влад тихо.

– Да. Он изменил мне с ней, и теперь, кажется, они встречаются. Если честно, они знакомы очень давно, класса с восьмого, – неожиданно призналась я, чувствуя на душе горечь. – Каролина перевелась к нам и сразу же положила на Матвеева глаз. Искала общения с ним, дарила подарки. Даже встречаться предлагала...

Я рассказала Владу обо всем, что связывало Серебрякову и Матвеева. Не стоило этого делать, но я не могла остановиться. Как будто это что-то меняло. Влад слушал меня внимательно, задумчиво потирая подбородок. И чем больше я говорила о Каролине, тем страннее он становился: спокойствие исчезло из его глаз, и в какой-то момент я увидела в них отблеск холодной ярости.

– Что с тобой? – удивилась я.

Его плечи напряглись.

– Как он посмел так с тобой поступить, – сказал вдруг Влад, глядя на Матвеева и Серебрякову немигающим взглядом. – Он давно играл с тобой, Дарья. И она тоже играла.

– Она? Каролина? С Даней? – спросила я удивленно. – Не думаю.

– С тем, с кем встречалась. Или она всегда была одна? – спросил Влад.

– Матвеев говорил, что у нее был какой-то парень, – ответила я. – Честно говоря, я не в курсе ее личной жизни. И я не совсем тебя понимаю.

– Если они небезразличны друг другу так много лет, значит, все их отношения с другими были ложью. – В голосе Влада появилась нехорошая усмешка. Но, глянув в мое изумленное лицо, он пояснил: – Тебя удивляет моя реакция, верно? Просто я был на твоём месте, Дарья. И знаю, каково это.

Я нахмурилась:

– Прости, не совсем тебя поняла.

– Помнишь, я говорил, что у меня была девушка, которую я любил?

– Помню, – кивнула я и вспомнила рассказ Танькиной московской знакомой.

– Я безумно ее любил, правда. Все делал для нее – веришь, нет? Она меня изменила, хотя в таких вещах признаваться глупо. – Он улыбнулся, глядя на наручные часы, которые никогда не снимал, и я вдруг подумала, что это – ее подарок. – Но она всегда любила человека из прошлого. Думала только о нем – еще со школы. И вместо того, чтобы приехать ко мне на день рождения, провела время с ним.

– Она тебе изменила? – От его голоса, в котором таились и боль, и злость, по рукам побежали мурашки.

– Лучше бы изменила, – отозвался Влад. – Я бы понял это. Но между ними ничего не было, потому что он не видел в ней девушку – просто друга. И знаешь, это еще больнее. Ты предлагаешь всего себя. А она выбирает того, кто даже не хочет с ней спать. Иронично, да? Ломаешь себя ради нее, а она ломает себя ради другого. Перед тем, кого всегда ставит в пример. Он лучше, умнее, ярче, сильнее. – Влад провел ладонью по коротким темным волосам. – Это был мой личный ад. Но я рад, что встретил тебя.

– Думаешь, я смогу вытащить тебя из этого ада? – тихо спросила я. Влада было ужасно жаль.

– Мы можем помочь друг другу, – сказал Савицкий и словно опомнился. – Прости. Я слишком много говорю.

– Все в порядке, – коснулась я его ладони, лежащей на столе. – Все будет хорошо, Влад. Правда. И у тебя, и у меня. К черту их всех.

Я, поддавшись порыву, обняла его – по-дружески, чтобы поддержать. И тотчас почувствовала на себе злой взгляд. Матвеев не сводил с меня глаз. Я не понимала, что ему нужно. Но меня охватила злая радость – если Клоуна беспокоит присутствие рядом со мной Влада, значит, я добилась поставленной цели.

– Спасибо за поддержку, Дарья.

– Мы просто обязаны быть счастливыми, – задорно сказала я. – Мы должны позволить себе быть счастливыми.

Савицкий ничего не ответил и, нажав на специальный звонок, подозвал официанта. А вместо него пришел Матвеев, и лицо его было мрачным. Это было так неожиданно, что я подавилась роллом.

– Забирай, – злым голосом сказал Даня.

Он с трудом сдерживался – я прекрасно понимала это. Но не понимала, что случилось.

– Что забирать? – широко улыбнулся ему Влад.

– То, что ты прислал за наш стол.

В стальных глазах Матвеева пылал огонь ярости. Я удивленно глянула на Савицкого – что происходит?

– А, ты о моем подарке. Приятного аппетита. – Лицо Влада просто светилось улыбкой. – Надеюсь, тебе и твоей девушке понравится.

– Есть проблема, – глядя на него, произнес Даня. – Мне не нравишься ты.

– Я просто подумал – вдруг у тебя не хватает денег, чтобы заказать то, что едим мы? Ты так жадно следишь за нашей трапезой, – не унимался Влад. – Все нормально, приятель. Я заказал для вас то же самое, что и для нас с Дарьей. Наслаждайтесь.

Я удивленно переводила взгляд с одного парня на другого. Влад откровенно издевался. Даня с трудом сдерживался – он сжал пальцы так, что побелели костяшки – теперь уже зажившие. Он всегда был огнем. Умел согреть. Освещал собою других. Но легко вспыхивал и сгорал от собственных чувств и эмоций. А Влад же казался водой – соленой морской водой, которая гасила этот огонь.

Даня склонился, упершись руками в стол. Его взгляд исподлобья пугал. Но еще больше меня пугали собственные чувства – Матвеев был так близко, что у меня от этой близости дух захватывало.

– Не играй со мной, – тихо, но зло предупредил Даня то ли Влада, то ли меня.

– Я и не играю, – легкомысленно ответил Влад. – Это просто подарок. Мне нравится дарить людям радость. Глубоко в душе я как Дед Мороз.

Даня на мгновение прикрыл глаза – кажется, он был в ярости и с трудом сдерживал ее. Но широко улыбнулся. В этой улыбке не было веселья. В ней читалась явственная угроза.

– Я понимаю, приятель, что у тебя много комплексов. И тебе хочется показать всем, какой ты крутой, – сказал Даня. – Мы все уже поняли, что ты богатый парень, успокойся. Закажи себе лучше выпить.

Влад коротко рассмеялся:

– Могу заказать тебе. Девушка с тобой рядом явно привыкла к соответствующему сервису. Могу заказать вам отличное вино – ее уровня, разумеется. Мужская солидарность, все дела.

– Я сказал – не играй со мной, – сквозь зубы произнес Даня. – Иначе пожалеешь.

И посмотрел прямо в невозмутимое лицо Савицкого.

– Серьезно? Тогда, может быть, прямо сейчас мы и...

Договорить он не успел. Матвеев схватил его за ворот стильной черной рубашки и поднял на ноги.

– Заткнись. И слушай меня, – прошипел он.

Что Матвеев хотел сказать Владу, я понятия не имела. Сгорая от внезапно нахлынувших ярости и ревности, я вскочила на ноги и положила ладонь на его плечо.

– Убери от него руки, – отчеканила я, с ненавистью глядя на Матвеева. – Ты меня слышал? Убери руки от Влада, придурок.

– Даша, – только и вымолвил он, а потом вдруг отпустил Савицкого. А я – его.

– Пошел вон, – велела я дрожащим от злости голосом. – Не смей нам мешать. Иди к Серебряковой и забавляйся с ней, а не с нами.

– Даша, – устало повторил он. Пустота в его глазах пугала меня, но гнев оказался сильнее.

– Проваливай. Иначе я вызову полицию.

И он ушел, опустив плечи. А у меня на глазах появились слезы. Опять все испортил, ублюдок.

– Всё в порядке? – спросил меня Влад.

– Да, – ответила я тихо.

– Давай уйдем, – предложил он.

– Не уйдем. Пусть они уходят.

Мы остались, но вечер был безнадежно испорчен.

Я то и дело чувствовала на себе взгляд Матвеева, но сама больше ни разу не посмотрела в его сторону, стараясь как можно шире улыбаться Владу и как можно веселее смеяться. Только вот в душе затаились обида и боль.

В какой-то момент Влад, извинившись, оставил меня и ушел в туалет. И когда я посмотрела все-таки в сторону столика, где сидели эти двое, то не увидела Даню. Зато встретила взглядом с Каролиной. А она вдруг встала и направилась ко мне.

Глава 10

Секрет

Влад неспешно зашел в мужской туалет, прекрасно зная, что его ждут. И он не ошибся – Даниил стоял у стены, засунув руки в карманы джинсов. Вид у него был не самый приветливый. Взгляд исподлобья – тяжелый. Зато широкие плечи расправлены и напряжены. Влад стал напротив, скрестив на груди руки.

– Какой несдержанный, – иронично заметил он.

– Иди к черту, – отрывисто произнес Даня.

– Нет, серьезно, попробуй помедитировать. Это снижает агрессию. А еще ее снижает качественный секс, – криво улыбнулся Влад.

– Предлагаешь заняться им? – усмехнулся Даня. – Прости, я пас, приятель. Мне нравятся девочки.

Влад тихо рассмеялся.

– Я еще никогда ни с кем не встречался в туалете, – заметил он.

– Рад быть твоим первым, малышка, – отозвался Даня.

– Смотрю, ты уже успокоился? Я ведь просто хотел сделать вам приятное, – насмешливо глянул на него Влад.

– Твои комплексы тебя погубят.

– А тебя твои страхи. Впрочем, страхи обоснованные, признаю. Но не бойся, – положил Дане руку на плечо Влад. – Я обещал помочь и держу свое слово. А вот ты свое – нет.

– Нет? – стряхнул со своего плеча его руку Матвеев. – Ты что, серьезно?

– Абсолютно, – подтвердил Влад. – Ты недостаточно стараешься.

– В смысле?

– В прямом.

– Ты слишком тупо рофлишь.

– Я серьезен. Шоу должно быть ярче. Кстати, Дарья потрясающе целуется. – Влад провел кончиками длинных пальцев по губам. – Она заводит одним лишь поцелуем. Очень горячая. У вас с ней что-то было? – с любопытством спросил он. – Хотя, мне кажется, она еще девочка.

– Ты же специально провоцируешь меня. – На лице у Дани появилась знакомая усмешка. – Надеешься, что я не смогу сдержаться и разобью тебе морду в кровь. Не боишься, что, если я разозлюсь, ты меня не остановишь?

– Нет, я ведь знаю, что ты этого не сделаешь, – улыбнулся Влад. – Я твой щит. Звучит поэтично, да?

– Очень. Кажется, после твоих слов я начинаю испытывать катарсис, – хмыкнул Даня.

– Слушай, ты знаешь, что такое катарсис, – протянул Влад. – А ведь поначалу кажется, что ты просто тупой красавчик с рельефом. Ладно, мне пора возвращаться к Дарье. А ты работай лучше – я жду. И не веди себя больше так. Раздражает.

– Я же сказал – не провоцируй меня.

– У нас договор. Но если будешь меня раздражать – я его разорву.

Влад направился к двери. Дойдя до порога, он остановился и бросил через плечо:

– И да, она начинает мне нравиться. Хорошая девочка. Такая ламповая.

Он ушел, оставив Даню одного.

– Сука, – тихо прорычал тот и в сердцах врезал кулаком по кабинке.

* * *

Мы смотрели друг на друга – ян Каролина, девушка, которая увела моего парня. Она даже улыбалась – вроде бы приветливо, но натянуто. И в ее голубых глазах пряталась настороженность. А я молча разглядывала ее. Сердце заливала холодная ярость, которую я, впрочем, отлично контролировала.

– Привет, – сказала мне Каролина и откинула за спину светлые длинные волосы, как и всегда красиво уложенные.

– Здравствуй, – ответила я. – Что ты хотела?

– Поздороваться, – отозвалась Серебрякова.

Поздоровалась? Ну и проваливай. Однако я промолчала.

– Кажется, у вас с Даном натянутые отношения? – спросила она – без ехидства или желания уколоть.

– Думала, после того, как он меня бросил, наши отношения будут дружескими? – иронично изогнув бровь, спросила я. – Я должна поздравлять его с праздниками, а он начнет жаловаться мне на несправедливость этого мира?

И я рассмеялась – не потому, что было весело. А потому, что хотела скрыть горечь в своих словах.

– Да, понимаю, – кивнула Каролина.

– Понимаешь? Странно слышать это от тебя. Ты ведь нынешняя девушка Клоу... Дана, – не без труда выговорила я его имя.

– Не злись, пожалуйста. У меня тоже были расставания, – отозвалась Серебрякова. – Да и у тебя уже появился парень.

Наверное, она имела в виду Влада. Рушить ее иллюзии я не стала и просто промолчала. Пусть считает, что мы – пара. И что мне не больно от того, что она все-таки одержала победу – не надо мной, а над Матвеевым, которого столько лет пыталась завоевать.

– Мы знакомы с Владом, – вдруг сказала Каролина.

Надо же, интересный поворот.

– И что из этого?

– Я хочу тебе сказать... – Серебрякова повернулась в сторону, словно проверяя, не идет ли Дания. Или Влад. Кто ее знает? И сказала странную фразу: – Извини, что влезаю. Но Влад Савицкий – не тот человек, который тебе подходит.

А вот это уже ни в какие ворота не лезет!

– Правда? – широко улыбнулась я. – Спасибо за совет, Каролина. Но пожалуй, я обойдусь без него.

– Не обижайся, – попросила она и снова оглянулась.

– И не думаю.

– Просто спроси его, почему он здесь, а не в Москве, – сказала Каролина.

– А ты почему здесь? – поинтересовалась я, чувствуя, как ярость холодными змеями ползет по рукам – прямо к горлу.

– Ты прекрасно знаешь, – отозвалась Серебрякова. Она тоже почему-то стала злиться. – И вообще. Я просто хотела помочь.

– Ты уже помогла, – хмыкнула я. – Спасибо. Надеюсь, ты будешь с ним счастлива. Хорошего вечера.

И я откинулась на спинку кресла, давая понять, что разговор окончен. Каролина как-то странно посмотрела на меня и ушла за свой столик. Спустя полминуты вернулся Савицкий. А еще через минуту – Матвеев.

– Мы можем уйти? – спросила я Влада. Хотелось немного покоя. Да и душно вдруг стало.

– Да, конечно. Сейчас попрошу счет.

Он нажал на звонок, и почти тут же к нам подошел официант. Однако то ли Даня, то ли Каролина мыслили точно так же, как и я: к ним тоже подошел официант, чтобы их рассчитать. Я хотела как лучше, однако вышло хуже некуда – мы почти одновременно покинули суши-бар. Разве что мы с Владом совсем чуть-чуть задержались. Мы уже были в холле, у стойки, за которой стояла хостес, когда Владу кто-то позвонил, и он, извинившись, отошел – видимо, звонок был важным. А я осталась на месте, жалея, что не могу увидеть из окон Матвеева и Серебрякову, и сжимая в руках сумочку.

– Дарья? – вдруг подошла ко мне хостес. – Вы помните меня?

– Мы знакомы? – спросила я, удивленно посмотрев на нее. Хотя ее лицо еще при входе показалось мне смутно знакомым.

– Меня зовут Маргарита. Мы вместе учились в школе, – с некоторой запинкой ответила она.

Я изумленно захлопала ресницами. Шляпа. Боже. Это же Шляпа – та самая первая любовь Матвеева, которая его кинула! Маргарита Шляпина. Она очень изменилась: некогда рыжие волосы стали темно-ореховыми, лицо повзрослело, носик стал чуть аккуратнее, а скулы – четче. Только вот глаза оставались все такими же ярко-зелеными. Я уже давным-давно забыла Шляпу. А теперь жизнь столкнула нас вновь. Чудеса.

– Да, я помню... вас, – ответила я удивленно.

Как же все-таки мы повзрослели. Теперь обращаемся друг к другу на «вы».

– Я вас сразу узнала. И Даниила тоже, – улыбнулась Маргарита. – Мы с ним, конечно, расстались не самым лучшим образом, но я часто его вспоминала. Вы до сих пор общаетесь? – спросила она.

– Нет, – ответила я, не дрогнув лицом.

– Просто так странно, что вы одновременно пришли в наше заведение, – сказала Маргарита. – Да и от общих знакомых я слышала, что вы встречаетесь.

Мое удивление стало еще больше. Откуда ей все известно? Шляпина что, следит за личной жизнью Матвеева? Все никак не может его забыть? Сомневаюсь.

– Это всего лишь совпадение. Мы не встречаемся, – вернула я улыбку Маргарите. Кому-кому, а уж ей рассказывать о личной драме не хотелось.

– Да, наверное, кто-то что-то перепутал, – вздохнула она. – Прошу извинить. И не подумай, – вдруг перешла она на ты, – что я лезу в твою жизнь. Просто... Просто я подумала – если вы с ним встречаетесь, нужно сказать тебе, что с этой девушкой Даниил часто к нам заходит. И они не просто друзья. – Маргарита вздохнула. – Если ты понимаешь, о чем я... Но раз вы не пара, то все в порядке.

– Ты стала более щепетильно относиться к вопросам верности, – покачала головой я.

Шляпа вдруг на мгновение сжала зубы. И что-то вспыхнуло в ее глазах. Но она тут же снова надела маску дружелюбия.

– Жизнь заставила.

Я не знала, что на это ответить.

– Даниил всегда относился к тебе как к сестренке, – вдруг сказала Маргарита. – Очень тепло и нежно – я даже ревновала. Все его подружки к тебе ужасно ревновали. И были уверены, что рано или поздно вы начнете встречаться.

– Не начали, – отозвалась я равнодушно.

– Наверное, он выбрал ее, потому что она не просто красивая, но и богатая, – вдруг вырвалось у Шляпы. – Стелется перед ней. Смотреть противно.

В это время в холле появился Влад, и Маргарита снова стала заученно улыбаться.

– Всего доброго! – произнесла она официальным тоном, будто и не было между нами этого странного разговора.

– До свидания, – точно так же ответила я.

– Поехали, Дарья, – даже и не глянул в ее сторону Влад. – Хочу погулять с тобой.

Мы вышли из суши-бара и первым делом увидели, как Серебрякова и Матвеев целуются. Знаю, что это глупо – ревновать того, кто тебя оставил. И глупо на него обижаться. Но я ничего не могла с собой поделать – ревность и обида захлестнули меня с головой. И стало так больно, будто из моей Вселенной пропали разом все звезды.

Стало пусто. И до безумия одиноко. Даня стоял рядом с лестницей, спиной ко мне, обнимая Серебрякову за талию, а ее руки покоились на его плечах. Я не видела, как его губы касаются ее губ, не видела, как дрожат ее ресницы, не видела, что написано на их лицах: удовольствие, тепло, страсть – я могла лишь предполагать. Но я понимала, что сейчас Даня целует другую девушку, забыв обо мне. Будто меня и не существовало в его жизни.

Они отстранились друг от друга, и Каролина коснулась ладонью Даниной щеки. В ее глазах было столько пьяной нежности, что стало окончательно понятно – Серебрякова от него без ума. И я даже не могла осуждать ее за это. Любовь не выбирают. Это она выбирает нас.

– Идем, – тихо сказал Влад. – Не смотри.

Однако уйти мы не успели – Каролина увидела меня и, чуть закусив губу, опустила взгляд. Даня, поняв, что за спиной кто-то стоит, обернулся. Это был всего лишь короткий взгляд, но в нем я видела такое странное отчаяние, что мне стало совсем не по себе. В глазах Дани и Каролины были совершенно противоположные чувства. А может, мне просто хотелось, чтобы так было.

– Идем, Дарья, – повторил Влад и, взяв меня за запястье, потянул к своему автомобилю и открыл передо мной дверь.

Я чувствовала, как Матвеев смотрел на меня до тех пор, пока я не спряталась в салоне машины. Влад завел ее, и мы быстро выехали со стоянки.

– Погуляем по набережной? – предложил Савицкий. Я согласилась.

И уже когда мы неспешно шли по ярко освещенной дороге вдоль спящей реки, тоскливо спросила:

– Почему мы приехали именно в это заведение?

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Влад.

– Это судьба, да? – Я плотнее закуталась в пальто – от реки веяло прохладой. – Я никогда в нее не верила. Но столько совпадений... Не знаю, что и думать.

– А я верю, – отрывисто сказал Влад. – Хочешь, расскажу тебе о четвертом июня и совпадениях в моей жизни?

– Расскажи.

Мы шли, засунув руки в карманы, и он говорил – неспешно, тихо, делая большие паузы. Говорил о том, как проходили его дни рождения: как его забрал отец, как не стало мамы, как его отправили в другую страну, как бросила девушка. Даже странно, что в этот день из года в год с Владом что-то случалось. Как будто все проблемы и беды специально ждали именно его дня рождения.

– Нужно ли называть это судьбой? – спросил меня Влад, когда мы повернули назад.

– Я думаю, это совпадения. Вот и все, – ответила я. Его было по-дружески жаль.

– С суши-баром точно так же, Дарья. Эти глупые совпадения преследуют меня, – ответил он. – А Матвеев... просто забудь его. Вычеркни из своей жизни. Первый раз это сделать сложно. Но потом становится всё проще.

– Постараюсь, – улыбнулась я. И вдруг поделилась, поддавшись порыву: – Хостес сказала, что Даня и эта девушка часто туда приходят. И ведут себя как пара.

– Он забавный тип. Наверное, просто играл с тобой. Забудь. Просто забудь.

Я в ответ только вздохнула. В тот вечер мы еще долго гуляли, и, когда я приехала домой, было уже совсем поздно. Спать сразу я не легла – сначала села делать задания по японскому

языку, затем приводила себя в порядок. И все это время в мысли лез Матвеев. Во сколько он вернулся, я не знала. Зато знала, что хочу быть счастливой. Хочу жить без оглядки на прошлое. И хочу открыть вторую Вселенную.

Наше общение с Владом продолжилось. Мы часто общались по телефону, иногда куда-нибудь вместе ходили, гуляли, пили коротадо, флэт уайт или необычные рафы. И если сначала я делала это больше назло Матвееву и Серебряковой (пытаясь доказать то ли им, то ли самой себе, что я в полном порядке), то потом стала постепенно привыкать к Савицкому. К тому же Таня, Самира и Полина уверяли меня, что это отличный вариант. Только одна Сашка нехорошо морщилась, когда речь заходила о Владе.

«Почему ты общаешься со мной?» – как-то спросила я его в переписке. «Потому что ты мне нравишься. Разве непонятно?» – ответил он. «Но ведь ты понимаешь, что я пока не готова к отношениям?» – Мне хотелось быть искренней. «Понимаю. Я подожду», – пообещал он. Да, Влад не спешил – понимал, что мне нужно время. И я за это была ему невероятно благодарна. Он прекрасно знал, что мне нелегко и что я не могу сразу броситься в омут новых отношений. И делал так, чтобы я постепенно привыкала к нему.

Открыть вторую Вселенную безумно хотелось – я все еще помнила те яркие чувства, которые испытывала рядом с Даней. Однако пока что это получалось плохо, хотя я решила про себя, что буду стараться. Возможно, любовь – это просто дело привычки?.. Но почему тогда время идет, а я не могу избавиться от привычки думать о Матвееве и приобрести привычку думать о Владе?

Как-то я захотела пойти на новый фильм по вселенной «Марвел», и Влад, словно почувствовав это, пригласил меня на вечерний сеанс в пятницу после учебы. Естественно, это был ВИП-зал, с удобными креслами, которые можно было откинуть, столиками и официантом. Вроде бы отличный киносеанс и кино отличное! Только вот все полтора часа мне то и дело вспоминалось, как мы с Матвеевым были на какой-то комедии, сидели где-то почти на последнем ряду и целовались всё то время, пока шло кино, не замечая ничего вокруг. Зато рядом с Владом я смогла нормально посмотреть фильм. Правда, в какой-то момент, когда я потянулась за попкорном, наши пальцы соприкоснулись и Влад взял меня за руку. Вырывать ладонь из его прохладных пальцев было как-то неудобно, и я несколько минут просидела в напряжении, не зная, как поступить. А потом извинилась, сказала, что мне нужно в туалет, и вышла, но чувствовала себя неловко.

Глава 11

Клуб

В субботу Влад позвал меня на чей-то день рождения, который праздновался в «Крыльях» – одном из самых пафосных клубов нашего города. Сказал, что ему одному идти скучно, и попросил составить компанию – на пару часов. Помня, что он не слишком ценит подобные мероприятия, я согласилась.

Влад заехал за мной около десяти и увез в клуб, который занимал целое крыло в здании модного торгового центра, негласно считавшегося местом сбора продвинутой молодежи. В «Крыльях» постоянно выстраивалась большая очередь желающих попасть внутрь, но фейсконтроль был довольно строгим, поэтому многих отправляли обратно. Однако с Владом не возникло никаких проблем – стоило охране услышать его имя, как нас тотчас пропустили, а затем и вовсе проводили из шикарного холла в один из залов, в котором гремела заводная музыка и всюду отрывался народ.

Два больших танцпола, окруженные двумя ярусами лож, неоновая подсветка, превращающая «Крылья» в сказочный замок, огромная барная стойка в виде светящегося круга – все здесь казалось стильным, ярким и дорогим, однако мне было не по себе.

К тому же именинником, снявшим клуб для празднования своего дня рождения, оказался Алан. Мы с Владом подошли к нему, чтобы поздравить, и тот сразу же стал широко улыбаться – явно был рад видеть Савицкого. Мне он тоже улыбнулся, правда, как-то кисло. А может, мне показалось. Но что мне точно не показалось – так это Сергей, сидевший за столиком неподалеку. Он тоже меня узнал.

– Рад видеть, рад видеть! – прокричал Алан громко. – Чувак, она красotka!

– Моя красotka, – отозвался Влад и положил руку мне на плечо.

Распинаться с поздравлениями он особенно не стал. Небрежно положил на столик элегантную коробку с подарком, сказал: «С днем рождения», – и повел меня к барной стойке. Зажигательная музыка просто звала на танцпол, и я поймала себя на том, что неосознанно двигаю плечами. Однако Влад, кажется, танцевать не хотел.

– Вы друзья? – спросила я громко, когда бармен поставил перед нами два безалкогольных коктейля. У меня был «Мохито» в высоком стакане с лаймом, мятой и дробленым льдом. У него – «Лонг Айленд» с лимонными дольками и кубиками льда.

– Нет, – отмахнулся Влад.

– Тогда зачем ты пришел сюда? – удивилась я.

– Чтобы показаться, – странно отозвался он. – Честно говоря, я не хочу тусоваться с Аланом и его компанией. Посидим немного и уедем. Если хочешь, можешь потанцевать, Дарья.

Я хотела. Очень хотела.

– А ты?

– А я буду наблюдать, – усмехнулся он, и я, пожав плечами, направилась к танцполу.

Несколько лет занятий вогом избавили меня от стеснительности и зажатости, и я почти сразу влилась в танцующую толпу. Музыка проникала сквозь кожу прямо в кровь и разливалась по телу, заставляя плавно двигаться ей в такт. Преподаватель всегда учила меня «ловить» музыку и ее ритм сердцем, отключив голову, – только тогда тело сможет сполна почувствовать ее и выразить твои эмоции через движения, пластику, эмоции и пространство. В этот раз я тоже отключила голову – просто наслаждалась звуками и двигалась. И мне казалось, будто все движется вместе со мной: веселящиеся люди вокруг, отблески софитов, ярусы лож...

Я танцевала, полностью отдавшись музыке, подчиняясь заданному ритму, не стараясь быть грациозной или пластичной, а просто отдавая все свои эмоции. Однако в какой-то момент

я стала ловить чужие взгляды – в большинстве своем одобрительные и веселые. Несколько раз со мной пытались танцевать парни, но я предпочитала танцевать в одиночку.

Треки сменяли друг друга – и я потеряла им счет. Танцевала, и танцевала, и танцевала... И так продолжалось до тех пор, пока рядом не появился Алан, отчего мой пыл несколько угас. И трек, как назло, включили скучный.

– Неплохо зажигаешь, крошка! – громко, чтобы я слышала, заявил Алан и развязно подмигнул мне.

– Спасибо! – отозвалась я. Хотелось закатить глаза, чтобы ясно показать мое отношение к таким подмигиваниям. Но я, естественно, сдержалась.

– А ты ведь раньше с другим челом тусовалась? – вдруг спросил он и так широко улыбнулся, что я почти увидела коренные зубы.

– С другим? – приподняла я бровь. Мои движения становились все медленнее и медленнее.

– Ну, такой высокий тип с темными волосами. Твой бывший, да? – прокричал Алан.

– Нет, он просто мой сосед, – ответила я, не понимая, какая Алану разница. – Извини. Мне пора к Владу. Еще раз с днем рождения!

И я, все еще тяжело дыша, направилась к барной стойке, за которой сидел Влад с задумчивым выражением лица. Я села рядом – счастливая после танцевального марафона.

– Отлично танцуешь, Дарья, – сказал Влад. – Я залюбовался.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– Устала?

– Есть немного.

– Тогда идем, отдохнешь.

Он взял меня за руку и повел в одну из лож на втором уровне. Это была небольшая комната с балконом, откуда открывался вид на танцпол. Мы сели на мягкий угловой диванчик, перед которым стоял стеклянный столик, и я с удовольствием сняла туфли на каблуках: ноги порядочно устали.

Влад снова заказал какие-то безалкогольные коктейли, воду, фрукты, сладости. И я просто блаженствовала, в ложе было тихо и прохладно.

– Не помню, когда так отрывалась в последний раз, – улыбнулась я Владу.

– И часто ты отрываешься?

– Редко. Но обожаю танцевать, – призналась я, делая глоток холодного освежающего напитка. – Это помогает выпустить пар и расслабиться. Обычно я даю себе волю на тренировках. Но все лето от них отдыхала. Нужно снова записаться в студию. А ты совсем-совсем не танцуешь?

– По настроению. Если честно, я больше люблю играть музыку, чем танцевать под нее.

– А на чем ты играешь? – спросила я.

– Фортепьяно. – Ответ Влада меня приятно удивил.

– Здорово! – искренне восхитилась я. – Ты видел, как я танцевала, теперь мой черед услышать твою игру.

– Без проблем, Дарья.

Мы с Владом сидели, болтали, он рассказывал о музыке, и я все больше понимала, почему местные университетские красотки открыли на него охоту. Влад Савицкий – крайне перспективный тип в их глазах. Только, наверное, никто из них не знает, что он любит классическую музыку. И возможно, не хочет знать.

Влад смотрел на меня и улыбался краешками губ. Эта улыбка и манила, и смущала одновременно.

Савицкий казался мне слишком загадочным, и поэтому во мне все больше рос к нему интерес. Он был тем самым прямым подтверждением слов, что девушки любят парней-загадок

– в них просыпается необъяснимая тяга разгадать эту самую загадку. Стать посвященной в его секрет. Узнать тайну его души. Стать для него особенной.

Влад был загадочным и в то же время казался утонченным – не то что этот мужлан Матвеев с разворотом плеч, как у орангутанга (и с его же уровнем интеллекта). Но рядом с Владом я всегда чувствовала странный холод. Нет, дело не в том, что его руки были всегда прохладны, а запах одеколона напоминал морозную свежесть. В другом. В его ауре.

От Влада веяло отстраненностью и даже безразличием, которые холодили не меньше, чем снег. Однако он никогда не ассоциировался у меня с белым цветом – напротив, почему-то мне казалось, что его цвет – черный. Будто вороново перо. А вот цвет Матвеева казался мне насыщенным алым. Он был моим огнем. Небеса, опять этот человек в моей голове. Мысли о нем – будто яд.

– Ты красивая, Даша, – произнес Влад. Его темные глаза сверкнули. – Очень красивая.

Его пальцы коснулись выбившейся вьющейся пряди – сегодня я не распрямляла волосы.

– Спасибо, – опустила я ресницы. – Но знаешь, та девушка, Каролина, – она куда красивее меня.

Влад рассмеялся – приглушенно.

– Глупая, – нежно сказал он. – Ты просто не знаешь, какая ты. Никогда не говори про себя плохо. Поняла?

Влад сел ближе ко мне – наши колени соприкоснулись. Он хотел что-то сказать, но ему не вовремя позвонили. И Влад вышел, чтобы поговорить, хотя мне показалось, что он не слишком хотел отвечать на звонок.

– Да, отец, – только и услышала я.

Я попробовала клубнику в белом шоколаде и взяла телефон. Как почти всякая девочка двадцать первого века, я не смогла удержаться от того, чтобы не сфотографировать красиво сервированный стол, танцпол, по которому метались огни, а потом и вовсе решила сделать селфи – получилось классно. Однако едва я только зашла в инстаграм, как увидела в ленте новостей новое фото Матвеева. Это была совместная фотка с его друзьями, среди которых я углядела и Серебрякову. Ребята находились в каком-то баре и сделали снимок с помощью селфи-палки. Каролина стояла рядом с Даней, прижавшись к нему так тесно, словно решила обтереться об него грудью. А он обнимал ее за плечо.

Восторг после танцев мгновенно пропал, расслабленное тело напряглось, в голове появились нехорошие мысли. Ах, значит, так? Веселитесь вместе и не боитесь показывать это всем? Отлично. Просто отлично. Я тоже умею веселиться. Едва только Влад вернулся, как я заявила:

– А давай сделаем селфи? – И для надежности похлопала ресницами.

– Давай, – пожал он плечами.

Мы снова сели на диванчик, плотно соприкасаясь плечами, и сделали несколько снимков.

– Улыбайся! – возмутилась я – лицо у Савицкого было кислым. – Эй, не так. Ты похож на злого волшебника, когда так скалишься! Будь милее. Вот так! Замри!

Я сделала еще пару снимков, взяв в руки бокал и заставив сделать это и Влада, а импровизированную фотосессию завершила поцелуем в щеку.

– Не против, если в инстаграм выложу? – спросила я.

– Не против. Давай-ка сделаем еще одно фото, Дарья, – вдруг сказал Влад и завладел телефоном.

Свободной рукой он взял меня за подбородок и чуть приподнял мою голову.

– Смотри мне в глаза, не отводи взгляд, – велел он и сделал несколько кадров в профиль. Они вышли неожиданно эффектными – на них казалось, будто Влад вот-вот поцелует меня. Мой взгляд был полон покорного ожидания, а его – желания.

Это фото я и выложила в инстаграм, надеясь, что Матвеев увидит его. А еще парочку – в сториз.

– Ради него? – полюбопытствовал Влад.

– Не знаю, – честно сказала я, поправляя волосы.

Влад перехватил мою руку и поцеловал... в запястье. А после коснулся жесткими губами ладони. От этого простого прикосновения его прохладных губ меня бросило в жар. Он с ума сошел? Я изумленно таращилась на Влада. Но ничего романтического не чувствовала. Зато почему-то подумала, что руки у меня грязные. Мало ли какие бактерии там на коже. Однако говорить про это я не стала. Сначала просто смотрела на Влада, потом – на собственную ладонь, а затем перевела взгляд на стену. А Влад, будто понимая, что я чувствую, тихо рассмеялся. Кажется, ему нравилось вгонять меня в ступор.

Уже дома я увидела, что Матвеев просмотрел мои сториз. Но ничего не написал.

Глава 12

Надлом

В понедельник перед занятиями я встретила Диму – он быстрым шагом шел к своему корпусу, ни на кого не обращая внимания.

– Привет, Дим! – окликнула я его, и он остановился.

– Привет, Даша, – сказал он. – Как дела?

– Нормально... А у тебя?

– Вроде бы тоже. – Если честно, он не улыбался так радостно, как в те выходные, которые мы провели вместе. В его глазах была тоска.

– А как Лиза? – спросила я. – Она в соцсетях не появляется.

С Лизой мне действительно хотелось подружиться, но она неожиданно пропала. Он внимательно на меня посмотрел, словно что-то прикидывая в уме.

– Ей не до этого. Не общаешься с Даней?

– Мы расстались, – призналась я.

– Понятно, – сам себе кивнул Дима. – Правильно.

– Что? – не поняла я.

– Значит, я правильно его понял, что вы расстались, – ответил он. – Ладно, Даш. Я пойду. Пока.

– Привет Лизе! – крикнула я ему вслед, но Дима не обернулся. И я, пожав плечами, пошла дальше.

В университет я заявила раньше остальных, поэтому села на полукруглую лавочку у окна неподалеку от закрытой аудитории и достала телефон. В инстаграме мое фото с Владом произвело небольшой фурор – лайки ставили даже незнакомые люди. Правда, когда среди них я увидела лайк Серебряковой, то моментально рассердилась. Она интересуется моей жизнью? Но с какой стати? Ей смешно наблюдать за мной?

А вот Матвеев отмалчивался. Наверное, ему и правда все равно.

– Доброе утро, Кудряха, – села рядом со мной на лавку Самира. Вид у нее был сердитый, темные выразительные глаза метали молнии, а волосы, собранные в высокий хвост, на висках были натянуты до предела.

– Доброе, – улыбнулась ей я. – Что с твоим лицом, красотка?

– Все бесит, – фыркнула подруга. – Этот гаденыш с самого утра настроение испортил.

– Какой гаденыш? – удивилась я.

– Художничек.

– Опять затопил?!

– Нет, девицу домой привел. Иду я по лестнице, а он спускается вместе с какой-то блондиночкой, – фыркнула Самира.

– Что еще за блондиночка?

– Понятия не имею! Но Лео ей так улыбался, что мне аж противно стало!

– О-о-о, – протянула я, – да ты ревнуешь?

– Нет, конечно, – дернула плечиком подруга. – Лео мне никто. Просто он мне заливал, что девушки у него нет. Мол, для него сейчас самое главное – это искусство, и на личную жизнь времени нет. А потом я вижу, как он утром провожает девушку, с которой провел ночь! Бесит.

У Самир было такое сердитое лицо, что я удивленно вскинула брови.

– Он тебе совсем-совсем не нравится?

– И ты туда же, Сергеева! – воскликнула возмущенно подруга. – Ты же знаешь, что он – не мой тип. Я просто не люблю ложь. И девица эта меня взбесила. Держала его под руку и так улыбалась, что ей рот хотелось зашить.

– Тогда почему ты так злишься? Боишься, что теперь он с ней будет об искусстве разговаривать? – весело спросила я – раньше ревнующую Самиру мне видеть не доводилось.

– Не знаю, – призналась Самира. – Меня просто это ужасно раздражает.

– Зато я знаю! – внезапно появилась перед нами Сашка – в солнечном свете, падающем из окна, ее волосы цвета морской волны казались еще ярче. – Амирова влюбилась в художника!

– Что ты несешь! – вспыхнула подруга.

– Несу правду и свет, – улыбнулась Сашка, плюхнулась на лавку между нами и положила руки нам на плечи. – Тетя Саша всё про вас знает. Одна сохнет по своему Клоуну, вторая, несмотря на принципы, втюрилась в бедного художника, а не в парня с большим банковским счетом.

Мы вдвоем попытались успокоить «тетю Сашу», однако она успешно отбила нашу атаку, заявила, что «правда глаза колет», и первая скрылась в аудитории. А мы поспешили следом за ней в компании только что подошедшей Полины.

Сегодня у нас в расписании стояло четыре пары, от которых я порядком устала. Первой была лекция по истории английского языка, на которой нельзя было и ручку из руки выпустить: приходилось все досконально записывать за преподавом. Затем один за другим шли сложнейшие семинары, на которых нужно было отвечать. А потом наша группа и вовсе пошла в другой корпус, на практическое занятие по предмету «Применение современных информационных технологий в научно-исследовательской деятельности». Честно говоря, мы особо не понимали, зачем нам вообще поставили этот предмет, но посещение было обязательным.

– Сегодня контрольная будет! – вспомнила Полина, когда мы по переходу бежали в другой корпус.

– Какая еще контрольная? – выдохнула я.

– По Excel, – вспомнилось Сашке.

Честно говоря, ни к какой контрольной я не готовилась, искренне считая предмет, который мы между собой называли просто «современными технологиями», бесполезным. И все мои силы ушли на подготовку к семинарам по английскому языку. Поэтому пришла я неподготовленной.

Мы прибежали в компьютерный класс за несколько минут до звонка и расселись – каждая за свой компьютер. Но только я опустилась на стул, как в кабинет вошел Матвеев собственной невыносимой персоной. Он с улыбкой слушал нашего преподавателя – молодого, но довольно строгого мужчину в неизменном темно-сером костюме, под который была надета белая водолазка.

Увидев меня, Даня моментально перестал улыбаться. А я, кажется, и вовсе побледнела – не ожидала увидеть этого человека здесь. С другой стороны, что я хотела? Он учится в этом корпусе.

– Садись за свободный компьютер и работай, – услышала я голос преподавателя. Даня взглянул на меня так, что внутри что-то оборвалось, и сел ко мне спиной – столы в аудитории стояли буквой «П». Оглядываться на него я больше не стала – много чести. Зато Сашка, которая была зла на Матвеева из-за меня, громко выдала:

– Откуда здесь этот пес?

Самира и Полина хмыкнули в кулак. А я вздохнула. И почему мы опять встретились? И почему я снова вижу перед собой сцену, в которой он целует Каролину?.. Это просто навязание какое-то.

– Что за выкрики, Павловская? – тотчас повернулся к ней преподаватель. – Какой пес?

– Извините, просто тут за окном псина одна пробегала, – невозмутимо выдала она. – Один в один соседский кобель. Думала, это он потерялся. Но нет, перепутала – дворняга какая-то.

– Замечательно, но в следующий раз будьте тише, Павловская, – сделал ей замечание преподаватель. – Приступим к контрольной работе. От оценки за нее будет зависеть и ваш зачет. Если за все три семестровые контрольные работы вы получите высокие баллы, а также сделаете проект, то получите его автоматом. Кроме того...

– Слушай, а ты же с этим парнем встречалась? – с любопытством прошептала одноклассница, сидевшая рядом. Точно, Матвеев ведь приходил к нам на занятия. Стало неловко. Однако ответить я не успела. Преподаватель попросил нас соблюдать тишину.

Он выдал несколько инструкций и сел за преподавательский стол, а мы остались один на один с компьютерами. Я всегда считала себя опытным пользователем ПК, однако никогда раньше с Excel не сталкивалась – разве что в школе и то давным-давно. Поэтому знания о работе с этой программой у меня были минимальные – базовые. И для хитрой контрольной работы их не хватало. В какой-то момент я поняла, что просто сижу перед монитором, не зная, что делать. Однако я была не одинока – многие девчонки таращились в монитор, явно забыв все, что проходили раньше.

Я уже мысленно прощалась с автоматом по «современным технологиям», как тут преподавателю кто-то позвонил. Видимо, что-то случилось – ему пришлось покинуть кабинет.

– Присмотри за группой, – попросил он Даню, прежде чем покинуть компьютерный класс. И добавил: – Гуманитарии...

В этом слове, кажется, была сосредоточена вся его печаль. Я вздохнула и полезла в телефон – попытаться найти алгоритм решения задачи.

– Не получается? – услышала я вдруг рядом со своим ухом и резко обернулась – ко мне склонился Даня, опершись рукой о край стола.

Матвеев был так близко ко мне – запретно близко, что я непроизвольно сглотнула. Я до сих пор помнила каждую черту его лица, каждую крапинку в его серых глазах, каждую трещинку на губах. И его поцелуи. Сейчас же это снова стало под запретом. Стало предательством. Моей болезнью, от которой я так старательно пыталась исцелиться. Он был слишком близко. Непозволительно близко.

– Я помогу, – прошептал Даня, прежде чем я успела что-то сказать, и пододвинул к себе клавиатуру, касаясь моего плеча своим. Я не стала противиться – лишь немного отодвинулась, чтобы ему было удобнее. Оттого что он снова касался меня, оттого, что я снова могла чувствовать аромат его хвойного одеколона, по рукам бегали мурашки, а в голове стало пусто.

Но я все равно его ненавидела. Ненавидела, но наслаждалась каждой секундой. Его пальцы запорхали над клавиатурой. Пара минут – и Матвеев все сделал. И словно невзначай коснулся щекой моего виска, когда поднимался. Меня тотчас насквозь пронзило воспоминание о том, как он целовал мое лицо.

– Спасибо, – хрипло поблагодарила я, не оглядываясь и впившись взглядом в курсор на экране.

– Не за что, – ответил он.

– Даже странно, что ты решил мне помочь, – вырвалось у меня.

– Что в этом странного? – нахмурился Клоун.

– Помогать той, которую бросил, – прошептала я, злясь на себя за то, что вообще решила это сказать, – так благородно, да?

Однако договорить Матвеев не успел.

– Даня, а мне помоги! – попросила Полина, наблюдавшая за нами.

– И мне! И мне тоже! – попросил кто-то еще из девчонок.

В итоге, когда преподаватель вернулся, задания у всех были выполнены, а Матвеев невозмутимо сидел за своим компьютером и что-то быстро печатал, не глядя на клавиатуру – по черному фону проносились белые строки.

Едва пара закончилась, я первой вылетела из компьютерного класса, однако это не помогло – Матвеев догнал меня спустя пять шагов. И даже хотел было схватить за запястье – как раньше. Но нерешительно опустил руку.

– Что? Что ты хочешь? – Я не хотела даже смотреть на Клоуна. Знала – стоит увидеть его лицо, его глаза, его губы, как тянуть меня к нему станет еще сильнее.

– Хочу сказать тебе, чтобы ты не выдумывала, – сказал он вдруг.

– Что? – Я все-таки взглянула в его лицо.

– Я помог тебе как друг. И если тебе будет нужна моя помощь, зови или звони. Всегда помогу. Если мы расстались, это не значит, что я должен вычеркнуть тебя из своей жизни, – вдруг выдал Клоун. – Поняла меня?

Его глаза пылали холодным огнем.

– Ты сам себя из нее вычеркнул, – ледяным тоном сказала я. – Надеюсь, ты счастлив с Каролиной. Со своей первой школьной любовью. Так романтично, что вы вместе, несмотря ни на что.

Мне вспомнились слова Маргариты о том, что Даня часто заходил с Каролиной в тот суши-бар и они всегда вели себя как влюбленные. Серебрякова всегда была в его голове. Всегда. Обида во мне вспыхнула с новой силой.

– А ты – с Савицким, – вырвалось у Матвеева.

– О да, он замечательный, – мило улыбнулась я. – Я от него в восторге. Мой малыш.

– Между вами что-то было? – вдруг спросил Клоун, сводя густые брови к переносице. Надо было послать его куда подальше, но я решила немного отомстить.

– Было, – улыбнулась я еще шире, не боясь больше смотреть в его стальные глаза. – И я от него в восторге. С *ним* было хорошо. Лучше, чем с тобой. Ах да, прости, с тобой вообще ничего не было. Прости.

Из-за надлома я стала другой. И иной раз сама себя переставала контролировать. Поэтому сейчас я тоже не сразу осознала, что сказала.

– Решила взять с него пример и тоже немного поиграть со мной? – усмехнулся Даня. Он заводился – я чувствовала это. И это пробуждало во мне злую радость. Она сменила растерянность, что пришла ко мне на занятии вместе с его помощью.

– Зачем мне с тобой играть? – спросила я. – Не нужно проекций. Со мной играл ты, а я всегда была искренна.

– Скучаешь? – Его странные вопросы и пристальный взгляд сбивали с толку, но я держалась. Не сдавалась.

– Нет.

Наверное, нужно было спросить: «А ты?» Но я не стала этого делать – к тому же у меня звонил телефон. Очень вовремя.

– Да, Влад, – проворковала я.

– С ума сошла? – осведомилась Танька.

– Конечно, конечно.

– Всегда знала, что моя сестричка не в себе, – хмыкнула она. – Приезжай к нам в гости на выходные с ночевкой. Поболтаем. Сопли свои польешь в мою металлическую жилетку.

– Да, милый. Обязательно приеду к тебе, – заявила я.

Матвеев усмехнулся и резким жестом пригладил волосы. Кажется, разговор его напрягал.

– Заметано, – обрадовалась Танька. – Но если ты все еще будешь находиться в таком странном состоянии, то, пожалуй, не приезжай. Лучше съезди к доктору.

– И я скучаю, – весело ответила я, прикрыла телефон ладонью, мило пожелала Матвееву удачи, искусственно улыбнулась в последний раз и ушла, дрожа от негодования.

– Всё в порядке? – спросила Полина с тревогой, когда я была уже на первом этаже.

– Что он тебе сказал? Извинялся? – наперебой стали спрашивать и Сашка с Самирой. Но я только рукой махнула.

– Решил сказать мне, что я всегда могу попросить его о помощи. Мальчику захотелось игры в благородство. Вот и все, – ответила я. – Девочки, давайте не будет о нем. Я устала.

Подруги настаивать не стали. Более того, стоило нам выйти из корпуса, как к Самире подкатил ее художник – тот самый Лео. Вблизи его лицо с тонкими, даже изящными, чертами показалось мне еще симпатичнее, да и сам он производил приятное впечатление. Больше всего мне понравились его глаза густого синего цвета. Они были мягкими и приветливыми и лучились внутренним светом.

– Самира! – крикнул он на ходу. – Привет!

– О, твой художничек, – развеселилась Сашка.

– Господи, как достал, – проворчала Самира и почему-то приосанилась. – Откуда он тут взялся?

– Ты отвернись, может быть, еще и губы успеешь накрасить, – сказала Полина – от нее тоже не укрылось, что подруга расправила плечи. Да и вообще вид приняла холодный и даже немного надменный.

– Что ты тут делаешь? – строго спросила она, на три шага отойдя от нас.

– Самира, – улыбнулся Лео, глядя на нее. – А я тебя жду уже минут двадцать! Почему на звонки не отвечала?

– А что? Ты снова меня затопил? – сухо поинтересовалась подруга.

– Это моя утренняя шутка, – зашептала я Сашке и Полине.

– Нет, что ты! – засмеялся Лео. – Хотел позвать тебя в кинотеатр на крыше. – Он достал из кармана расстегнутого пальто, которое неожиданно ему шло, два билета. – Сегодня обещали «Римские каникулы». Ты же любишь Одри!

– Лучше девушку свою пригласи, – и бровью не повела подруга.

– Какую? – растерялся Лео.

– С которой ты сегодня был утром. Хорошую ночь вместе провели? – насмешливо спросила Самира.

– А наш хваленый логик Амирова умеет ревновать, – тихонько комментировала Сашка.

– Это моя сестра, – расхохотался Лео.

– Что? – опешила Самира.

– Младшая сестра. Ночевала у меня. Я хотел вас познакомить, но ты так быстро убежала, что я ничего не понял, – с улыбкой сказал художник.

– Я опаздывала, – тут же нашлась подруга, хотя она, как и я, пришла рано.

– И перестала отвечать на сообщения и звонки...

– Была занята на учебе, не слышала, – поменяла гнев на милость Самира. – И вообще, познакомься с моими подругами, – быстренько перевела она тему.

Самира познакомила нас с Лео, мы немного поболтали, и они убежали на остановку – сеанс должен был вот-вот начаться.

– Не удивлюсь, если она выйдет за него замуж, – сказала весело Сашка.

– А как же бизнесмены и прочий обеспеченный люд? – хихикнула Полина.

– Ну, как говорится, любовь зла... Кто-то козлов любит, кто-то – моральных уродок. А вот Самире достался художник.

И я была с ней полностью согласна.

Приехав домой, я снова плакала – от горечи, что никак не покидала мое сердце. Проклятый Матвеев. Никак не уберется оттуда. Ночью мне снилось, что мы снова вместе – гуляем по полю с алыми маками. А потом он сталкивает меня с обрыва. И, падая, я кричу его имя.

Глава 13

Правда или действие

Через пару дней я снова гуляла с Владом, пытаюсь рядом с ним забыть о Клоуне – уже в который раз. Я даже сама взяла его за руку, когда мы шагали по старому парку неподалеку от нашего дома, наступая на шуршащий ковер из желто-оранжевых листьев. И пыталась быть смешной и милой. Только никак не могла согреть руки – когда мою ладонь держали пальцы Влада, она леденела.

– Ты сегодня странная, – заметил он. – Снова из-за него?

– Нет, что ты, – улыбнулась я, не желая признавать, что Влад угадал. – Просто настроение совсем осеннее. Осенью мне всегда грустно.

– Не грусти рядом со мной, – вдруг остановил меня Влад. Мы стояли на узкой дорожке друг напротив друга, и теплый вечерний свет мягко падал на наши лица.

– Не буду, – пообещала я.

– И дай мне возможность узнать тебя лучше.

– Кто бы говорил, – как можно более весело отозвалась я. – Я – открыта для общения, а вот ты – настоящая загадка, Влад Савицкий.

– Хочешь меня разгадать? – усмехнулся он. – Тогда давай поиграем в правда или действие. Каждый спросит трижды.

– Отлично, давай! – обрадовалась я.

– Начинай.

Он выбрал правду, хотя я надеялась на то, что он выберет действие, и я заставлю его залезть на дерево и сфотографировать меня оттуда.

– Я тебе нравлюсь? – смело спросила я.

– Нравись. Очень, – ответил Влад, не отрывая от меня глаз. – И ты это знаешь. Зря потратила вопрос, Дарья. Но можешь задать другой. Моя очередь: правда или действие?

– Правда.

– О тебе спрашивать смысла нет. Спрошу о нем – ты все еще его любишь?

– Не знаю, – нахмурившись, ответила я. – Я пытаюсь его забыть. Вот и все.

– Принимается, – кивнул Влад.

Мы продолжили. Во второй раз Савицкий все-таки выбрал действие и полез на дерево, изрядно меня рассмешив. Зато третий раз он снова остановился на правде – наверное, из-за ободранных ладоней.

– Из-за чего ты уехал? – спросила я, вспомнив слова Каролины. Мы уже были неподалеку от дома, а на улице стояли сумерки.

– Неприятная история, – поморщился Влад, явно не ожидавший этого вопроса. – На самом деле меня заставили уехать. Чтобы не мешался. И не создавал проблем.

– А почему в наш город? – не поняла я.

– Здесь живет моя тетка. Отец думал, что она будет меня контролировать, но ей плевать, так же как и всем остальным, – довольно жестко ответил он.

– Извини, что спрашиваю, – потупила я взгляд.

– Все в порядке, – отозвался Савицкий. – Ведь я сам выбрал правду. Я дико мешаю братьям из-за наследства. И они сделали все, чтобы подставить меня в глазах отца. Он решил, что я должен не отсвечивать некоторое время.

– Но все-таки ты не ответил на вопрос – из-за чего ты уехал? – мягко вернулась я к теме.

– Мне повредили машину, произошла авария, – сквозь зубы ответил Влад. – В ней обвинили меня. Но это был привет от братьев. Наверное, они хотели, чтобы я сдох.

– Кто-то... пострадал, да? – осторожно спросила я.

– Одна женщина. Сейчас с ней все в порядке. Дарья, мне повредили тормоза. Понимаешь?

– Понимаю, – вздохнула я. Все-таки верно говорят: там, где большие деньги, всегда большие проблемы. – Может быть, еще по разу? Ты не против?

– Давай, – согласился Савицкий.

– Ты знаком с той девушкой, Каролиной? – спросила я. – Просто именно она намекнула на то, чтобы я спросила, из-за чего ты уехал из Москвы. Теперь мне интересно.

Я внимательно смотрела на Влада.

– Знаком, – нехотя признался он.

– Тогда почему ты не сказал мне сразу? – рассердилась я. Мне-то показалось, что Каролина просто солгала.

– Подумал, что это лишнее. Мы виделись несколько раз в одной компании, но я с ней почти не общался, – ответил Савицкий. – А потом увидел ее здесь, рядом с Матвеевым. Не сразу понял, что это он.

– Кто – он? – растерялась я.

– Даниил Матвеев. Моя бывшая девушка была ее хорошей приятельницей, – задумчиво отозвался Влад. – И я кое-что слышал о том, что Каролина давно влюблена в какого-то парня. С ума от него сходит со школы. Мне всегда казалось это дичью, особенно когда я слышал, как она рассказывает моей бывшей что-нибудь вроде: «Когда я была школьницей, то отваживалась от него всех девчонок. Одной он решил признаться в любви, написал сообщение, но я успела прибежать к ней и стереть его», – писклявым голосом спародировал Серебрякову Влад. – Ну дичь же.

– Дичь, – только и согласилась я, решив, что Каролина – еще более неприятное существо, чем казалось раньше. – Но надо было сразу сказать, что вы знакомы.

– Извини, – покаялся Влад. – Я не подумал.

Пока мы шли к моему дому, то молчали, каждый думал о своем. И уже около подъезда Влад вдруг вспомнил:

– У меня ведь тоже осталась одна попытка. Правда или действие?

– Действие, – вздохнула я.

– Поцелуй меня, – попросил он. – Сама. Поцелуй меня.

– Что? – не сразу поняла я. – Поцеловать?

– Да, в губы. Или отказываешься? А ведь я лазил на дерево, – лукаво улыбнулся Влад.

Целовать кого бы то ни было сейчас мне не хотелось – настроение было далеким от романтического, его травил осенняя хандра. Однако и отказываться было неправильно – я сама согласилась на эту игру.

– Хорошо, – отозвалась я. Подошла к нему, обхватила за шею, заставляя немного нагнуться, и коснулась его чуть приоткрытых губ своими губами. Всего лишь прикосновение – ничего большего. Ни трепета в груди, ни искр в глазах, ни учащенного дыхания. После этого я отстранилась и в это же время увидела краем глаза, как к подъезду идет Матвеев со спортивной сумкой наперевес.

Во мне тут же вспыхнул знакомый огонь ревности. А еще – решимость. Решимость показать Клоуну, как он мне безразличен. Я снова поцеловала Влада, крепко обхватив его руками за пояс, – так раньше я обнимала Матвеева. Поцеловала настойчиво и чувственно.

Первые пару секунд Влад явно был ошарашен, а потому замер, и я даже успела занервничать. Однако потом он вдруг стал отвечать на поцелуй, делая его все более глубоким. Влад обнимал меня за талию одной рукой, а другой зарылся в волосы. В каждом его касании было такое самозабвение, что я поняла – Матвеева он не замечает.

Мои глаза все это время были открыты. И я видела, как Клоун проходит мимо нас, останавливается, оглядывается и смотрит – с такой болезненной яростью, что мне стало не по себе. «Не делай этого», – говорили его глаза. «Пошел к черту», – отвечали мои.

Едва только захлопнулась тяжелая подъездная дверь, как я моментально отстранилась от Влада.

– Дарья, – прошептал он и снова потянулся ко мне, коснулся прохладными пальцами моей шеи. Но я помотала головой, и неосознанно коснулась губами его руки.

– Ты меня с умаводишь, – признался Савицкий.

Эти слова должны были вскружить мне голову, но почему-то напугали. За такие слова нужно нести ответственность. А я не хотела этого делать.

– Мне пора домой, – сказала я, потому что не хотела продолжать этот поцелуй. То ли из-за появления Матвеева, который вздумал вмешиваться в мою жизнь тогда, когда ему этого хотелось, то ли из-за собственной глупости.

– Я что-то сделал не так? – спросил Влад, сам отходя от меня на пару шагов и скрешивая руки на груди.

– Нет, – покачала я головой. – Просто я немного устала.

– Просто ты увидела его. – Влад оказался куда более внимательным, чем я думала. Он все-таки видел Матвеева.

А может быть, попросил поцеловать его, потому что видел.

– Мне стало неприятно, что он снова рядом, – устало ответила я. И, глядя в темное небо, на котором не было ни одной звезды, попыталась объяснить: – Видя этого человека, я вновь и вновь начинаю чувствовать себя обманутой. Вновь и вновь. Это мерзкое чувство, Влад. Раз за разом я чувствую себя грязной. Из-за того что так глупо доверилась ему. Из-за того что решила, что могу быть счастливой. Знаешь, буду честна – я хотела любви и думала, что она станет моим солнцем. Согреет сердце. Но она не согрела – она попыталась сжечь его. И мне до сих пор больно, понимаешь? Когда ты говоришь, что без ума, мне становится страшно. Я не хочу обжечься вновь. Понимаешь?

– Понимаю, – тихо ответил Влад. – Я все понимаю. Но есть другие люди. Не такие, как он. Знаешь, Дарья, светить может не только солнце, но и луна. И даже если ее свет не так ярок, он никогда не оставит ожог.

Я слабо улыбнулась, понимая, куда он клонит.

– Хочешь стать моей луной? – полушутливо спросила я.

– Как знать, – коротко рассмеялся Влад.

– Любовь – это Вселенная... – Я зачем-то сказала ему то, чего никому не говорила.

– Тогда я хочу стать твоей Вселенной.

В его тихом голосе была уверенность. И я поверила ему.

– Мы можем просто попробовать, – продолжал Влад. – Если не получится – я не буду тебя удерживать.

– Попробовать?.. – Я даже не знала, что ему ответить.

– У меня есть идея, – вдруг улыбнулся он. – Сюрприз.

– Какой?

– Секрет. Узнаешь чуть позднее. А теперь иди домой.

– Эй, что за идея? – Мне стало интересно. Савицкий точно знал, как разжечь любопытство.

– Узнаешь позднее, Дарья. – Влад снова подошел ко мне и положил руки на плечи. – Я хочу, чтобы ты думала обо мне, – прошептал он мне на ухо.

Мне действительно пришлось пойти домой, так ничего и не узнав. Цель Савицкого заставить меня думать о нем была достигнута. Кроме того, из головы не выходили его слова про Каролину и про то, как она добивалась Даню. Я снова и снова вспоминала о том, что она отва-

живала от Матвеева девчонок. О том, что с телефона одной даже удалила сообщение, в котором Клоун признавался в любви.

В голове у меня все вдруг медленно начало вставать на свои места. Когда мы еще встречались, Матвеев говорил, что присылал мне какое-то сообщение, в котором то ли предлагал встречаться, то ли что-то говорил о чувствах. И, по его словам, я просто его послала и отправила блюющий смайл. Хотя ничего подобного я совершенно не помню. Но ведь в какой-то из тех дней ко мне приходила Каролина. Может быть, она удалила сообщение, адресованное... мне? Не может быть. Глупо же.

Однако я никак не могла успокоиться и полезла в шкаф, нашла коробку со старыми блокнотами и исписанными ежедневниками и, вывалив все на пол, отыскала пыльный дневник, который пыталась вести в восьмом и девятом классе. Сначала я аккуратно записывала все события, что происходили со мной за день, затем стала описывать только важные. Про Каролину я тоже, кажется, писала.

Я сидела на полу и листала дневник с округлым почерком прилежной девочки, который за время учебы в университете превратился непонятно во что. Где же это, где?.. День рождения Ленки, поход в парк с Ведьмой, ссора родителей, вечеринка у одноклассницы Тани... А вот и оно! Я впиалась глазами в строчки:

«Сегодня ко мне заявила К. С. Все говорят, что она милая, но меня раздражает. Слишком сладкая. Я извинилась за платье. К. С. попросила разрешение на то, чтобы встречаться с Д. М. Дура какая-то, если честно. А еще она мне сказала, что для Д. М. я всего лишь младшая сестренка. И сок не допила. После того как она ушла, я написала сообщение Д. М., сказала, что он меня бесит. Послала смайл, который напоминает его. Д. М. ответил, что А. С. не жить. При чем тут А. С., если идиот – Д. М.? Эта тайна навсегда останется в глубинах моей бедной души...»

На этом запись закончилась. И я закрыла дневник, пытаюсь вспомнить события того дня. К. С., должно быть, Каролина Серебрякова, Д. М. – Даня Матвеев, А. С. – Артем Стоцкий. Скорее всего, в этот день Каролина и удалила сообщение Матвеева, о котором он говорил. Я ходила на кухню, чтобы принести сок, и в это время она легко могла взять мой телефон. Если это действительно так, то после ухода Серебряковой Клоун получил от меня сообщение, в котором я написала, что он меня бесит. И он принял это за отказ. А потому окончательно решил перестать обращать на меня внимание.

Черт, это не может быть правдой. Глупо-то как все! И так по-детски. Но... Но если предположить, что Каролина не удаляла то сообщение, а я приняла чувства Матвеева и стала с ним встречаться, то что бы было с нами сейчас? Мы по-прежнему были бы вместе? Или жизнь развела бы нас в разные стороны? Я не могла найти ответы на эти вопросы. Но одно знала точно: Серебрякова не имела права так поступать.

И Влад, и Даня, и Каролина не выходили у меня из головы. И когда все уже спали, я надела наушники, врубила музыку и танцевала в темноте, босыми ногами ступая на полосы лунного света, падающего из окна на пол, и пытаюсь поймать лунные лучи руками. Я засыпала с мыслью о том, что лунный свет не оставит ожога, но и согреть тоже не сможет. В сегодняшнем сне я лежала на ромашковом поле, раскинув руки и ноги, и смотрела вверх, на сапфировое небо и на тонкий полумесяц, с которого срывались искры света.

Утром я проснулась до будильника из-за громких голосов родителей – они спорили из-за предстоящего отпуска. Мама, как всегда, решила набрать на море кучу всего, а папа считал, что они вполне могут обойтись минимальным количеством вещей.

– Ну с чего ты это взял, Сережа? – возмущалась мама.

– С того, что каждый год повторяется одна и та же история. И она просто бесконечная, – довольно-таки ехидно отвечал папа.

– Нам нужно взять еще один чемодан.

– А может, мы весь шкаф с собой увезем? О, Дашка встала! – Папа потрепал меня по волосам, которые и без того торчали в разные стороны. Я только пробурчала что-то в ответ и пошла на кухню, чтобы попить воды. Спать хотелось ужасно.

– Ты точно без нас справишься? – спросила мама с беспокойством, появляясь на кухне следом за мной. В руках у нее была папина футболка. – Может, у Ведьминых поживешь? Нас ведь почти две недели не будет.

То, что они уезжают на море, а я остаюсь дома, ее напрягало. Мне же, напротив, хотелось немного пожить одной.

– Все хорошо будет, мам, – улыбнулась я. – Отдыхайте. К тому же ты так давно хотела слетать на Кипр.

– Звони мне каждый день, – погрозила она пальцем.

– А ты привези мне подарок, – отозвалась я.

Перед тем как я убежала в университет, мы попрощались: вылет их самолета приходился на начало моей последней пары. Родители наказали мне беречь себя, вести хорошо и не забывать нормально питаться.

– Можешь устроить вечеринку, – шутливо сказал папа. – Оторвись без нас как следует.

– Чему ты ее учишь! – возмутилась мама. Но мы с папой лишь расхохотались в ответ. Я обняла их напоследок и выпорхнула из квартиры в хорошем настроении. Правда, в переполненном автобусе, когда я цеплялась за поручни, словно мартишка за лианы, настроение испортилось. Сначала я думала о Матвееве, затем – о Савицком. С самого утра Влад молчал – не звонил, не писал, и это еще больше распалило мой интерес, который он зажег своими словами о сюрпризе.

– А этот парень знает, как зацепить девочку, – сказала Сашка, стоило мне поведать подругам о его словах после третьей пары, когда мы сидели в столовой. – Не нравится он мне.

– Он неплохой, – ответила я со вздохом. – Просто не понимаю, почему он сказал про этот сюрприз и вдруг пропал.

– Все просто. Владик заинтриговал тебя и держит дистанцию, чтобы ты заинтересовалась еще больше, – отозвалась Сашка. – Играет в «холодно-горячо». Видишь, стоило ему пропасть, и ты уже вся на эмоциях. Не нравится он мне, – повторила подруга.

– Ой, молчи, – вклинилась Самира. – Тебе зато Матвеев нравился. И что в итоге? Он поступил как последний козел. Я все же хочу верить, что Влад настроен серьезно. К тому же он очень перспективный, – не преминула заметить она.

– Не то что Лео, – рассмеялась Полина с полным ртом. – Когда у вас там следующее свидание?

– Сегодня вечером, – машинально ответила Самира и только потом спохватилась. – Это не свидание! Он просто пригласил меня на выставку! Это персональная выставка какого-то современного авангардиста.

– Этого... Как его... Томаса Радова? – почему-то обрадовалась Полина.

– Не помню точно, но, кажется, да, – неуверенно кивнула Самира.

– Это сосед моей двоюродной сестры. Она даже дружит с его дочерью! – похвасталась Полина. – Настя говорит, что этот Томас вообще ненормальный! Так что сходи обязательно. Насладись авангардом. И обществом малыша Лео.

Нам всем стало смешно – кроме Самиры. Она надулась.

– Слушай, а его так из-за «Черепашек ниндзя» прозвали Лео? – спросила Сашка.

– Этот ведь черепашка с синей повязкой, верно? – подхватила я и поморщилась, вспомнив, что Леонардо был любимым героем Матвеева в этом мультике. Мне же нравилась только Эйприл.

– Его так называют, потому что его фамилия Леонов! – не выдержала Самира. – Ой, девочки, вы достали.

– Просто мы за тебя переживаем, – обняла ее Полина. – А ты расскажешь, когда у вас первый поцелуй будет?

– Расскажу... То есть его не будет! Что за вопросы? – возмутилась Самира и почему-то стала серьезной. – О, а вон Матвеев.

Я проследила за ее взглядом и увидела вдалеке Клоуна, который сидел за столиком вместе с друзьями. Обычно в компании он улыбался, смеялся и шутил, но сегодня о чем-то сосредоточенно думал. Я не узнавала его.

– Какой-то он грустный, – заметила это и Сашка.

– Наверное, с Каролиной поссорился, – ответила я. – Переживает, бедный.

Глава 14

Он классный, но...

Влад объявился после пар. Он ждал меня на улице, неподалеку от выхода. Стоял, по обыкновению скрестив на груди руки, а девчонки, проходившие мимо, то и дело заглядывались на него.

– Привет, – улыбнулся он мне.

– Привет, – ответила я несколько раздраженно. – Куда ты пропал?

– Никуда. Забыл телефон дома. Извини. – Его ответ меня несколько успокоил. Может быть, действительно я и девчонки много придумываем?

– Понятно, – вздохнула я.

– Как насчет сюрприза, Дарья? Думала о нем? – Влад коснулся моего плеча.

– Немножко, – уклончиво отозвалась я.

– А я всю ночь не спал, – сказал вдруг Влад. – И знаешь, я решил, что хочу показать тебе себя настоящего. Приглашаю тебя к себе на ужин – готовить буду сам. Обещаю романтику. Хотя я и не романтик, но постараюсь, – рассмеялся он хрипло. – Но сюрприз не в этом. А в том, что... Черт, ты заставляешь меня нервничать. Приезжай ко мне завтра вечером. Я отправлю за тобой машину.

Завтрашний день приходился на пятницу.

– Мне на субботу делать много всего надо, – неуверенно начала я.

– У тебя нечетная неделя. В субботу по нечетным неделям ваша группа не учится, – напомнил Влад.

И я решилась.

– Ах да, точно... Хорошо, но если только ты сыграешь мне на фортепьяно, – улыбнулась я, решив, что смущающийся Влад – это очень мило.

– Дарья, ты наполовину разгадала мой сюрприз, – сокрушенно вздохнул он.

– Да? Seriously? – удивилась я.

– Seriously. Поехали, я довезу тебя. И твоих подруг – тоже, – сказал Влад, видя, что позади стоят девчонки.

Он действительно всех нас развез по домам. Меня – последнюю. И снова обнял перед подъездом, поцеловав в щеку.

– Буду ждать тебя завтра в пять, – напоследок сказал мне Влад. Я помахала ему на прощание и ушла.

В пятницу после учебы я была сама не своя из-за приглашения Савицкого. С одной стороны, мне хотелось забыть Матвеева и действительно начать нормальную личную жизнь и стать счастливой – может быть, не прямо сейчас, а немного позже, когда я окончательно приду в себя после болезненного разрыва. С другой – я понимала, что это будет моей точкой невозврата в отношениях с Владом – я дам ему надежду на отношения. Но ведь я сама не знаю, хочу ли я их или нет.

Он классный – умный, красивый, интересный. При деньгах, хотя для меня это совсем не важно. Для меня важно то, что в голове не происходит взрыва, когда мы целуемся. В его объятиях нет ничего захватывающего. Он отличный друг, но меня к нему не тянет. Может быть, это временно и, если я узнаю его лучше, все станет иначе? Я не знала.

Когда я поделилась своими переживаниями с девчонками, Сашка сказала, что, раз я ничего не чувствую к Савицкому, его нужно послать, Самира же заявила, что обрывать общение резко не стоит – нужно еще немного пообщаться. А Полина и вовсе молчала, как будто у нее был какой-то секрет, который она не хотела раскрывать.

– Ты должна решить сама, Кудряха, – в итоге сказала Сашка.

- Это точно, – тряхнула волосами Самира. – Только *ты* знаешь, что *тебе* нужно. И кто.
- Просто не ломай себя, – тихо добавила Полина. – Делай, как чувствуешь.

Они были правы. Приехав домой, я еще раз все взвесила и решила, что должна сделать. Это было тяжело, но еще тяжелее было обманывать надежды Влада. Человека, которого я считала хорошим. С сожалением проведя рукой по висевшему на видном месте платью бледно-фиалкового цвета, которое я заранее приготовила с вечера для встречи с Владом, я пошла в свою комнату, взяла телефон и набрала его номер.

- Дарья, что-то случилось? – тут же спросил он.
- Нет, ничего. Просто я хотела тебе кое-что... сказать, – нерешительно начала я.
- Говори.
- Влад, извини, наверное, я не приеду к тебе, – сказала я, задержав воздух в легких.
- Вот как, – сухо сказал он. – Хорошо.

– Извини. Просто ты... – Я собралась с мыслями. – Влад, ты рассчитываешь на что-то большее, чем просто прогулки и переписка по телефону. Ты рассчитываешь на отношения. Я прекрасно это понимаю. Это нормально. Но я... Я пока не готова. Боюсь, что могу оттолкнуть тебя и сделать больно. Я еще раз подумала и поняла, что с моей стороны будет некрасиво давать тебе надежду на что-то, а потом отнимать ее. Это несправедливо по отношению к такому человеку, как ты. Я не из тех, кто играет в «горячо-холодно». Если я в игре – то с головой. Всем сердцем. Надолго. Прости.

- Все в порядке. Забавно, – вдруг произнес Влад.
- Что – забавно? – не поняла я.
- Проигрывать такому, как он, – ответил он с каким-то затаенным вызовом.
- Не обижайся. Пожалуйста.
- Все в порядке, Дарья, – повторил он и отключился.

Я на миг прикрыла глаза. Обижать Влада совершенно не хотелось. Но и играть с ним – тоже. Интересно, сильно ли он обиделся? Я испортила сюрприз. Я встала, подошла к шкафу и достала куклу – ту, которую подарил Матвеев.

– Как меня все достало, – пожаловалась я Дашеньке, глядя ее по мелким кудряшкам. – Тебя тоже?

Кукла молчала. Надеюсь, Влад обиделся на меня не слишком сильно. Спустя пару часов интенсивного заучивания японской грамматики, которая помогала выкинуть из головы все посторонние мысли, я поняла, что больше не могу. Нужно развеяться. Я надела спортивный костюм, поверх него натянула теплую жилетку, затянула волосы в хвост и пошла в магазин, планируя купить в ближайшем супермаркете что-нибудь вредное, но вкусное, потом дома завернуться в плед и включить сериал. Пятница как-никак.

По дороге в магазин я пообщалась с родителями, которые всю уже осваивали пляж, купила все, что было нужно, и у самого подъезда наткнулась на Серебрякову, которая приехала на такси, видимо решив заскочить в гости к Матвееву. Мы обе не ожидали этой встречи. И уставились друг на друга не с самым добрым выражением.

- Привет! – весело поприветствовала ее я, первой придя в себя.
- Привет, – откликнулась Каролина.

В отличие от меня, одетой в стиле «до магазина и обратно», она, как всегда, казалась эталоном изящества: очередное элегантное пальто нежного фиалкового цвета, короткая юбка, яркие ботильоны. И лавандовая, почти неуловимая свежесть духов. Серебрякова всегда казалась мне цитатой из стихотворений Александра Блока. А я не слишком любила символизм – куда ближе мне была новокрестьянская поэзия Сергея Есенина.

- К Матвееву в гости? – засунув руку в карман спортивных штанов, поинтересовалась я.
- Он забыл кое-что у меня дома, – ответила Каролина.

– Неужели совесть? – Я широко распахнула глаза и, увидев, что Серебрякова хмурится, просто рассмеялась. – Знаешь, сегодня я думала о том, что было бы между мной и Матвеевым, если бы не ты, – вдруг сказала я.

– Я? – удивилась Каролина. Ей хорошо удавалась роль невинной овечки.

– Ты-ты, – кивнула я. – Если бы ты не удалила то сообщение с признанием в любви от Дани. Какой это был класс – восьмой или девятый? Странно, да? Мне нужно было встретить Влада, чтобы это узнать.

К своей чести, Серебрякова не стала изворачиваться. Лишь пожала плечами:

– Ты об этом? А я уже и забыла. Мы были детьми. А дети всегда подвержены порывам.

– Ничего себе порыв, – насмешливо глянула я на нее. – Это была целенаправленная спланированная акция. Ты пришла ко мне и сделала так, чтобы я оставила тебя одну в комнате. Ты знала, что Матвеев пришлет мне сообщение. И не хотела, чтобы я его видела.

– Что за детский сад? – вздохнула Серебрякова и аккуратным жестом поправила волосы. – Зачем вообще это вспоминать?

– Да просто так, – широко улыбнулась я, покачивая пакет с покупками и снова чувствуя злость. Внезапно я решила высказать все, что думала о Серебряковой. – Береги честь смолоду – так, кажется, говорится? Ты всегда действовала нечестно, Каролина. Удаляла чужие сообщения, лгала, пыталась не завоевать дружбу и любовь, а купить ее. Дьявол – в мелочах. И твои мелкие поступки тебя выдают.

– Хочешь сказать, что я – дьявол? – усмехнулась Серебрякова.

– Нет, я хочу сказать, что ты осталась точно такой же, какой и была, – ответила я, глядя ей в глаза. – Ты увела парня, зная, что у него есть девушка. Наговорила ерунды про Влада. Пыталась оставаться со мной милой и доброй, зная наверняка, как больно бывает человеку, которого предали. Действуешь все так же, Каролина, – исподтишка, крадучись, боясь, что все поймут, какая ты настоящая.

– Я еще раз говорю, – довольно жестко произнесла Каролина. – Я не планировала ничего удалять. Пришла к тебе и увидела, что Даня действительно отправил сообщение. Открыла его. Прочитала. Да, каюсь, это некрасивый поступок, но я была подростком. – Она смерила меня холодным взглядом. – Это был порыв. Ты бы поступила точно так же. А Влад... Я не говорила про него ерунды. Посоветовала лишь спросить, почему он приехал сюда. Но он точно мог наговорить про меня всякого. И я разочаруюсь в тебе, если ты ему поверишь.

Ее губы крепко сжались.

– Что? – Я подняла бровь, меня больше ничто не сдерживало. – Это ты мне говоришь? Разочаруешься? Ты? Каролина, очнись. – Для наглядности я вытащила руку из кармана и пощелкала пальцами. – О разочаровании могу говорить только я. Ты с самого начала относилась ко мне предвзято. Не так, как к другим. Ты меня не замечала – возможно, так тебе было удобно. Но всегда выделяла Даню, и я понимаю почему. Когда мы стали встречаться, ты ведь удивилась, правда? Может быть, злилась, может быть, проклинала меня. Твой комментарий под нашей фотографией о многом говорит, поверь. Ты всегда оцениваешь его девушек? Кто ты вообще такая, чтобы одобрять или не одобрять чью-то личную жизнь?

Она ничего не говорила – просто молчала, обеими руками держа перед собой квадратную красную сумочку.

– Наверное, любить кого-то годами и оставаться при этом на вторых ролях – тяжело, – продолжала я. – Но знаешь, в жизни все возвращается. Вчера он бросил меня из-за тебя. А завтра он бросит тебя из-за другой девочки. Жаль, конечно, осознавать, что друг детства и моя первая любовь превратился в такого козла. Но помни, Каролина, все возвращается.

Я думала, Серебрякова ответит мне – жестко и колко, а она... Она просто прикрыла лицо ладонями и заплакала. Я слышала ее сдавленные всхлипы и видела, как вздрагивают плечи.

– Что происходит? – раздался за нашими спинами голос Матвеева. Я моментально оглянулась на него. Стоит и смотрит в упор. Злой. Красивый. До сих пор любимый. И ненавистный.

– Ничего, – тихо сказала я, заставив себя отвести взгляд от его лица.

– Ничего? – повторил он за мной с недобрым удивлением. – Каролина, что с тобой? – Даня подошел к ней, попытался отнять ладони от лица, но она не далась. Тогда он снова взглянул на меня.

– Довела ее до слез, довольна? – спросил он, вставая между нами. Спиной к ней. Как будто защищая ее от меня. И это простое движение добило мое и без того раненое сердце.

– Что?! – крикнула я, перестав контролировать голос. Было ужасно обидно. – С ума сошел? Я ее не доводила. Только сказала правду, узнав кое-что интересное. Эй, Каролина, расскажи-ка Данечке, что ты сделала. Ему будет интересно.

Серебрякова всхлипнула громче. Она что, издевается надо мной?! Что за цирк?

– Хватит, – попросил Матвеев устало.

– Бедная Каролиночка, злая Даша ее обидела. Заставила пролить слезки.

– Я сказал – хватит, – повторил Клоун. – Иди домой.

– Сама знаю, куда мне идти, – ошетилилась я. Любовь из моего сердца пропала, оставив лишь ненависть – огромную, словно бездна. – Не указывай, Матвеев. Эй, Серебрякова, дай жару! Если ты высморкаешься с пузырями, Данечка совсем растает и будет тебя жалеть и любить. Ну, или любить и жалеть. Очередность сами выбирайте и...

– Сергеева! – рявкнул Клоун. От неожиданности я вздрогнула.

– Ты как всегда, Матвеев. Как всегда. Защищаешь только ее. И в школе, и сейчас, – тихо сказала я. – Впрочем, твое право. Жаль только, что я устала вновь и вновь разочаровываться в тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.